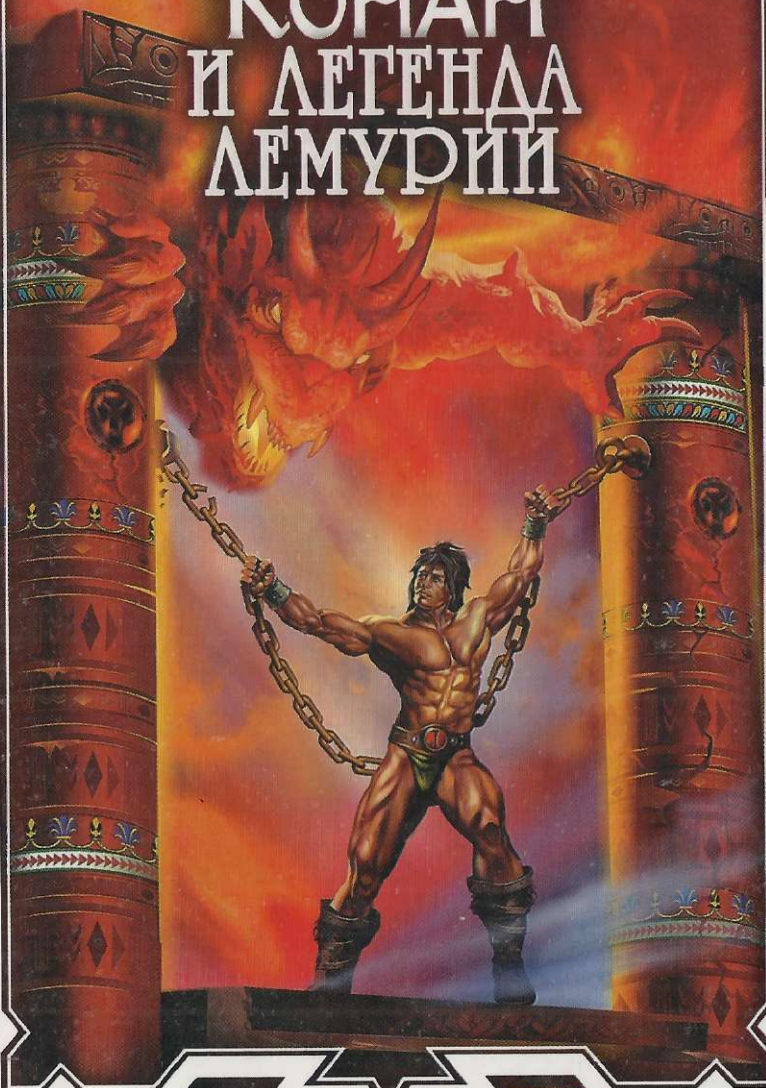

3-й том
КОНАН

КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИЙ

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ЧЕТЫРЕ СПИДИИ 1	КОНАН И БОГИ ТЬМЫ 2	КОНАН И МЕЧ КОЛАУНА 3	КОНАН БРОСАЕТ ВЫЗОВ 4	КОНАН И ПОВЕЛЕНИЕ ПЕЩЕР 5	КОНАН И ПЕСНЯ СНЕГОВ 6	КОНАН И НЕБЕСНАЯ СЕКИРА 7	КОНАН НА ДОРОЖЕ КОРОЛЕЙ 8
КОНАН ПРИНИМАЕТ БОЙ 9	КОНАН И КАРУСЕЛЬ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МИТРЫ 11	КОНАН И НОЧНЫЕ КЛИНКИ 12	КОНАН И ТРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГЛАДУЩЕГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ЖАЛДЯЩИХ СТРЕЛ 15	КОНАН И ТЫСЯ ВОЙНЫ (НЕ ИЗДАНО) 16
КОНАН И ТАЛКМАН ЗАА (НЕ ИЗДАНО) 17	КОНАН И БИЧ НЕРГАЛА 18	КОНАН И ГОРОД ПЛЕННЫХ ДУШ 19	КОНАН И ИСТОЧНИК СУДЕБ 20	КОНАН И СЕРАЦЕ АРИМАНА 21	КОНАН И БАТРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЗРАКИ ПРОШЛОГО 23	КОНАН И ВОЙНСТВО МРАКА 24
КОНАН ВАРВАР ИЗ КИММЕРИИ 25	КОНАН И РЕЖИЙ ЯСТРЕБ 26	КОНАН И ПЛЕННИКИ БЕЗАНЬ 27	КОНАН И ЗАГОВОР ТЕНЕЙ 28	КОНАН И КОПЬЕ КРОМА 29	КОНАН И ВРАТА ВЕЧНОСТИ 30	КОНАН И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ 31	КОНАН И РАСКОЛТЫЛ ИДОЛ 32
КОНАН И ЧАША БЕССМЕРТИЯ 33	КОНАН И ЛЕДЯНОЙ СТРАЖ 34	КОНАН И ТОРГОВЦЫ ГРЕЗАМИ 35	КОНАН И АЛТАРЬ ПОБЕДЫ 36	КОНАН И БИТВА БЕССМЕРТНЫХ 37	КОНАН И ПОКЛОНЕНИЕ ПЛАСТИ 38	КОНАН И БЕРЕГ ПРОПАТЫХ 39	КОНАН И ОКОВЫ БЕЗМОЛВИЯ 40
КОНАН И ВЛАДЫКИ НЕБЕС 41	КОНАН И ДРЕВО МИРОВ 42	КОНАН И КОЛЬЦО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДРЕВНИХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЬМЫ 45	КОНАН И ГНЕВ СЕТА 46	КОНАН И ХРАМ НОЧИ 47	КОНАН И КОРОЛЬ ВОРОВ 48

КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ

ас

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

Москва • Санкт-Петербург • 2004

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)
К64

Серия основана в 1993 году

Серийное оформление Дмитрия Вяземского

Авторские права защищены. Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.09.03.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 21,00. Тираж 10 000 экз. Заказ 2838.

Конан и Легенда Лемурии: Сб. / К. Монро, Н. Орли,
К64 А. Потар, Д. Эвейл. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.:
«Северо-Запад Пресс», 2004. — 395, [5] с. — (Конан).

ISBN 5-17-021061-2 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93699-175-1 («Северо-Запад Пресс»)

Неугомонный киммериец ни единого дня не может прожить без приключений. Вместе с Ночными Стражами — профессиональными охотниками на нечисть — он отправляется в далекое прошлое, во времена таинственного Роты-всадника, в поисках разгадки кровавой тайны. А по возвращении в Хайборию его захватывает водоворот еще более удивительных событий...

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Coe)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 1999
© С. Шикин, оборот, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление
и подготовка текста, 2003

Глава первая,

*в которой Ночные Стражи разговаривают
о событиях древности и размышляют
об окружающих их загадках*

*Полуночная Бритуния, герцогство Райдор,
Лето 1285 года по календарю Аквилонии.*

Ронан, ты работаешь с нами половину лета, но доселе ведешь себя, как ребенок. Свет, Тьма, злая и добрая магия, плохие и хорошие волшебники... По большому счету — все это чепуха, только детей пугать. Мир устроен гораздо более сложно, и делить его на две половинки — черную и белую — не имеет смысла. Вселенная многоцветна, даже Тьма имеет свои оттенки, которые можно различить...

— Это точно. Вполне различаю. Один из таких оттенков сидит напротив тебя и глодает кость, — с непередаваемым сарказмом ответил киммериец, и покосился на огромную серовато-бурую тушу, ворочавшуюся в дальнем углу пещеры. —

Очень надеюсь, что этот мосол — не человеческий.

— Успокойся, — усмехнулся Эйнар. — Наш безмозглый дружок доедает оленя, которого поймал в горах этим вечером... И потом, ты снова находишься в плену предрассудков! Да кто тебе сказал, будто горные тролли были порождены тем, что люди называют словом «Тьма»? Давай разберемся...

— А чего тут разбираться? Тролль — это большая, очень сильная и донельзя опасная тварюга, которая вдобавок, отвратно выглядит. Да ты посмотри на это чучело!

Наевшийся тролль, будто назло, гулко рыгнул и по пещерке распространилось мерзейшее зловонье.

— Тьма не способна порождать жизнь, — увлекшийся своими философическими мыслями Эйнар будто ничего и не заметил, а Конан гадал, вытошнит его сейчас, или нет. — Первородное зло Черной Бездны не может творить — оно лишь извращает сущее, изначально сотворенное богами чистым и светлым. С тех пор, как Тьма пришла в тварный мир, ничто не осталось прежним — искажение коснулось всего, в том числе и людей.

— Насчет людей ничего сказать не могу, — фыркнул Конан. — А вот троллей упомянутое тобой искажение вовсе не «коснулось», а от души приложило им по голове огромной дубинкой. Все легенды и истории про троллей в один голос твердят: эта древняя раса была создана в незапа-

мятные времена Великим Всадником Полночи, Ротой, который, без сомнения, был Темным Божеством.

— А что означает слово «темный»? — хитро прищурившись, поинтересовался Эйнар. — В твоём понимании?

Конан ненадолго призадумался, но все-таки ответил:

— Злой. Опасный. Страшный. Этого хватит?

— Ничуть, — отмахнулся Эйнар. — Мы снова подошли к главному вопросу мироздания, на который уже много тысячелетий никто не может дать внятный ответ. Что есть добро, а что — зло? О Всаднике до нас дошли лишь мутные и отрывочные легенды, в которых древнего бога от души мажут черной краской — мол, корни всех бед нашего мира растут из эпохи царствования Роты. Но есть тут одна загвоздочка: Рота, как и положено всякому уважающему себя божеству, был бессмертен. Он властвовал над материком около тысячи лет, создал величайшую Империю, рядом с которой Валузия и Кхария вместе с Атлантидой покажутся невзрачными провинциальными баронствами... Хотя кол мне на голове теши, но я не могу поверить в то, что абсолютное зло могло так долго владеть нашим миром! Как я уже сказал, зло бесплодно, а поскольку власть, это одна из форм творения...

— А как же быть с легендами? — поднял брови Конан.

— Историю пишут победители, мой дорогой варвар. Тогда была эпоха не-человеческих рас,

мир принадлежал не только людям. Твои сородичи, кстати, появились именно во времена царствования Роты, и, как гласят некоторые предания, некоторые племена дрались на его стороне в битве у Трех Вулканов, после которой закатная часть нашего континента была затоплена. Заметь, люди воевали за бога, который создал столь нелюбимых тобою троллей, гоблинов и прочих тварей, которых человек упрямо называет «темными», хотя Тьмы в них не больше, чем в тебе или во мне. Они просто другие. Или, если угодно, «иные». Просто они больше не принадлежат изменившемуся миру и уже очень скоро уйдут отсюда навсегда...

— «Изменившемуся», или «искаженному»? — уточнил киммериец.

— Искажение было внесено непосредственно после великого акта творения, — терпеливо объяснил Эйнар. — Или даже во время него, но не самим Творцом, а помогавшими ему богами, недопонявшими Его замысел или внесшими изменения преднамеренно! Примечательно, что ты заметил разницу, между «искажением» и «изменением». Хвалю, ты, оказывается, не безнадобен. Изменение мира — это его взросление. Согласись, ты тоже меняешься с возрастом — внешность, привычки, взгляд на жизнь... То же самое происходит и с нашим Универсумом. Полагаю, что Хайбория, пережив свое детство и отрочество, сейчас входит в пору юности. А тролли с гоблинами... Как бы правильнее сказать? Это как молочные зубы, которые со временем выпадают.

Древние существа вымирают, лет через пятьсот их совсем не останется. Эльфы, например, ушли насовсем...

— Эльфы? — Конан усмехнулся. — Это же сказка! Я не имею в виду привычных нам альбов, про которых ты рассказывал третьего дня и которые якобы доселе живут в своих скрытых городах, я говорю об эльфах из сказаний.

— «Эльфами» этих существ называли вы, люди, — ответил Эйнар. — Видимо, по созвучию с их самоназванием — «элентари». Альбы из Аэльтунна, скрытого города, находящегося в Керновском танстве, их прямые потомки и они действительно существуют... Пока, по крайней мере. А вот с настоящим элентари я бы повстречаться не хотел. И тебе не советовал бы.

— Это почему? — несказанно удивился киммериец. — В отличие от твоих дружков-гоблинов или нашего тролля, они были прекрасны обликом, добры и великодушны. Сошлюсь на все те же легенды...

— ...Которые были написаны самими высокими эльфами, от души старавшимися оставить о себе хорошую память. — поморщился Эйнар. — Не путай теплое с мягким: «прекрасный облик» отнюдь не означает, что его носитель является олицетворением добра и благодати. Я живу на Закатном материке не первую тысячу лет и лично видел, что здесь вытворяли элентари. И знаю, по чьей вине половина земель континента ушла в глубины Океана. А заодно мне известно, почему вы, люди, стали такими.

— Какими — «такими»? — нахмурился Конан.
— В нас-то тебе что не нравится?

— Ты меня не понял, — Эйнар поднял руки ладонями вперед в примирительном жесте. — Видишь ли, у меня нет выбора. Человек не может мне «нравиться» или «не нравиться». Я живу вместе с вами и вынужден принимать людей такими, какие они есть. Но в прежние времена вы были лучше. Чище, что ли?..

— И, каким, интересно, образом, мы перестали быть «чистыми»?

— После знакомства с прекрасными, светлыми, добрыми и благородными эльфами, которые научили народ атанн — так они называли вас на своем языке — тому, чем сами владели в совершенстве. Предательству, под маской необходимости. Жестокости, которую якобы оправдывает борьба с врагом. Ажи, рядящейся в белоснежное платье правды, как ее понимали чуждые вам существа...

— Красиво говоришь, — покачал головой Конан. — красиво, и не слишком понятно. Если верить тебе на слово, то получается, будто древние эльфы были не удивительными светлыми существами и старшими братьями человеческого рода, а сущими монстрами!

— Не то слово! — совершенно серьезно ответил Эйнар. — Они были первой разумной расой пришедшей в наш мир сразу после его сотворения, а значит и искажение коснулось их в значительно большей мере, нежели людей. Не искажение формы — да, действительно, внешне они бы-

ли прекрасны, — а искажение внутренней сущности, духа, божественного огня разума! Вашими старшими братьями элентари называли себя сами, стараясь подчеркнуть свое превосходство над смертными и, одновременно, не обидеть. Кстати, за глаза они именовали людей «однодневками»...

— Из-за слишком короткой жизни? — спросил киммериец.

— Именно. Никакие вы не братья — да, разумеется, племя элентари было сотворено первым, они первыми населили тварный мир, но когда Сила Творящая осознала свою ошибку, появился человеческий род. Не столь могучий, не наделенный великой магической мощью, смертный, подверженный болезням... Ваш дух до момента смерти заключен в телесную оболочку, в то время как элентари могли сбрасывать телесное воплощение и представлять в истинном облике — тело для них было лишь инструментом для достижения своих целей в видимом материальном мире.

— Но зачем богам и этому твоему Творцу, которого никто в глаза никогда не видел, было создавать человека? — удивился киммериец. — Если уж человек такой слабенький, болезненный и смертный? Пусть лучше в Хайбории жили одни бы эльфы и властвовали над этим миром!

— Могущество элентари повергло их род в гордыню, — тихо сказал Эйнар. — Как говорят, гордыня — тягчайший из пороков, порожающий иные грехи. А гордыней бессмертные владели в полной мере, аж через край перехлестывало! Мы — бессмертны! Мы — прекрасны! Мы — вла-

дыки! Мы — любимцы богов и Творца, первые их дети! Все, что существует в этом мире должно служить нам! Любой восставший против нас — погибнет! Рота восстал... И погиб. Точнее, не погиб — боги, после Великой Войны, сумели договориться между собой и Рота добровольно покинул этот мир, уйдя во Внешнюю Пустоту, где и обитает доселе.

— Любопытная история, — снисходительно улыбнулся Конан. — Никогда не слышал ничего подобного. Ты противоречишь всем сказаниям, летописям, древним преданиям. Ты, кстати, тогда сражался на чьей стороне — элентари или Роты?

— Как всегда — ни на чьей, — Эйнар развел руками. — Духи Природы не имеют права вмешиваться в распри между богами или их детьми, мы всего лишь наблюдатели и хранители тварного мира. А насчет противоречий... Я был там и видел все своими глазами. Летописцы же либо записывали историю Великой Войны со слов элентари и Великих Духов, выступивших на их стороне, либо пользовались недостоверными слухами. Хочешь верь, хочешь не верь, но я сказал правду. Зачем мне врать? Столько лет прошло...

— Как видно, ты не любишь элентари, — заметил Конан.

— Они сами себя не любили. Поэтому мне их ничуть не жалко. Знаешь, почему они ушли из нашего мира?

— Почему?

— После низвержения Роты, боги предложили бессмертным выбор: либо остаться в землях, ко-

торые будут населять сразу несколько разумных рас — люди, данхан, кро-мара, сиды и другие «младшие братья», — либо уйти в иной мир, владыками которого будут только элентари... Гордыня победила: они сочли, что делить все богатства Универсума с «однодневками», грязными двуголыми обзьянами, ниже их достоинства. Они хотели властвовать над сущим. Безраздельно. И ушли. Здесь остались единицы — со временем некоторые семьи элентари выродились, превратившись под гнетом времени в альбов-карликов, которые сейчас обитают в Ямурлаке, другие — сохранили свой прекрасный облик, но предпочли самоизоляцию. Я имею в виду Аэльтунн, в который не могут проникнуть смертные.

— Но ведь ты бывал в Аэльтунне?

— А я бессмертный, мне можно... Между прочим, уже глубоко за полночь, а завтра трудный день. Ложись спать, Конан. Погляди, вся честная компания давным-давно дрыхнет без задних ног. Я посторожу.

— А тролль как же? — киммериец исподлобья взглянул на восседавшее неподалеку чудовище. — Не хочу проснуться в его желудке!

— Что ты как дите малое? — возмутился Эйнар. — Целый день ноешь! Не тронет он вас! Во-первых, тролль весьма плотно поужинал, во-вторых, здесь нахожусь я! Не дергайся.

Варвар пробурчал что-то неразборчиво-грозное, снял перевязь с клинком, на всякий случай положил меч рядом с лежанкой и, бесцеремонно стянув с Гвайнарда половину шерстяного клетча-

того плета, улегся рядом с предводителем отряда Ночных Стражей.

Засыпая, Конан наблюдал за Эйнар — тот сидел перед костерком, внимательно глядя на язычки пламени, будто пытаясь прочесть в них некие тайные символы, скрытые в природной магии огня. Горный тролль по имени Ы-ыч перебрался ближе ко входу в пещеру, завешенному прошитой серебряными нитями тканью, однако высовываться наружу не пытался — сейчас, ночью, было Время Тумана.

* * *

История, в которую с размаха влипли Конан Канах и его brave соратники, началась несколько дней назад, когда отправившийся на городской рынок киммериец случайно заметил возле торговых рядов странное существо, в точности похожее на двенадцатилетнюю девочку, по такой вовсе не являвшееся. Конан, как человек бывалый, моментально различил, что под обликом человеческого ребенка скрывается самая натуральная нечистая сила — демон, принявший человеческое воплощение. И это среди бела дня, при ярком солнце!

Варвару оставалось только сорвать с пояса серебряную звездочку-шурик и запустить им в непонятную тварь. Эффект от этого простого действия превзошел все ожидания — нечисть умирала долго и неприятно, исторгая заунывный вой и клубы дыма, на рынке поднялась неслы-

ханная паника, а самого Конана немедленно арестовала городская стража, посчитав, что злокозненный колдун покусился на невинное дитя, каковое и погибло страшной смертью...

Обвиненного в черном колдовстве киммерийца вытащили из темницы его верные друзья и самолично Великий герцог Варт Райдорский, единодержавный правитель обширных земель на Полуночном Восходе Бритунийского королевства. Именно светлейший герцог и нанял отряд профессиональных охотников на монстров, для расследования причин возникновения странного магического наваждения, за несколько дней превратившего некогда мирное герцогство в эдакую волшебную страну, почище любого Ямурлака...

И действительно, с первых дней третьей весенней луны 1285 года по аквилонскому календарю, в Райдоре начали происходить события, объяснить которые с точки зрения здравого смысла было невозможно. Как прикажете воспринимать известия о том, что нечисть появляется в людских поселениях среди бела дня, что исчезают в никуда целые хутора, что обыкновенные домашние коровы или свиньи ни с того, ни с сего, рожают невероятных уродцев, а в лесах все чаще встречаются удивительные реликтовые чудовища, которые в обычное время никогда не приближаются к человеческому жилью, зная, что встреча с двуногими может быть весьма и весьма чреватой?..

Дальше — хуже. В Райдоре было отмечено появление самой настоящей бубонной чумы, «чер-

ной смерти», способной за считанные дни выкосить больше половины населения крупного города. По счастью, господин охранитель герцогской короны, а в просторечии — начальник тайной службы Райдора, месьор Атрог из Гайарны, немедленно принял самые жесткие меры и сумел предотвратить распространение заразы. Однако, по городу вовсю поползли нехорошие слухи: мол, все эти безобразия происходят неспроста. Народ по привычке обвинял во всех бедах гиперборейских колдунов и сетовал на бездействие властей, а власть спешно искала выход из сложившейся неприятной ситуации, в свою очередь опасаясь бунта со стороны черни.

Тогда-то Варт Райдорский и принял решение обратиться за помощью к людям, отлично разбирающимся в нечисти и колдовстве — к гильдии Ночной Стражи, многократно помогавшей и самому вельможному герцогу, и его подданным в разрешении трудностей, возникавших благодаря появлению разнообразных неприятных тварей не от мира сего.

Отряд Ночных Стражей состоял всего лишь из четверых человек, однако ватага охотников за монстрами за последние годы зарекомендовала себя с самой лучшей стороны — к Стражам обращались за помощью как благороднейшие дворяне, так и простые кметы. Отряд, возглавляемый Гвайнардом из Гандерланда, доселе не терпел поражений и охотники с честью выполняли самые сложные задания — им по зубам были и вампиры, и болотные ящеры, и прочие скверные твари,

досаждающие человеку самим фактом своего существования. Нельзя не упомянуть, что пользующиеся доверием Великого герцога охотники изредка выполняли особо деликатные поручения его светлости, касающиеся дел денежных и политических. Но это было скорее исключением, чем правилом.

Итак, Гвайнард и его друзья — Астерд из Нордхейма, Конан Капах и Эйнар-броллайхэн — вняли призыву герцога и взялись за дело. Тотчас были отброшены самые невероятные версии появления в Райдоре «ничейной» магии: поначалу охотники грешили на какого-нибудь сумасшедшего колдуна, который бродил по райдорским землям и устраивал дурацкие розыгрыши, потом отбросили мысль о так называемой «буре перемен» — буйстве бесконтрольного волшебства, вырвавшегося из подчинения волшебника... Что остается?

Ответ дал сам герцог Варт, пригласивший охотников к себе в замок для весьма серьезного разговора.

И вот что рассказал гостям светлейший: полуночная Бритуния не зря славится обилием чудес — места глухие, малонаселенные, в лесах и предгорьях Граскааля еще с валузийских времен сохранилось множество древних животных и магических существ, которых люди чаще называют демонами...

Но одной из главных диковин Райдора является так называемая «Исчезающая долина», расположенная на крайнем полуночном восходе гер-

погства, там, где почти под прямым углом сходятся Граскаальские и Кезанкийские горы.

Один раз в пятьсот лет (с погрешностью не более чем в полтора-два десятилетия) один из горных кряжей внезапно исчезает. Да-да, месьюры охотники, вы не ослышались! Горы *исчезают*. В никуда. В пустоту.

На их месте появляется огромное черное облако, а по ночам в бритунийские долины с гор начинает сползать густой туман, явно имеющий некие магические свойства!

Хроники, которые вели коронованные пращеры герцога Варта недвусмысленно указывали, что «Времена Тумана» отличаются всплеском бесконтрольной магии — чаще всего безобидной. Однако, в прежние времена Туман приносил с собой и нешуточные бедствия, вроде морового поветрия (как тут не вспомнить едва не начавшуюся в городе эпидемию чумы!). Заодно появляются опасные чудовища, ранее прочно считавшиеся вымершими, набирает силу нечисть, получившая способность переносить дневной свет...

Словом, дело это весьма серьезное, досточтимейшие господа Ночные Стражи!

Поначалу герцог тоже посчитал, что несколько случаев магического наваждения, случившихся в Райдоре и окрестностях — дело рук обиженного на голову мага, причем не местного, а заезжего: в Полуночной Бритунии сильных колдунов отродясь не было. Но когда из баронства Дортон, что находится неподалеку от гор, прискакал гонец, сообщивший о появлении над Кезанкией

черного бурлящего облака, все встало на свои места. Прошло пятьсот лет, Туман вернулся.

Все летописи утверждали: к счастью, «Времена Тумана» продолжатся очень недолго — после нескольких лун магических безобразий, горный кряж возвращается на свое место, «ничейное волшебство» исчезает и на следующие пять столетий вновь воцаряются тишь да благодать.

Если учитывать, что черное облако впервые было замечено в середине лета, то Время Тумана могло продолжаться до осени, а то и до зимы. Герцога такой расклад категорически не устраивал — Райдор превратился в самый настоящий заповедник нечистой силы, подданные роптали, тайная служба сбивалась с ног, пытаясь охотиться на нечисть если не во всем герцогстве, то, по крайней мере, в столице, торговые пути приходили в запустение... Следовало немедленно предпринять самые решительные меры.

Как его светлости, так и самим охотникам было ясно, что четверка Ночных Стражей не может оборотить столь могучее волшебство — тут наверняка не хватило бы сил даже у самых известных магов Заката, наподобие Тот-Амона или Пелиаса Кофийца. Но вот съездить в горы и взглянуть на источник, из которого бурным водопадом хлещет «ничья» магия, Ночные Стражи вполне в состоянии. Слишком рискованно? Ну и что? Мы и так каждый день рискуем своей шкурой, нам не привыкать. А вы, светлейший, в это время постарайтесь защитить самого себя и своих вассалов от колдовской опасности...

Герцог немедленно начал действовать. В Райдоре было объявлено осадное положение. Всех подозрительных проверяли с помощью испытанных средств борьбы с нечистой силой — зеркал, серебра и чеснока. Варт не поскупился и передал из казны несколько мер чистого серебра оружейникам, для отливки наконечников для стрел и копий, а так же для серебрения оружия гвардии и городской стражи. Купеческие караваны в город не пускали, опасаясь возможного распространения заразы. Светлейший, вместе с семьей, переехал в укрепленный замок в закатной части Райдора — от греха подальше. Все нити управления герцогством взял в свои руки месьюр Атрог Гайарнский, человек умнейший и знающий свое дело. Фактически, безраздельная власть перешла к начальнику тайной службы, который получил право «действовать по обстоятельствам» — все решения Атрога, касающиеся безопасности страны и ее жителей, заранее одобрялись Его светлостью.

...Охотники выехали к Исчезающей долине на следующее утро. Путь был неблизкий — два дня конного хода до баронства Дортон, а потом не менее суток до перевала, за которым скрывались Долина и пресловутое черное облако. Гадать, что именно происходит в горах, смысла не имело, поскольку ни опытный Гвайнард, девять лет занимавшийся ремеслом Ночного Охотника, ни Эйнар, являвшийся самым настоящим воплощенный Духом Природы, прижившимся среди людей, не могли объяснить причин, вызвавших к

жизни встретившиеся на пути странные (а иногда и страшные...) чудеса.

На откровенно забавные диковинки, вроде бегающего на человеческих ногах домика дорожной стражи можно было бы внимания не обращать, но в один из вечеров охотники стали свидетелями уничтожения крупного поселка Торгал, стоявшего на дороге к баронству Дортон. Отряду неслыханно повезло — Гвай устроил привал в нескольких лигах от деревни, которая в одно мгновение была сожжена колдовским пламенем. Знакомый с искусством волшебства Эйнар предположил, что было применено заклинание Белого Огня Оридата — мощнейшая боевая магия Кхариин. Но кто ответит, почему заклятье возникло из пустоты и не направлялось колдуном? Так или иначе, любые заклятья, действовавшие в Полуночном Райдоре появлялись сами собой, действовали весьма непродолжительное время, а затем вновь исчезали, что нарушало все законы волшебства: магия не появляется ниоткуда и не исчезает в никуда.

Что же, Нергал вас всех заберет, происходит?

Дальше — больше. Странности продолжились в замке барона Дортон, где охотники остановились на ночевку, да только означенные странности носили отнюдь не магический характер. Перво-наперво Конана насторожили дружинные господина барона: стражники говорили с кофийским акцентом, что было весьма необычно — за чем месьюру Дортону понадобилось нанимать дружину в Кофе, когда и в родной Бритунии хва-

тает добрых мечей? После ужина в обществе барона и его подруги, представившейся графиней Дайрэ из Атреи, возникло еще несколько вопросов.

Во-первых, Гваю и компании было известно, что *настоящему* Олему Дортону было не больше девятнадцати лет, а нынешний хозяин замка выглядел несколько постарше. Во-вторых, барон являлся страстным охотником, но в замке не было ни одной охотничьей собаки. Как такое прикажете понимать? В-третьих, красотка, именовавшая себя графиней Дайрэ Атрейской, таковой тоже не являлась, ибо Гвай и остальные были лично знакомы со старым графом и его дочерью, которые жили в обширном поместье к полудню от столицы герцогства — истинная госпожа Дайрэ была милой провинциальной толстушкой, в то время как подруга фальшивого барона выглядела взрослой и много повидавшей прожженной интриганкой, наверняка бывавшей при немедийском или кофийском королевских дворах. Почему эта парочка взяла себе чужие имена и куда подевался настоящий Олем Дортон, охотники тем вечером выяснить не смогли.

Конан, который полагал бездействие одним из самых тяжких человеческих пороков, задумал лично разобраться в секретах замка и, заручившись поддержкой Астерд, решил обшарить родовое гнездо Дортонов от конька крыши до подвалов — вдруг отыщется что-нибудь интересное? Пришлось использовать магию Ночной Стражи: некоторые колдовские декокты, хранившиеся в

дорожном мешке Гвайнарда могли отвести глаза страже и придать Конану обличье «призрака». Так и вышло — киммериец, незамеченный никем, обыскал верхние этажи замка и библиотеку, в которой наткнулся на весьма странное послание, явно адресованное фальшивому барону. В денеше говорилось следующее:

«Люди Альдануса будут ждать вас в Пайрогии. Явившись на место сообщите об успехе или провале дела и обстановке вокруг вас. Господин прибудет немедленно по получении письма. Не покидайте дом вплоть до приезда Господина.»

Загадок только прибавилось: почему письмо написано по-аквилонски? Кто такой «Господин»? Какое «дело» должно быть успешным или провальным? На всякий случай запомнив текст письма, Конан отправился обследовать подземелья замка и удача вновь улыбнулась варвару — обнаружился настоящий барон Дортон!

Оказывается, его милость был заперт новыми хозяевами поместья в самую глухую темницу, возле дверей которой была выставлена стража. Благодаря магии охотников Конан умудрился освободить барона и скрытно провести его в гостевые комнаты, но тут же встал новый вопрос — каким образом Олему Дортону можно будет незаметно покинуть свой замок, поскольку утром стража перевернет поместье вверх дном, пытаясь отыскать беглеца? Ночью выходить наружу слишком опасно — все окрестности затянуты колдовским туманом.

Астерд, девица решительная и благоразумная,

тотчас отыскала выход — владеющий волшебством Равновесия Эйнар был поднят от сладкого сна, ему быстро втолковали, что надо делать, а затем боллайхэн придал молодому барону Олему свой облик, а сам сбросил телесную оболочку и покинул поместье.

Разумеется, фальшивые «барон» и «графиня» сразу начали подозревать охотников, но поскольку не было никаких доказательств их причастности к исчезновению пленника (стражники видели лишь «призрака», коим в действительности являлся Конан), вынуждены были отпустить отряд, так и не узнав, что под внешностью Эйнара скрывается барон Дортон — в магии страны авантюристы были не сильны.

По дороге к горам Олем рассказал, что произошло.

Весной, во время поездки в столицу на празднование дня рождения короля Эльдарана, молодой барон раззнакомился во дворце с очаровательной парой. Госпожа Лиа и месьор Эргус представились кофийскими дворянами, собирающимися вскоре пожениться. Сейчас они путешествуют по странам Полуночи, чтобы отдохнуть и набраться впечатлений. Эргус (граф, если судить по гербу), оказался заядлым охотником, не хуже самого барона Дортон. На том и сошлись: Олем пригласил кофийцев погостить в фамильном замке и с увлечением расписывал новым друзьям свои чудесные охотничьи угодья.

Десять дней назад Лиа и Эргус приехали в Дортон со свитой в виде двух десятков отъявлен-

ных головорезов и нескольких слуг. Объяснили наличие боевого отряда опасными дорогами Полуночи, где кого только не встретишь — от привычных разбойников, до страшных чудовищ.

Олем, простая душа, поверил.

А следующей ночью в замке произошел маленький переворот. Спящую дружину Олема перерезали мгновенно. Убили всю прислугу. Трупы тайно вывезли и сбросили в одно из ущелий, которыми столь богаты предгорья Граскаала. Следов теперь не отыскать. Самого Олема, еще пьяного после дружеского пира, скрутили и потребовали отдать ключи от библиотеки. Какие ключи, к Нергалу? Книги хранились прямо в кабинете, приходи да читай сколько влезет! Долго расспрашивали о Временах тумана и Исчезающей долине — древних легендах, известных в землях Дортонов. Ничего путного не добившись, Олема бросили в подземелье. Одно хорошо — кормили со своего стола и приносили свежую солому для лежанки. Сказали, будто Олем еще понадобится.

Вот и все, если вкратце.

После красочного рассказа Олема, вопросов, ясное дело, отнюдь не убавилось. Очевидно было одно: скоро в Дортон приедет некая очень важная персона, вероятно, тот самый «Господин» из письма. Замок, скорее всего, был захвачен по его распоряжению, а сам «Господин» интересуется Временем Тумана и магией, выползающей из Исчезающей долины.

Олема решили оставить в отряде — пропадет один, да и охотникам лишний меч не помешает.

Днем отряд поднялся на перевал, отделявший земли Дортонов от Исчезающей долины и немедленно столкнулся с очередным сюрпризом. У ночных стражей появились весьма неожиданные союзники — самые настоящие горные гоблины.

Эту авантюру, понятно, провернул неугомонный Эйнар. Сбежав из баронского замка в бестелесном обличье, броллайхэн наткнулся в горах на большое семейство гоблинов и решил, что лучших проводников и охранников не придумать — гоблины знают здесь все тропинки и подземные тоннели старых гномьих выработок, а кроме того, представляют из себя серьезную военную силу. Особенно если учитывать, что вождь племени, именем Гардаг, командовал еще и тремя здоровенными пещерными троллями — существами тупоумными, но невероятно сильными и почти неуязвимыми.

Эйнар воплотился в облик гоблинского шамана и (без разрешения и согласия Гвайнарда) уломал Гардага помочь людям, появившимся на перевале. Тем более, что эти люди владели Алой магией Равновесия, никогда не являвшейся враждебной для племени гоблинов. Гардаг согласился — вождя племени пугало Время Тумана и он понял, что обороняться лучше в союзе с людьми, пускай этих людей всего лишь пятеро...

Когда Эйнар, вернувшийся в отряд ближе к вечеру, поведал о своем решении Гваю, командир отряда вначале схватился за голову, но потом внял доводам броллайхэн и согласился на кратковременный союз с гоблинами Гардага. Тем бо-

лее, что Ночных Стражей преследовали — в отдалении был замечен конный отряд, посланный вслед за охотниками из замка Дортонов.

Гвай попросил Гардага для начала установить наблюдение за поместьем и отправить к замку двух-трех соглядатаев, а заодно как следует пугнуть конников, излишне навязчиво следовавших за охотниками в горы и захватить одного из них для вдумчивой и задушевной беседы. Гардаг, ничуть не возражая, согласился исполнить все приказы...

* * *

Гоблины оказались проворнее и исполнительнее вымуштрованных королевских гвардейцев. Пока отряд Ночной Стражи отдыхал, они спустились ниже по перевалу и вскоре по склонам Лазурного кряжа разнесся отдаленный рык, чьи-то панические вопли и послышались несколько ударов стали о сталь. Гоблины вкупе с пещерным троллем вступили в игру.

* * *

— Кажется, наши приятели одержали полную и безоговорочную победу, — бесстрастно сказал Гвай, наблюдая за происходящим на тропе со скального карниза. Голодный Эйнар вовсю хлебал приготовленное Асгерд варево, а Олем Дортон и Конан просто валялись на травке, не выказывая никакого интереса к разворачивавшимся

поблизости событиям. — Ого, да вы только гляньте! Троль уложил двух всадников, остальные повернули обратно!

— Не хотел бы я столкнуться с этой пещерной пакостью один на один, — зевнул киммериец. — Но уж если Эйнар говорил, что тролли Гардага безопасны — придется поверить.

— Безопасны, безопасны... — пробурчал Эйнар сквозь набитый рот. — Кстати, в нашей теплой компании никто никогда не трудился палачом? Если Ы-ыч не сожрет пленника сразу...

— Кто такой Ы-ыч? — не понял Конан.

— Так тролля зовут. Так вот, если Ы-ыч не слопает пленника сразу, его придется разговорить — мне, да и господину барону, наверное, тоже, донельзя любопытно узнать, что за прохиндеи покусились на его фамильное владение... А кофийцы известны своим упрямством!

— Не то, что заговорит — запоет! — усмехнулся киммериец. — И палач нам совершенно не нужен. У опытных наемников есть свои способы беседовать с попавшимся в наши нежные руки противником. Вот помню во время войны Кофа с Немедией за коринфские серебряные рудники...

— Избавь нас от подробностей, — поморщилась Асгерда. — Благодаря твоим наемничьим байкам, мне по ночам кошмары снятся! Кстати, вот и гости. Учтите, тролля я кормить не буду! Нам самим едва хватает!

Ы-ыч топал ножищами так, что со склона осыпались мелкие камушки. Вслед за могучим чудищем невозмутимо шествовали четверо здо-

ровенных гоблинов. Вид у всей компании был довольный.

Гоблины молча расселись в тени у скалы, а тролль сбросил с плеча на землю нечто бесформенное — похоже, его огромные трехпалые лапы изрядно помяли человека. Эйнар, позабыв про котелок с похлебкой, бросился к пленнику.

— В обмороке, — со знанием дела сказал бралайхэн. — Гвай! Дай воды!

Кофиец причел в чувство быстро — хватило двух котелков родниковой воды, вылитых на голову. И сразу же пленник машинально шарахнулся в сторону — над ним нависала бурая бугристая туша Ы-ыча, не желавшего бросать законную добычу. Конан сразу убедился, что это было отточенное движение бывшего воина, а не признак боязни — кофиец пытался уйти из-под возможного удара.

— Рад пожелать доброго дня, — лучезарно улыбнулся Эйнар, присевший на корточки рядом с пленником. — А ведь денек действительно чудесен, верно? Солнышко, свежий ветерок, прекрасные виды гор... В самый раз для приятной послеобеденного моциона. Итак, любезный, мы жаждем услышать, что вынудило тебя и твоих дружков насладиться конной прогулкой по этим прелестным местам? Только давай не будем делать вид, что вы отправились на охоту за горными баранами, все одно не поверю!

Конан лишь головой покачал. Он видел, что орешек попался крепкий.

Кофиец был уже в возрасте, не младше сорока

лет, но обветренное, будто из гранита вырубленное лицо, жилистые руки с мозолями, свидетельствовавшими о ежедневных упражнениях с клинком и ясный, не замутненный животным страхом взгляд, говорили о том, что изловленный Ы-ычем наемник в этой жизни перевидал столько, что каким-то паршивым троллем его не особо напугаешь.

Люди войны, занимающиеся этим ремеслом с ранней юности, однажды полностью теряют чувство страха — да, опасаются, но ни в коем случае не боятся. Есть большая разница!

Кофиец быстро и цепко осмотрелся. На мгновение остановил взгляд на сложенном возле костра оружии, прикинул, далеко ли до ведущей вниз тропы, искоса поглядел на кинжал, висевший на поясе Эйнара, оценил, насколько далеко сидят вооруженные гоблины и сколько людей находится на площадке...

Киммериец уважительно хмыкнул — надо же, ни одного лишнего движения, а обстановку пленник оценил с точностью и тщанием. Придется следить за ним в оба — такие люди продают свою жизнь задорого!

— Попить дайте, — поворчал кофиец и попытался сесть. Троль предостерегающе рыкнул. — И уберите ваше чучело — от него смердит, будто от выгребной ямы!

Эйнар вопросительно поглядел на Конана, но тот сделал ладонью отрицательный жест. Пока наемник пил из котелка, киммериец принял решение сам побеседовать с пленным. Двое людей,

всю сознательную жизнь занимавшиеся одним ремеслом, быстрее найдут общий язык.

— Ты из Хоршемиша? — непринужденно спросил варвар на кофийском языке, присаживаясь на ближайший валун.

— Да, и что из того? Бритунийскими законами запрещено рождаться в Хоршемише?

— Почему же — запрещено? — пожал плечами Конан. — Все люди равны, родись ты в Аквилонии, Вендии или Стигии. Просто законы Бритунии и Райдорского герцогства категорически не одобряют ничем не спровоцированный захват дворянских замков, убийства его обитателей и насильственное лишение свободы владельца одного замка.

— Ты, как видно, из стряпчих? — ощерился кофиец. — Уж больно говоришь складно.

— Нет, не из стряпчих, — преспокойно ответил варвар. — Но если мы тебя передадим властям Райдора, то за участие в подобных бесчинствах тебе светит десять лет на рудниках в Граскаале... И то, если ты не командовал захватом крепости Дортонов, а лишь в нем участвовал, исполняя чужой приказ.

— Очень страшно, — насмешливо фыркнул пленник. — Прямо сейчас и повезете на герцогский суд? Отсюда, с перевала? Вот не знал, не гадал, что государева стража теперь и безлюдные горы от злодеев оберегает!

— Вот еще, время терять! — небрежно отмахнулся Конан, выкраивая на лице самое что ни на есть безразличное выражение. — Видишь ли, у

меня в сумке есть прелюбопытный рескрипт его светлости герцога Райдорского... Сейчас отыщу... Ага, вот он. Знаешь, что здесь написано? Слушай внимательно! — варвар с нарочитой медлительностью развернул помятый пергамент и продекламировал:

— *«Мы, Варт, Великий герцог Райдора и прилегающих земель, принц крови, наместник Его величества короля Эльдарана Бритунийского, сим подтверждаем, что податели сего являются моими доверенными лицами. Всем ленным вассалам Райдора, дворянам, каштелянам и управителям замков, приказывается почитать волю обладателя этого рескрипта, волей Великого герцога и наместника Полночных областей Бритунии, оказывая любую посильную помощь. Собственной рукой подписал — Варт Райдорский».*

Кофиец выслушал так, словно Конан читал не рескрипт единодержавного владельца здешних земель, а маловразумительную детскую сказочку.

— И что?

— Да ничего... — пергамент оправился обратно в сумку. — Расслышал про «волю Великого герцога»? Вот его волей мы тебя сейчас и скорым нашему троллю. А для начала — отдадим гоблинам на забаву... Эти парни — великие выдумщики на предмет всяческих милых развлечений, человеку такое и не снилось, поверь...

— Да ничего вы не сделаете, — сплюнул кофиец и повторил по слогам: — Ни-че-го, понятно? Вот мне эта истина понятна насквозь... Вы ведь хотите сперва узнать, кто я, да откуда, да почему с Бритунии оказался, кто хозяева, какой приказ?

Правильно? Огорчу: я ничего не знаю. Так что можете без кривляний и выкрутасов сунуть меня в котел с кипятком, а то, что сварится, отдать на обед вашей образине... Да вот одна незадача: из меня и бульона-то хорошего не получится, жилы одни.

— Честное слово, ты мне нравишься, — совершенно искренне сказал Конан. — Даю слово, мы тебя отпустим, с честью. Верю, что ты, как человек продающий свой меч и свои умения за деньги, можешь ничего не знать о замыслах и планах своих нанимателей. Но хоть что-нибудь? В двух словах?

— Ладно, уболтал, языкастый, — криво усмехнулся кофиец. — Только все равно ничего толкового я тебе сказать не смогу. Про наемничью контору Альгиса из Равенны слышал?

— Альгис Равеннский? — наострил уши Конан, услышав знакомое по прежним временам имя. — Хоршемиш, улица Трех мечей, большой дом из желтого песчаника?

— Надо же... — теперь пришел черед кофийца удивляться. — То-то я гляжу, ты по-кофийски со столичным выговором болтаешь!

— Служил в гвардии короля Страбонуса несколько лет назад, — ответил Конан, совершенно не покривив душой. — А с ланистой Альгисом лично знаком. Только ты позабыл еще упомянуть, что Альгис трудится за деньги и под покровительством королевской тайной канцелярии, отыскивающей через него верных и опытных людей...

— А мне на это плевать, дружище, — с вызывающей уважение невозмутимостью сказал кофиец. — Тайная эта канцелярия, или явная, какая мне разница?.. Платят много золота — это главное. *Очень* много золота! Второе условие: не задавать вопросов и исполнять приказы. Остальное нас не касается. В общем, когда Альгис набрал наш отряд, нам представили командиров: того парня, Эргуса, что перед вами назвался бароном Дортоном, и девку — Лию... Верховодит она, Эргус у нее на подхвате, мальчик на побегушках и только. Девочка непростая, у меня глаз наметанный... Серьезная девочка, умная, с хваткой, какую вырабатывают только многолетней службой таким серьезным персонам, рядом с которыми мы с тобой — пыль. Вот тут и подумаешь о тайной службе короля Страбонуса, но, честно говоря, в этом деле все куда сложнее — не королевский тут расклад, бери повыше...

— Магия? — вздернул бровь Конан. — Вас нанял один из великих колдунов? Кто? Тот-Амон? Менхотеп? Лоухи?

— Не знаю... непонятно. Но сила задействована нешуточная, точно говорю. Повторяю: я только исполнял приказы, вопросов не задавал. Сказали замок захватить — мы с парнями сделали. Сказали девку охранять — охраняли. Она приказала за вами приглядеть — следили... Пока не нарывались.

Кофиец выразительно глянул на гиганта-тролля.

— Не обращай внимания, — махнул рукой Ко-

нан, проследив взгляд пленника. — Это наши друзья. Все сказал?

— Все, — выдохнул кофиец, а Эйнар, который умел различать правду и ложь, прошелестел:

— Конан, этот человек не врал. Отпусти его. Ты же обещал!

— И, что характерно, свои обещания я всегда выполняю, — бросил киммериец и покосился на тролля. — Эйнар, оттопи это пугало подальше, а то он явно жрать хочет... Кофиец, как твое имя?

— Дартус.

— Очень хорошо. Меня обычно называют Конаном из клана Канах, родом из Киммерии. Уходи. Ты помог нам, и я это не забуду. Однажды наши дороги вновь могут пересечься. Преследовать тебя не будут, твои наниматели о нашем разговоре никогда не узнают, обещаю.

Наемник молча поднялся на ноги, оглядел недовольно порывистого тролля, которого Эйнар заставил отойти в сторону, и неторопливо зашагал вниз по тропинке. Прощаться кофиец не стал — просто ушел. Троль поглядывал ему вслед недовольно, но послушаться броллайхэн не смел.

— И снова мы ничего не узнали, — Гвай остался очень недоволен — по лицу было видно. — Что теперь?

— Теперь надо идти в горы, — невозмутимо ответил Конан. — Все ответы — за перевалом. Какая нам сейчас разница, кому понадобился замок Дортонов и почему именно Олем стал жертвой незнамо чьих интриг? Кстати, ребята, дело идет к

вечеру, а наш шатер вряд ли спасет от Времени Тумана, будь он обшит серебром хоть в три слоя! Давайте попросим парней Гардага показать нам хорошее убежище. Хотя бы пещеру? Есть возражения?..

Возражений не возникло — ночевать под открытым небом было слишком опасно.

Глава вторая,

*в которой Конан разговаривает
с самым настоящим вампиром, а потом
встречает древнего демона*

Ронан проснулся под утро — почувствовал, что в пещере есть кто-то посторонний. Варвар осторожно повернулся на бок, машинально нашаривая рукоять клинка, и осмотрелся. Олем, Асгерд и Эйнар мирно спят, тролль улегся возле входа в пещеру и теперь выглядит как неопрятная груда поросших буроватым мхом валунов. Гоблинов нигде не видно — ушли ночевать в свои подземелья.

У крошечного костерка сидели двое. Пускай в пещере было темно, киммериец сразу опознал Гвайнарда по меховой безрукавке и белевшей в полумраке рубахе.

Собеседник предводителя ватаги охотников восседал спиной к варвару и одевался в черное — длинный, до земли, балахон с глубоким капюшо-

ном. Кто же мог явиться в горы среди ночи, когда Граскааль и Кезанкия окутаны колдовским маревом?

Кто? Рэльгонн, вот кто! Только самопровозглашенный эрл замка Рудна был способен за одно мгновение перенестись через огромное расстояние, разделяющее керновское танство и Лазурный кряж!

На самом деле Рэльгонн не был никаким эрлом (просто он сам себя так называл...) и жил в недоступных людям подвалах разрушенной крепости Рудна, которую уже много столетий полагал своей безраздельной собственностью. Это удивительное создание к человеческому роду не имело ровным счетом никакого отношения — Рэльгонн являлся вампиром. Да не простым вампиром, а каттаканом, то есть живым существом из плоти и крови, в коем не было ничего демонического, как, например, в гулях иранистанских гор.

История появления месьора Рэльгонна на Закатном материке была крайне запутана. Несколько тысяч лет назад на северные области континента рухнула гигантская Небесная Гора.

Случившийся в момент катастрофы огромный выброс тепла и магической силы привел к появлению Врат Миров — порталов ведущих в чужие миры, которые, как утверждал сам Рэльгонн, могут находиться на непредставимом расстоянии от Хайбории, возле чужих звезд. Один портал открылся в Универсум, который населяли каттаканы, и Рэльгонн вместе с несколькими

родственниками решил поглядеть, что же находится по ту сторону Врат.

Оказавшиеся в Хайбории каттаканы обследовали незнакомый мир, подивились на населявших его удивительных существ, наподобие людей, гномов или альбов и засобирались было обратно, да вот незадача — портал внезапно захлопнулся и Рэльгонн вместе с дядей и братом оказались навсегда отрезанными от своего дома. Вновь привести в действие Врата Миров каттаканам не удалось, пускай их цивилизация стократно превосходила все разумные расы Хайбории в большинстве областей знаний.

Уяснив, что покинуть чужой для них мир каттаканы не могут, Рэльгонн вместе с сородичами приспособился к жизни во владениях непонятных тварей, именовавших себя «людьми», а поскольку гости из чужой Вселенной были весьма и весьма долгоживущими (пускай и не бессмертными, как элентари-эльфы или броллайхэн), каттаканы ужасно скучали. Кроме того, они были настолько чужды людям, что немногочисленное семейство Рэльгонна моментально заслужило жуткую репутацию упырей и вампиров... В значительной степени это было справедливо — каттаканы действительно пили кровь человека и животных, что было необходимо им для выживания.

Когда и как Гвайнард познакомился с Рэльгонном, киммерийцу было неизвестно, однако Котан отлично знал, что старый вампир уже много лет помогает ватаге Ночной Стражи в много-

трудном ремесле охоты на настоящих монстров и, похоже, получает от этого удовольствие — каттакан, с его врожденными магическими умениями, холодным логическим разумом и способностью «прыгать через Ничто» был незаменимым помощником охотников. Одна беда: Рэльгонн мог действовать исключительно ночью, поскольку лучи хайборийского солнца обжигали его белоснежную кожу. Кроме того каттаканы не переносили яркий дневной свет — в их мире светило было маленьким и холодным.

Конан понял, что если Рэльгонн внезапно заявился поговорить о делах, следовательно, упырь сумел раздобыть интересующие Гвая сведения об Исчезающей Долине. Надо бы встать и послушать принесенные Рэльгонном новости.

— Ага, Конан проснулся... — слышав шорох, упырь обернулся и сверкнул на варвара своими замечательными желтыми глазами без зрачков. — Подсаживайся к огню, я принес с собой красного вина, а Гвай подогрел его в котелке.

— Доброй ночи, Рэльгонн, — вежливо сказал киммериец, питавший к вампиру самые уважительные чувства. — Что хорошего скажешь?

— Ничего, — мрачно ответил упырь. — Кажется, друзья мои, мы попали в крайне неприятную переделку... Я, к примеру, вообще отказываюсь понимать, что здесь происходит. Это противоречит всем законам природы! Такого просто не бывает, поверьте!

— Какого — «такого»? — уточнил Конан, потянулся и присел на камушек возле костра. — Я

уже давно привык, что в нашем окаянном ремесле ничему не нужно удивляться. Еще год назад я и представить себе не мог, что сведу дружбу с настоящим вампиром или буду ночевать в одной пещере с вонючим троллем, о котором и думать-то противно, не то что видеть его рядом с собой!

— Жизнь сложна и непредсказуема, тебе ли этого не знать? — усмехнулся Гвай. — Итак, Рэль, что ты разнюхал? Ты был в Исчезающей долине?

— Был, — кивнул упырь. — Только никакая это не долина...

— То есть как? — не понял киммериец. — Если верить летописям и хроникам Райдора, Лазурный кряж раз в пятьсот лет замещается широкой долиной, укрытой черным облаком. Что находится под туманным покровом — никому неизвестно. Правильно? Если ты побывал за туманной стеной, значит мог увидеть, что скрывает от нас магическое марево!

— Другой мир, — брякнул Рэльгонн. Подумал, и сказал еще более непонятно: — Точнее, не другой, а этот. Только этот мир — другой.

— Бр-р... — Гвай встряхнулся, будто мокрая собака. — Ничего не понимаю! Объясни по-человечески! Какой мир? В долине находится нечто вроде портала? Как Врата Миров?

— Не знаю! — в сердцах воскликнул упырь. — Сущее бесовство, клянусь звездным небом! Вот, глядите...

Оказывается, Рэльгонн притащил с собой дорожный мешок, сшитый из плотной холстины,

по классическим вампирьим традициям покрашенной в черный цвет. Конан заинтересовался — обычно Рэльгонн предпочитал путешествовать налегке и варвар никогда не видел, чтобы он носил с собой что-нибудь тяжелее серебряного медальона на шее.

— Сначала я прыгнул через Ничто напрямую в Исчезающую долину, — говорил упырь, вытаскивая из мешка непонятные предметы, светившиеся разноцветными огоньками. — А когда понял, что все увиденное являет собой одну огромную загадку размером с целый мир, немедленно вернулся в Рудну и прихватил оттуда некоторые полезные приспособления. Когда-то мы их взяли с собой из дома, чтобы более тщательно исследовать ваш мир...

— Как можно что-нибудь «исследовать» с помощью этих коробочек? — озадачился Конан, рассматривая принадлежавшие Рэльгонну шкатулки. — Магия?

— Нет, не магия, — покачал головой упырь. — Это машины. Механизмы. Ну, вроде ваших мельниц или, например, осадных катапульти. Только в тысячи тысяч раз сложнее. Конан, я же тебе рассказывал, что разумное сообщество каттаканов создало множество машин, которые помогают нам познавать мир, путешествовать или разговаривать друг с другом на огромном расстоянии. Помнишь?

— Конечно, — за варвара ответил Гвай. — Ты это называл «техногенной цивилизацией», но я так и не понял истинного значения этих слов.

— Да вам это и не нужно, — отмахнулся Рэльгонн. — Полагаю, однажды человек тоже сможет создавать подобные механизмы, но это произойдет очень и очень не скоро — тут действуют законы развития разумных рас, а человечество еще слишком молодо... Впрочем, давайте больше не отвлекаться.

— Давайте, — согласился Конан, которого гораздо больше интересовало дело, нежели заумные разговоры. — И зачем тебе потребовались эти механизмы в Исчезающей долине?

— Чтобы определить, где именно я очутился, — пояснил упырь, и взял в руки одну из шкатулок, на крышке которой было укреплено нечто вроде светящегося бело-голубым огнем зеркала размером с ладонь. — Признаться, вначале я подумал, что укрывающее долину облако и впрямь является чем-то вроде гигантского природного портала, ведущего в один из отдаленных миров. Но все оказалось гораздо сложнее. Там, за порталом — ваш мир. Хайбория.

— Ты хочешь сказать, «еще одна Хайбория»? — осторожно спросил Гвай. — Мир-отражение? Я слышал о чем-то подобном... Точная копия нашей Сферы?

— Сфера, мир, планета — называйте как удобнее, — сказал Рэльгонн. — Названия разные, сущность одинаковая. Да, Универсум, находящийся за облаком является Хайборией. Но там все другое! Пейзажи, очертания материка, воздух наконец... Свежее он, что ли? У меня возникло четкое ощущение, что я попал в эпоху самой

ранней юности вашего мира! И, чтобы проверить свою догадку, я прыгнул через Ничто в Рудну и забрал эти штуковинки... Механизмы подтвердили, что я нахожусь в Хайбории.

— Механизмы, которые способны «подтверждать», — медленно сказал киммериец, пытаясь осмыслить эту фразу. — Ты, случаем, не заболел? Любой механизм — это мертвое порождение человеческих рук! Катапульта или мельница, которых ты приводил в пример, разговаривать не могут!

— Катапульти — не могут, — широко улыбнулся Рэльгонн, демонстрируя кошмарный набор белоснежных конических зубов. — А эта машинка, созданная каттаканами, способна меньше чем за квадранс определить, в каком мире находится ее владелец по отношению к нашей родной сфере. Видишь зеркальце? Оно улавливает свет звезд, определяет, где какая звезда расположена, каково до нее приблизительное расстояние... И так далее. Смотри!

Рэльгонн коснулся нескольких темных квадратов, расположенных под зеркалом и по его гладкой поверхности поползла долгая череда незнакомых Гваю и Конану голубых символов.

— Это наши буквы, — бросил упырь и невнятно забормотал, более обращаясь к самому себе, чем к людям: — Эклиптика... Наклон орбиты, давление у поверхности, состав атмосферы, сила тяготения совершенно одинаковы... Угол наклона магнитной оси такой же, пятнадцать с половиной градусов, ускорение — девять целых и восемь де-

сятых... Магнитные полюса смещены, но в допустимых пределах... Скорость убегания полностью соответствует...

— Скорость убегания — от кого? — не выдержал Конан, которому надоело выслушивать эту ахинею, больше похожую на колдовское заклинание. — Что ты несешь?

— Вам это неинтересно и непонятно, — чуть высокомерно заявил Рэльгонн. — Перевожу на человеческий язык: мир, в который ведет Исчезающая долина по показаниям детект... в смысле, по мнению этого полумразумного механизма, является вашей родной Сферой. Сиречь, она планета расположена во Вселенной там, где ей и полагается быть изначально. Но этого мало! Каждая сотворенная Сфера обладает своими собственными уникальными особенностями. В тварной вселенной не существует совершенно одинаковых миров, как нет двух одинаковых людей или каттаканов. Так вот: Хайбория, в которой мы находимся прямо сейчас, и Хайбория, которая скрыта за черным облаком, практически неотличимы. Различия составляют сотые доли от общего сходства, на которые можно не обращать внимания... Выводы сделаете сами, или подсказать?

— Какие уж тут подсказки... — почесал в затылке Гвай. — Дело ясное: в горах находится огромный портал. Только он связывает между собой не миры, а эпохи одного и того же мира. За облаком находится проход в будущее или прошлое Хайбории. Особо замечу: *в весьма отдаленное* прошлое или будущее. Но такого же не бывает!

Если рассудить логически, будущего пока просто не существует, а попасть в прошлое — невозможно! Проход туда закрыт для смертных! Да и для бессмертных тоже...

— Не так уж и невозможно, — сказал киммериец. — Слышал о Ланголе, туранском Боге Времени? Я однажды был свидетелем того, как алтарь святилища Лангола забросил двух незадачливых искателей приключений в одну весьма отдаленную страну на Восходе, где они жили много дней, а когда вернулись обратно в Туран, выяснили, что на самом деле не прошло и одних суток. Одним из этих приключенцев был я сам, между прочим.

— Ты сравниваешь несравнимое! — воскликнул Рэльгонн. — Я знаком с культом Лангола, этот бог способен лишь замедлять или ускорять течение времени, но открывать портал в прошлое он не может! Исчезающая долина — явление уникальнейшее. Знаете почему?

— Почему? — хором спросили Конан и Гвай.

— Да хотя бы потому, что мы получили возможность заглянуть во времена, когда Хайбория переживала свою первую эпоху, до великих катастроф, до затопления Атлантиды, падения Небесной горы, гибели Валузии и Лемурии! Чистый, незамутненный мир! Это даже не отрочество, а раннее детство Хайбории!

Люди замолчали, пытаясь понять, что именно хотел сказать Рэльгонн. Конана терзала одна мысль: а что если этот непонятно откуда взявшийся временной портал закроется, и отряд на-

всегда останется в неизвестной, чужой и насквозь непонятной эпохе? Да и вообще, зачем туда лезть? Приказ герцога выполнен, природа Исчезающей долины отчасти разъяснена. Пора возвращаться домой! В конце концов (если можно столь неизящно выразиться...), Исчезающая долина через луну-другую сама исчезнет!

— Один момент, — вскинулся Гвай. — Рэльгонн, почему ты так уверен, что пройдя через облако, мы окажемся именно в прошлом, а не в будущем?

— Боги милостивые... — схватился за голову упырь. — Ты же сам только что ответил на этот вопрос! Будущего еще не существует! Время похоже на бесконечную цепочку: год — звено. А кузнец продолжает ковать, не останавливаясь ни на миг — «настоящим» является колечко которое сейчас лежит на наковальне, а самые первые звенья, «прошлое» давно покрылись ржавчиной или вообще рассыпались! «Будущее» же вообще не отковано, оно пребывает в виде железной руды, бесформенной грудой лежащей на дворе кузни... Там, за облаком — прошлое! Точнее, это для нас тамошнее время является «прошлым». Окажись мы там, прошлое превратится в настоящее!

— И вернуться мы не сможем, — уныло вставил Конан. — Поскольку для того прошлого нашего будущего просто не существует. Логично?

— Ничуть не логично! — отверг мысль Конана Рэльгонн. — Мы же принадлежим *этому* времени, а не *тому*, правильно? Вот обитатель *того* времени перейти к нам не сумеет, а мы сумеем,

поскольку сами по себе являемся связующим звеном между эпохами! Думаю, однажды прошлое просто вытолкнет нас обратно сюда, как выталкивается заноза из пальца! Там мы будем чужеродны! Понимаете?

— Не понимаем, — отрекся Конан. — Чересчур заумно. Кажется, ты нахально подбиваешь нас на жуткую авантюру... Будто у нас в этой Хайбории неотложных дел мало!

— Но это же так интересно! — воскликнул Рэльгонн, однако упыря перебил прагматичный Гвай:

— Рэль, мы позабыли о главном, о «ничьей магии», которая и так доставила всем и каждому множество неприятностей. Ты ж рассказывал, будто каттаканы кроме этих дурацких машинок... — командир отряда указал взглядом на валявшиеся у ног каттакана шкатулки, — так, вот, кроме механизмов вы еще полагаетесь на свое врожденное волшебство. Побывав в Исчезающей долине ты хоть отчасти понял, откуда истекает колдовская сила?

— Кажется, да, — поразмыслив, кивнул Рэльгонн. — Возвращаясь к вопросу о времени, скажу, что по моему мнению, эта «ничейная» магия не принадлежит нашим временам. То есть в нашей Хайбории у нее нет хозяина, а в той Хайбории — есть! Магическая сила, пройдя через образовавшийся временной портал более не управляется ее хозяином, в результате чего возникает некое подобие Бури Перемен. Скорее всего, природа этого явления именно такова.

— Значит, тот, кто породил это волшебство в прошлом, был не особо приятным человеком, — заключил Конан. — Иначе откуда у нас появилась бы нечисть, которая не боится солнца? Это самая натуральнейшая магия Черной Бездны!

— Приятным... человеком? — эхом повторил Рэльгонн. — Не-ет, друзья мои, такое волшебство человеку принадлежать не может! Силенки, уж простите, у вашего племени не те! Кроме того, появление нечисти — это частный случай, а надо смотреть на явление в целом. Обычного безобидного волшебства из Исчезающей долины, то есть, из Хайбории прошлого, истекает гораздо больше. Черная магия — это только часть спектра. Часть великого многоцветья, где между черным и белым есть алое, синее, зеленое, оранжевое... Вы, люди, склонны обращать внимание только на плохое.

— Потому, что плохое — всего заметнее, — парировал Гвай. — Если даже привычные ко всяким пакостям гоблины испугались Времен Тумана, то что говорить о людях? Но в одном ты прав: магия *оттуда* приходит... разная. Именно многоцветная!

— Многоцветная? — Конан задумался. — Что-то мне напоминает это слово. Некую смутную историю древности, которую я мельком слышал еще в детстве. Не смейтесь, в таких отдаленных странах как Нордхейм или Киммерия сказки передаются о отца к сыну почти неизменными, варвары помнят о минувших временах куда лучше, чем цивилизованные аквилонцы или зингар-

цы... Голову даю на отсечение, разгадка где-то рядом, но я никак не могу ее отыскать!

— Когда вспомнишь — не забудь сказать, — усмехнулся Рэльтгонн. — Побывав там, я понял, что в той Хайбории постоянно действуют несколько мощнейших магических артефактов. Впрочем, слово «мощнейших» тут неприменимо, поскольку не отражает истинного положения дел! Я чувствовал магию такой непредставимой силы, что никому из вас и не снилось! Ее потоки пронизывают тот мир, магия находится везде и одновременно — нигде. Думается мне, древняя Хайбория держалась на этом волшебстве как на каркасе, понимаете?.. Своего рода — скелет Универсума! Ничего более ясного сказать не могу, поскольку сам не разобрался в своих ощущениях. Все это было для меня очень странно. И непривычно.

— Хорошо, — вздохнул Гвай. — Скажи, что нам теперь делать? Я жду совета. Возвращаться в Райдор? Или попытаться заглянуть за облако, скрывающее Исчезающую долину?

— Решай, что тебе больше по нраву, — пожал острыми плечами упырь. — Видишь ли, другой возможности понять, где скрывается причина чудес, происходящих в этих горах два раза за тысячелетие, тебе уже не представится. В следующий раз портал появится только через пятьсот лет. А может и вовсе не появится...

— Подумаю, — буркнул Гвай и сразу поправил самого себя: — Точнее, мы все вместе подумаем. Утром.

— Кстати, насчет утра... — оживился Рэльтгонн. — В общем-то, я сообщил все, что могло вас заинтересовать. Скоро рассвет, и мне как и всякому уважающему себя вампиру, перед восходом надо возвращаться домой. Какое бы решение вы не приняли, я вас отыщу следующей ночью, окажись вы в этой Хайбории, или в той. Отдохните еще немного...

Упырь встал, куртуазно раскланялся, укрыв лысую голову капюшоном и растворился в воздухе — прыгнул через Ничто в свой замок.

— Что скажешь, Конан? — устало спросил Гвай, когда Рэльтгонн отбыл.

— Не знаю, — ответил киммериец. — Рискованно, конечно, соваться незнамо куда... Но почему бы не попробовать? Просто глянем, что там происходит, и сразу вернемся назад. Как тебе такое предложение?

— Поутру решим, — Гвай улегся на конскую попону и натянул плед до подбородка. — Эх, заманчиво, заманчиво... Только бы Рэльтгонн не ошибся!

* * *

— С утречком, ваша милость, — раздался над ухом варвара насмешливый голос. Конана немилосердно трепали за плечо. — Вашей милости принести в постель завтрак? Подать умыться? Воду родниковую или кипяченую?

— Отвали, — Конан продрал глаза, уселся и увидел перед собой довольно лыбящегося Эйна-

ра. Более в пещере никого не было, а от входа тянуло дымом костра. — Давно рассвело?

— Три квадранса, — ответил броллайхэн. — Все давно проснулись, один ты дрыхнешь без задних ног.

— Что снаружи?

— Выйди да посмотри...

Киммериец натянул сапоги и выбрался из пещеры. Для начала обратил внимание на то, что тролль исчез — наверное, проголодался и отправился на охоту. Гоблинов тоже не видно. Олем, Асгерд и Гвай суетятся возле костра, над которым булькает черный от копоти котелок. Лошади стоят там, где их и оставили вечером — возле низких горных сосенок, росших у края площадки. Как видно, магический туман не повредил ни скакунам, ни ездовому монстру киммерийца, носившему непритязательное имя «Гнедой».

(Тут совершенно необходимо заметить, что этим летом Конан ездил не на коне, а на сартаке. Дело было так: во время далеко не самой удачной охоты на лесного мантикора погибла лошадь Конана, растерзанная взбешенным чудовищем. Разумеется, долго оставаться в пехоте киммериец никак не желал, и сразу отправился на рынок города Чарнины, чтобы прикупить себе достойного скакуна. Таковой отыскался довольно быстро: гнедой длинноногий красавец, стать — залюбуешься, иной король позавидует, скачет быстрее ветра, умница... Словом, всем был хорош гнедой, кроме одного: лошадью он не был. То есть, вообще никак не относился к конской породе.

Гвайнард, узрев приобретеньице варвара, сначала опешил, потом пришел в ужас, а когда Конан начал выяснять, в чем же дело, растолковал, что гнедой есть не что иное, как сартак — хищное полуразумное животное, очень похожее на настоящего коня.

Водятся такие сартаци на Аурусе — в соседнем мире, находящимся за природным порталом, расположенном в предгорьях Граскааля. Оказалось, что предприимчивые представители рода человеческого давным-давно разнюхали о том, что Врата Миров скрывают незаселенный человеком мир и мигом навели торговый путь за портал.

Туда завозились товары для переселенцев, решивших оставить Хайборию, оттуда везли редких животных и золото.

В целом, Конана не особо волновало, что у купленного под видом лошади сартака во рту имелся целый арсенал острейших клыков — зверь быстро привык к новому хозяину и честно выполнял все обязанности ездового животного. Но после крайне неприятного события в чарнинской таверне «Золотое Солнце», когда голодный сартак (варвар позабыл покормить его вечером...) выпотрошил прямо в стойле любимого ослика хозяина постоянного двора, пришлось подумать о том, что зверя лучше бы содержать отдельно от других животных. Следует заметить, что чудовище в лошадином облике, сожрало несчастную скотинку на глазах остолбеневших постояльцев, сбежавшихся на вопли конюхов. Скандал едва

удалось замять с помощью неприменных золотых кругляшков и большого количества дорогого красного вина...)

Этим утром сартак выглядел недовольным, но вполне здоровым и бодрым. Тем более, что зубастое чудище в лошадином обличье вообще крайне редко бывало чем-то довольным — Гвай и остальные откровенно побаивались Гнедого, поскольку сартак был крайне опасен и мог серьезно покусать или даже убить человека. Благоклонно он относился только к хозяину.

— Опять солонина с овощами? — поморщился киммериец, заглянув в котелок. — Асгерд, да сколько же можно кормить нас этой гадостью?

— Не нравится — ходи голодным, — невозмутимо ответила нордхеймская воительница. — Я, кстати, в кухарки к вам не нанималась. Хочешь — готовь сам.

— Не мужское это дело, — мигом ответил Конан и едва не получил удар локтем по ребрам — Асгерд терпеть не могла подобных намеков. Все-таки в Нордхейме женщины не только воюют наравне с мужчинами, но иногда и сами дружины в походы водят... — Ладно, извини. Вечером действительно займусь ужином самолично, меня в Туране научили готовить божественные кушанья из сущего дерьма, только бы специи были. Гвай, как обстановка?

— Никак, — пожал плечами Гвайнард. — Туман, как и положено, к утру исчез. Приходил посланец от Гардага, сказал, что в подземельях ночью было неспокойно — гоблины, якобы, видели

Пламенного Бича, бродившего по заброшенным тоннелям гномов. Мол, едва ноги унесли...

— Пламенный Бич? — озадачился варвар. — Это что еще такое?

— Демоническое существо, относящееся к области чистейшей мифологии, — уверенно сказал Гвай. — Уж не знаю, что там гоблинам Гардага с перепою привиделось, но Пламенных Бичей просто не существует.

— Гвай, я не спрашивал, существуют они, или нет. Что это?

— Гигантский монстр, демон пламени. Так по крайней мере утверждают сказки. Вооружен огненным мечом или плетью. Любое оружие, коснувшееся этого демона — сгорает. Пламенный Бич почти непобедим, эти духи имеют божественную природу, они невероятно сильны и агрессивны. Последние упоминания о них относятся к временам непредставимой древности, эра владычества Роты-Всадника. Во времена Валузии или Кхари и в нашу эпоху их никто никогда не видел, включая гномов королевств Граскаала, которые прокопали шахты к самым корням гор. Вроде бы Пламенные Бичи обитают именно там, на огромной глубине. Вот и все, что мне известно. Теперь ты доволен?

— Доволен? — хмыкнул киммериец. — Помнишь, что Рэльгонн говорил? Там, за облаком... — Конан указал на закрывающую перевал огромную черную тучу, — там находится Хайбория изначальных времен. Если эти Пламенные Бичи жили во времена Роты, то где гарантия, что один

из них не сумел недавно перебраться оттуда в наш мир?

— Исключено, — решительно ответил Гвай. — Рэльгонн четко сказал: для существ из прошлого *нашего* будущего не существует и они не смогут пройти через портал.

— Да? Человек не сможет, а чудище вроде твоего Пламенного Бича — сможет. Если этот демон действительно таков, каким ты его описал — существо обладающее почти божественной силой! — то ему может быть подвластно и время! Вдруг монстру стало скучно в прошлом и он решил поразвлечься у нас?

Гвай, посчитавший соображения Конана надуманными, хотел было ответить решительной отповедью, но в этот момент случилось одновременно несколько событий. С тропы ведущей вниз, в долину Драконьей лапы, донесся невнятный металлический грохот вкупе со странным завыванием, затем на площадке перед пещерой появились аж целых четыре гоблина во главе с Гардагом.

Конан от неожиданности опрокинул себе на штаны миску с похлебкой, Гвай, Эйнар и барон Олем схватились за мечи, Асгерд выхватила из скрученных на затылке узлом соломенных кос метательную иглу.

Гардаг и его непривлекательные дружки были напуганы — в круглых зеленоватых глазах гоблинов плескался ужас. Все четверо были вооружены до зубов и облачены в заржавленные, но добротные доспехи явно гномьей работы. С кем они

успели сцепиться с утра пораньше? И кто вызвал в стане гоблинов эдакую панику?

— Что? — коротко спросил насторожившийся Гвай.

— Он приш-шел в наш-ши пещеры... — с прищептыванием выдохнул Гардаг. — У вас-с магия Равновесия! Помогите! Мы же заключили союз...

— Кто — «он»? — киммериец тотчас позабыл об испачканных штанах. Слишком уж явными были волны страха исходившие от гоблинов. А представителей подгорного племени не так уж легко напугать — сами кого хочешь заставят в штаны наложить.

— Пламенный Бич, — быстро ответил Гардаг и вернул словечко, потом определенное Эйнаром как понятие, сохранившееся с древнейших времен. — Валарауко... Он здесь, совс-сем рядом. Остановите его, или он убьет вс-сех...

Взоры всей компании обратились к Эйнару, как существу, владевшему природной магией. Если уж воевать с демоном, которому нипочем любое оружие, то придется использовать волшебство.

— Я не уверен, — помотал головой броллайхэн. — Вы за кого меня принимаете, а? Думаете, у обычного Духа Природы хватит сил для борьбы с монстром, о котором даже ничего толком неизвестно?... Катитесь к демоновой матушке на пирожки! Не пойду никуда!

— Тогда вот тебе приказ, — деловито сказал Гвай, набрасывая на плечо перевязь с клинком. — Воевать с этой штуковиной тебя никто не за-

ставляет. Пойдем просто глянем, что оно такое. Если выяснится, что монстр действительно опасен, прикроешь наше отступление, а сам на время развоплотишься — он не сможет тебя догнать. Гардаг, это далеко?..

— Эй, эй! — тут уже возмутились Конан и Астерд. — Гвай, ты однажды допрыгаешься! Зачем нам смотреть...

Земля колыхнулась, будто при землетрясении. Со склонов скалы посыпались мелкие камушки. Конану показалось, что солнце померкло, его будто тучей закрыло. Впечатление дополнил сильнейший удар грома — варвару почудилось, что в скалу попала молния.

— Какого демона?.. — начал было Гвай, хватаясь за рукоять меча, но тут же понял — обычный стальной клинок в данной ситуации ему не поможет.

Охотники начали медленно отходить к пещере, а гоблины с тоненькими привизгиваниями порскнули по сторонам, будто спугнутые тараканы. Гардаг рванул вверх по тропе с такой быстротой, что, казалось, гoblin увидел перед собой Князя Черной Бездны, самого прародителя Зла. Только пятки засверкали.

— Мамочки... — выдавила Астерд. Или Конану показалось, или в ее речи были слышны нотки восхищения. — *Ни-че-го себе!* Поразительно! Такого просто не бывает!

— Гвай тоже говорил, что не бывает, — пораженно сказал киммериец, пятясь и вытягивая перед собой меч. — Гвайнард, я тебе лично морду

набью! Собственными руками! Это он? Пламенный Бич?

— Отцепись, балбес...

Оно было огромным. Не гигантским, конечно, но огромным. Двадцать или тридцать локтей в высоту, не меньше. Туловище походило на человеческое — две руки, две ноги, голова — но ни у одного человека нет такой кряжистой, будто сплетенной из черных вервий, фигуры. И уж точно представители людского племени не обладают сияющими багровым огнем глазами, широченными крыльями, сложенными за спиной, трехпалыми, будто у ящерицы, конечностями и пастью, напоминающей пылающие недра самого большого на свете кузнечного горна.

А еще тело удивительного монстра порождало огонь. При каждом его шаге по тропе ведущей на перевал, от глянцево-черного туловища исходили волны горячего темно-оранжевого пламени. Под когтистыми стопами демона-валарауко плавился камень. Воздух стал раскаленным, дуновение горячего ветра обжигало лица. Лошади и сартак все-таки сорвались с привязи и сбежали вверх по тропе, вслед за Гардагом.

Ватага охотников вместе с бароном Олемом ошетилилась клинками — люди оказались прижаты к скале, отступать было некуда. Неожиданно пожаловавший в гости к Ночным стражам демон стоял как раз посреди площадки, чуть левее костра, на котором все еще кипел котелок с завтраком.

Конану почему-то подумалось, что эдакий

монстр может быть очень полезен для приготовления пищи для целой армии проголодавшихся наемников — дунет один разок, и никаких костров не нужно... Что за глупые мысли?..

— Эйнар? — процедил Гвай. — Можешь что-нибудь сделать?

Пламенный Бич стоял и спокойно рассматривал стоявших перед ним крошечных человечков. Пока не нападал. В его лапах не было видно ни огненного меча, ни плети, от которой и пошло прозвание древних демонов.

— Н-нет, — заикнувшись выдавил броллайхэн. У Эйнара зуб на зуб не попадал. — Я чувствую его мощь... Боги, какой он... сильный! Такое просто немыслимо...

— Кажется, мы серьезно влипли, — почти не разжимая губ пробурчала Асгерд. — Гвай, командуй! Хоть умрем с честью! Похоже, данный монстр прославленным охотникам на монстров не по зубам!

Но тут произошло странное. Пламенный Бич осторожно отступил на несколько шагов, к самому краю площадки и опустил окутанные вспышками огня лапы-руки, прежде вытянутые в предостерегающем жесте. Его огромное черное тело начало быстро изменяться, превращаясь не то в ящерицу, не то в дракона. Пламя постепенно исчезало.

— И что сие значит? — озадачился Гвайнард, наблюдая за трансформацией монстра. — Он же мог сжечь нас за долю мгновения!

— Мог, но не сделал, —отреагировал Конан,

заинтересованно наблюдая за демоном. — Вопрос: почему? И зачем он превращается?

Вскоре перед взглядами Ночных Стражей предстал невообразимо противный чешуйчатый гад, названия которому не смог подобрать даже быстрый на слова Эйнар. Эдакая неопрятная пометь черной гадюки, дракона-виверна и саламандры. Морда отвратительнейшая, длинный гибкий хвост заканчивается треугольным жалом, похожим на копейное острие. Глаза остались прежними — горяще-багровыми. Конан неожиданно для самого себя рассмотрел в этих ярких точках удивление и, возможно, некую долю заинтересованности.

Боги всеблагие, да что же ему нужно?

— Пришедшие следом... — вдруг гулко сказал черный ящерозмей на вполне понятном каждому из охотников аквилонском языке. Что происходит? Откуда Пламенный Бич может знать наречие столь далекой от Бритунии страны? Аквилония ведь появилась только тысячу триста лет назад, а возраст этого существа может исчисляться десятками тысячелетий! — Да, я не ошибся, вы — Пришедшие следом. Я видел вас *тогда*... Повелитель был благосклонен к вашему племени, хотел научить вас истине, которой обладал. Но вы почему-то избрали путь длинноухих... Господин на вас не обиделся.

— Что за абракадабра? — шепнул Конан, поворачиваясь к Гваю. — Какие длинноухие? Какой, к демонам, «Повелитель»? Может он от старости из ума выжил?

— Тс-с... Пусть говорит. Если не убил сразу и начал разговаривать, значит у нас есть возможность выпутаться, — столь же тихо ответил командир отряда. — Интересно...

— Я спал, — несколько отрешенно продолжал демон. — Очень долго спал в глубинах. И вдруг почувствовал, что Повелитель вернулся. Но ведь на самом деле — его нет в этом мире? И в то же время я ощущаю его силу. Какая сейчас эпоха? Первая, вторая, третья? Я заснул после второго возрождения Утуна и просыпался редко... Господин отпустил меня. Вы можете ответить, о Пришедшие следом?

Слова Пламенного Бича были людям насквозь непонятны, однако Гвай решил ответить демону столь же вежливо:

— О могучий, да будет тебе известно, что сейчас тысяча двести восемьдесят пятый год от основания королевства Аквилония. Если считать по эпохам — то сейчас, вероятно, пятая. Считая от эпох владычества Роты-Всадника, Валузии, Атлантиды и Кхари.

— Аквилония? — ящерозмей склонил голову и посмотрел на Гвая искоса, как заинтересованная птица. — Похоже на наречие длинноухих — «аквило» на их языке означало «северный ветер». Вы друзья элентари?

«Ага, ясно, — сообразил Конан. — Элентари, альбы, эльфы, отличались от человека острыми ушами. Значит, это пугало именуется «длинноухими» именно альбов. Занятно!»

Он приготовился слушать дальше.

Гвай тоже оказался не дураком и сделал выводы, аналогичные мыслям киммерийца.

— Нет, о могучий, — сказал Гвайнард. — Существ, которых ты называешь «элентари» более не существует в нашем мире. Они ушли. Навсегда. Сейчас этот Универсум принадлежит людям. Видимо, именно нас, людей ты поименовал «Пришедшими следом»?

— Длинноухих прогнал Господин? — осведомился Пламенный Бич. — И не называй меня столь выпендренно — «могучий». Воистину могучим был только Повелитель... К чему раболепие? Повелитель научил нас уважать Пришедших следом.

«Вот это да! — сказал себе киммериец. — Рота научил своих великих демонов уважать человека? Да что же творилось в нашем мире в его времена? Держите меня семеро, упаду!»

— Я не знаю этой истории, — поразмыслив, ответил чудовищу Гвай. Слишком давно дело было. Ты бессмертен, а люди — краткоживущи. У нашего племени короткая память.

— Я хочу вернуться домой, — с отчетливо прозвучавшей в голосе тоской проронил Пламенный Бич. — Я хочу снова увидеть Повелителя и служить ему... Но время не повернешь вспять. Здесь я — никому не нужный чужак... Но ответьте, почему я вновь чувствую силу Господина, если в этом мире его нет?

Гвай переглянулся с Конаном. Киммериец кивнул, поняв, что хочет сказать Гвайнард.

— Видишь облако над горами? — сказал пред-

водитель Ночных Стражей. — Ты ощущаешь магию того, кого назвал Повелителем потому, что на Восходе отсюда открылся проход во времена, являющиеся древностью для нас, но настоящим для тебя. Возвращайся к Господину. Именно оттуда и течет поток магии Роты, который заставил тебя проснуться.

— Правда? — оживился демон. — Я вижу, ты не врешь... Но ведь так не бывает!

— Кром Молнемечущий! — неожиданно взорвался Конан, которому изрядно надоела велеречивая беседа с отвратным ящерозмеем. — Если я сегодня еще хоть раз услышу слова «так не бывает», то вот этими руками оторву голову любому кто их произнесет! (Для наглядности варвар показал Пламенному Бичу ладони). Слушай, друг, тебе ясно указали дорогу — иди в горы, минуя облако и окажешься дома! Не знаю, в какие именно времена, но твой Рота там все еще живехонек и царствует на своем черном троне! Мы, кстати, тоже хотим туда заглянуть — мне не терпится увидеть свою тридцать три раза пра-прабабушку! Валяй, понял?!

— Да, я понял тебя, Пришедший следом, — с неожиданной покладистостью отозвался монстр.

— Ты тоже не врешь. Хорошо, что мы увиделись, иначе я не смог бы разобраться в своих ощущениях. И очень хорошо, что вы говорите на Изначальном наречии, которое я тоже знаю... Если вы солгали — я найду вас и убью. Если вы сказали истину и действительно собираетесь войти в мой мир, я обещаю, что помогу вам... Если что-нибудь

случится... Мое имя — Гортхарэнн, старшая хтоника Ангамандо... Благодарю вас, Пришедшие следом!

Ящер поднялся на короткие лапки и вновь начал изменяться. Обратное превращение значительно меньше времени и перед охотниками вновь оказался Дух Огня — видимо, в данном воплощении он не мог разговаривать, а потому вынужден был принять облик черного ящера. Пылающее чудовище задержалось возле обрыва, глянуло вниз, в ущелье, а затем... Затем Пламенный Бич просто прыгнул вниз.

Гвай и остальные стремглав ринулись к краю площадки, посмотреть, что случилось с валарауко — глубина ущелья была не меньше четверти лиги. Человек бы непременно расшибся насмерть.

Падающий комок Огня и Тьмы, не достигнув дна пропасти, расправил крылья и пылающей кометой, оставляющей за собой невесомый туманный шлейф, устремился к висящему над Лазурным кряжем облаку. Вскоре багровая точка канула в бурлящих глубинах черной тучи.

— Ничего не понимаю, — брякнула Асгерд и хитро взглянула на киммерийца.

Конан только сплонул.

* * *

Лошади нашлись быстро — их привел сартак, а Конан вновь получил возможность в необычной для простого животного сообразительности

своего скакового монстра. Гоблины во главе с Гардагом появились спустя два квадранса и доселе выглядели насмерть перепуганными. Видимо, их опыт общения с Пламенными Бичами был не столь благополучен, как у ватаги охотников. А может быть они слишком хорошо помнили сказки своего странного народа, повествующие о временах, когда Духи Пламени властвовали над землями материка, в свою очередь подчиняясь приказам легендарного Всадника Полуночи, божества, некогда являвшегося безраздельным повелителем обитаемого мира...

Между прочим, Гардаг по неясным людям причинам посчитал, что именно Эйнар и прочие Ночные Стражи изгнали Пламенного Бича и проникся к охотникам прямо-таки благоговейным почтением.

После недолгих переговоров выяснилось, что гоблины, не смотря на союзнические обязательства, категорически отказываются сопровождать охотников — в колдовское облако они не полезут, это решено! Проводить по самым безопасным горным тропам на перевал — это пожалуй-ста. Присмотреть за событиями, которые, возможно, будут разворачиваться вокруг замка барона Дортон — без проблем. Но идти в облако, так и пышущее страшной и непознаваемой манией? Нет!

На том и уговорились. Гвай сообщил Гардагу, что через несколько дней охотники вернуться и их следует встретить. За замком Дортон наблюдать в четыре глаза! Чужаков на перевал не пус-

кать — выставить стражу из пещерных троллей. По рукам?

Неразговорчивый вождь гоблинского племени кивнул, цыкнул на своих сородичей и заспешил вниз, ко входу в подземелья, оставив Ночным стражам одного провожатого — здоровенного гоблинищу с совершенно непроизносимым именем. Охотники, уложив вещи и переседлав лошадей, направились в противоположную сторону — в горы.

Непроизносимый гoblin шел перед лошадьми, указывая направление. До Черного облака оставалось не более половины дня пути.

* * *

— Знаете, други, — сказал Гвай, когда больше половины трудной дороги, осталось позади. — Я тут подумал, что по меркам истории мира мы не слишком далеко ушли от древности. По человеческим воззрениям — да, эпоха Роты является слишком далекой и напрочь позабытой. Но история сохранила ее наследие донныне.

— Это ты о чем? — не понял киммериец. — Поясни.

Лошади, пыхтя и изредка оскальзываясь на камнях, продолжали карабкаться по узкой тропке. Титаническая туча бурлила прямо впереди, казалось что достаточно вытянуть руку, и коснешься ее поверхности, выглядевшей очень плотно, словно курчавый мех черного барана.

— Я пытался осмыслить слова валарауко,

Пламенного Бича. — ответил Гвайнард. — Он говорил на аквилонском языке, хотя я заметил в его речах несколько очень архаичных слов, которые сейчас почти не употребляются. Затем демон сказал, будто аквилонский — суть некое «Изначальное наречие», хорошо ему известное. А слово «аквило» принадлежит языку элентари. Представляешь, столько лет прошло, а язык практически не изменился!

— Из этого следует, что наша человеческая память не столь уж и коротка, — едко заметила Асгерд, припомнив слова Гвая, сказанные им Пламенному Бичу. — Когда жил Рота-Всадник? Восемь, девять тысяч лет назад? Однако ж, мы сохранили память...

— Или кто-то постарался сделать так, чтобы мы ничего не забыли, — подал голос Олем Дортон. — Человеческое бытие доселе определяется волей богов, а Митра, Иштар или Бел не младше Роты. Слабее — да. Но, как гласят легенды, все божества были сотворены в миг, когда волей Единого и Незримого появился тварный мир.

— Философы доморощенные, — вздохнул киммериец. — Вы бы о другом подумали: а что нас ждет внутри облака? В этом вашем «прошлом»? Стада Пламенных Бичей? Орды гоблинов? Стаи драконов? Не подумайте, я не предлагаю отступить, я предлагаю подумать о нашей безопасности.

— На месте разберемся, — с непонятной варвару беззаботностью ответил Гвай. — Тогда мир был очень молод, а молодость... Точнее, не «моло-

дость», а «детство», подразумевает чистоту и невинность.

— Но в то же время, дети злы и себялюбивы, — мрачно сказала Асгерд. — А отступать и на самом деле не имеет смысла. Мы почти на месте! Гвай, Конан, вы же вместе путешествовали через портал в мир Ауруса. Расскажите, это очень неприятно — проходить сквозь пространство и время?..

Глава третья,

*в которой Конан сотоварищи
оказывается в предначальной эпохе
и встречает крайне необычных людей*

Расотища какая...
Конан был прав. Здесь было красиво. Признаться, оставшаяся позади Хайбория тоже могла заморозить своими пейзажами самого утонченного ценителя прекрасного, но мир «за облаком» превосходил все мыслимые красоты Бритунии, Аквилонии или Киммерии.

Облачный портал вывел охотников вовсе не в горы, а на холмистую равнину — тут «проход сквозь эпохи» выглядел туманным маревом, укрывшим собой густой лиственный лес. Никаких скал, как в оставленной позади Кезанкии не наблюдалось. Зато было другое.

Эйнар, как Дух Природы, умевший «чувствовать» особенности породившего его мира, немедленно подтвердил слова Рэльтгонна — вне всякого

сомнения, данная Сфера является Хайборией. Точнее, не Хайборией, а тем, что являл собой данный мир во времена совсем уж незапамятные. Все прочие согласно покивали, а Конан подумал, что солнце здесь и вправду светит ярче, воздух свежее и ароматнее, листва на деревьях куда как зеленее, чем в бритунийских лесах... Или показалось?

Опасения Асгерда касательно возможных неприятностей, которые будут сопровождать переход через нескитаную тьму столетий, совершенно не оправдались. Отряд беспрепятственно вошел в бурлящие глубины облака, укрывшего Лазурный кряж. Надобно заметить, что вблизи непроглядно-черная колдовская туча выглядела весьма устрашающе, но лошади не чувствовали опасности — домашняя скотина ощущает злую магию куда острее человека. Словом, как вошли — так и вышли, никто ничего и не заметил. Лишь на мгновение померк солнечный свет, послышался не то щелчок, не то хлопок и... И всадники уже находились по другую сторону времени. За их спинами тоже вставала стена тумана, на сей раз — белого.

Если в Хайбории вечерело, то здесь было утро. По расположению солнца Ночные Стражи мигмом определили стороны света, заставили лошадей подняться на высокий крутобокий холм и принялись осматриваться..

— Скорее всего мы находимся на Полуночном Закате материка, — со знанием дела заявил Эйнар. — Где точно — сказать не могу, но, возмож-

но, этой земли в наши времена уже не существует.

— Как так — не существует? — удивилась Асгерд.

— Часть Закатного материка после низвержения Роты-Всадника была затоплена, — пояснил за Эйнара Конан, хорошо помнивший бытовавшие в Киммерии сказания и легенды. — Причем довольно значительная часть. Уж не знаю, чего натворил этот ваш Рота, но на него вроде бы ополчились большинство богов нашего мира и они устроили Всаднику примерную выволочку. Да такую, что закатные земли континента попросту канули в океан, а взамен из глубин была поднята Атлантида...

— Которая, в свою очередь, тоже была утоплена из-за разногласий атлантов с означенными богами, — задумчиво дополнил Гвай. — Признаться, тогдашние божества были суровы и решительны, если уж не испугались менять облик мира. Не хотел бы я с ними встретиться.

— Не тогдашние, а *теперешние*, — поправил командира Эйнар. Потом мрачновато сказал: — Я ощущаю невероятную мощь этих незримых духов, она пропитывает мир до последней песчинки... Людям не дано это почувствовать, а мне... Мне тут неуютно. Знаете, мне кажется, будто я — муравей, на которого собирается наступить слон.

— Хочешь сказать — тут опасно? — насторожился киммериец.

— Вам, человеческим существам, может быть

и не опасно, — лицо броллайхэн изменилось и сейчас выражению его глаз вполне подошло бы определение «не от мира сего». — Магия... Точнее не магия, а некая непонятная мне *Сила*, здесь истекает отовсюду. Я будто слышу эхо Песни Сотворения, отголоски величайшей божественной музыки, которая еще не утихла. Музыка со странным диссонансом, который ее не портит, но делает ближе к пониманию изначального замысла...

— Ты хоть сам понимаешь, что несешь? — вытаращился Конан. — Какая «музыка»? Какой, к нергаловым демонам, «диссонанс»? Что за «изначальный замысел»? Очнись!

Эйнар зажмурился, помотал головой, протер глаза кулаками и вновь заговорил своим обычным голосом:

— Ф-фу, не пойму, что на меня нашло! Но я действительно ощутил нечто необычное, непередаваемое словами человеческой речи! Я словно бы увидел картину сотворения нашей вселенной... Точнее, не картину — услышал *музыку сотворения*. Песню!

— Больше пива пей, еще и не такое услышишь, — скептически отозвалась Асгерд. — Давайте лучше подумаем, что делать дальше. Если уж мы здесь оказались, надо провести время с толком.

— Вот-вот, — подхватил Конан. — Как совершеннейший варвар по складу ума и образу мыслей предлагаю отыскать пару-тройку альбовых гробниц и начисто их разграбить. Зачем золото

мертвым альбам? Еще можно найти какой-нибудь поселок и вдрызг напиться в местной таверне. Затеять драку с тамошними завсегдатаями или стражей. Накупить древних артефактов, чтобы продать в нашей Хайбории не слишком прижимистому магу. — ведь с руками оторвет эдакие редкости!.. А если серьезно, то я абсолютно не представляю, чем мы можем здесь заняться. И вообще, зачем мы сюда приперлись? Красотами любоваться?

— Посмотрите на Полночь, — перебил киммерийца барон Дортон, внимательно оглядывавший горизонт. — Вам не кажется, будто там происходит что-то странное?

Вся компания послушно развернулась в указанном направлении. Если На Полудне, Восходе и Закате наблюдалась лишь бесконечная лесистая равнина, Полуночная сторона была отмечена длинной горной грядой, над которой нависала полоса черного дыма. А еще над отдаленными горами мелькали багровые огненные сполохи.

— Вулкан, — убежденно сказал Гвай. — Вероятно, очень большой... Постойте-ка, все известные мне легенды гласят: крепость Роты находилась в горах на Полуночи, неподалеку от трех вулканов. Может, это она и есть?

— Да отвязись ты со своим поганим Ротой, — повысил голос Конан, внимательно наблюдая за непонятной черной точкой, находившейся высоко в воздухе и летевшей как раз со стороны гор. — Как думаете, други, что это за летучее чудо? Ничего подобного доселе не встречал!

Непонятная тварь двигалась стремительно и вскоре стало ясно, что существо очень велико — по крайней мере, не меньше встреченного наемного валарауко. Последний, кстати, тоже умел летать.

— Нет, это не Пламенный Бич, — покачал головой Эйнар. — Боги милостивые! Это ж летучая мышь!

— Скорее, летучий слон в образе летучей мыши, — быстро ответил киммериец. — Давайте укуремся под деревьями, авось не заметит...

Мышка, размерами и впрямь больше напоминавшая крылатого элфанта, опередила. Очень быстро — так умеют только летучие мыши — она скользнула вниз, описала над головами приготовившихся к возможной схватке охотников широкий круг и исторгла противный тонкий писк. Затем, расправив широченные черные крылья, поймала восходящий поток воздуха, поднялась на высоту не менее полулиги и заскользила обратно, в сторону укутанного дымом горного кряжа.

— Гвай? — варвар повернулся к предводителю ватаги. — Это что такое было?

— Понятия не имею, — пожал плечами Гвайнард. — В нашем времени столь огромных животных не встречается. Наверное, такие здоровенные мыши давным-давно вымерли.

— А мне показалось, что в ее крике был заключен некий смысл, — сказал Эйнар, провожая взглядом быстро удалявшееся чудовище. — Она что-то сказала, понимаете?

— Тебе сегодня слишком много чего «кажется», — усмехнулась Асгерд. — Никакая мышь, будь она летучей или обыкновенной, большой или маленькой, разговаривать не может. Мозгами обделена.

— Мы находимся в мире, над которым люди не властвуют, — напомнил Эйнар. — Я даже не знаю, существует здесь человек, или он еще не сотворен. Эти земли принадлежат элентари или каким-то иным древним существам. Я уж не говорю о владениях Роты, населенных... Населенных вообще незнамо кем. По слухам, Всадник сам пытался создать разумных существ, о которых в наши времена ничего не известно.

— А гоблины с троллями? — поинтересовался Конан. — Это же его работа! Боюсь, не самая удачная.

— Хватит языками чесать, — Гвай поморщился. — Предлагаю осмотреться. А именно — поехать в сторону Полуночи. Вдруг встретим кого-нибудь из местных жителей? Если валарауко не врал и аквилонский язык действительно является «Изначальным», мы с ними договоримся. А заодно выясним, где мы оказались.

— Не «где», а «когда», — поправил Гвайнарда броллайхэн. — Кстати, я подозреваю, что мышка все-таки была отнюдь не простой: она нас увидела и полетела докладывать о чужаках.

— Кому — докладывать? — вздохнула Асгерд. — Роте-Всаднику? Ты думаешь, что шайка идиотов, заявившаяся в глубокое прошлое из далекого будущего, чтобы «просто посмотреть» на

юность мира, заинтересует столь могучего бога? Да кому мы нужны?

— Может быть, кому-то и нужны, — недовольно проворчал Эйнар. — Ладно, поехали на Полуночь. Если никого не встретим — ночью прилетит Рэльгонн и разведает обстановку.

С тем пятеро всадников начали спускаться с холма в ложбину, кою украшали невиданные в Хайбории деревья-титаны с золотисто-зелеными листьями. Широкое межхолмье вело как раз в избранном направлении — к темным зубцам горного хребта.

* * *

На огромной высоте, почти под самыми облаками, кружила гигантская летучая мышь. Она получила приказ Господина надзирать за странами пришлецами, а в случае чего — оборонить их от возможной опасности.

Приказ был изложен в столь настоящей и недвусмысленной форме, что Тхурингветиль немедленно вернулась из Ангамандо в Зеленые Земли...

* * *

— Это уже становится интересным, — задумчиво сказал Конан. Киммериец спешился и теперь, присев на корточки, разглядывал недавнее, еще теплое кострище. — Тут совсем недавно были люди. Довольно много — судя по количеству

разведенных костров. Обглоданные кости опять же, следы, причем явно человеческие.

— Надо думать, люди оставались здесь на ночевку, — согласился Гвай, осматривая широкую поляну. — Следов копыт, наоборот, мало. Не понимаю только, почему копыта раздвоенные? Наверное, наши незнакомые сородичи предпочитают путешествовать пешком. Сколько же их было? Конан, ты опытный следопыт, подумай.

Киммериец подумал. Выводы оказались таковы: восемнадцать костровищ могли указывать только на то, что на поляне побывал довольно крупный отряд, человек в сто пятьдесят-двести. Деревья они рубили, судя по сколам, острыми, но примитивными топорами — такие сейчас можно встретить лишь в самых глухих деревнях Бритунии или Пограничья. Обнаружилось и несколько артефактов — грубовато вырезанная деревянная лошадка-игрушка, видимо потерянный ребенок, разорванная нитка бус, сделанных из мелкого речного жемчуга, сломанный посох, клоч крашеной в коричневое домотканой холстины...

Что из всего этого можно заключить? Правильно: на поляне ночевал не боевой отряд, а, скорее, племя людей зачем-то переселявшееся на Полуночный Закат или Полночь с детьми и женщинами.

— Далеко уйти они не смогли, — сказал киммериец, вставая и отряхивая от мусора штаны. — Двигутся медленно, наверняка тащат весь скарб на собственных горбах или лошадях с поклажей.

Причем у лошадей парные копыта, будто у олений. Странно... Будем догонять?

— Не думаю, что эти люди слишком радушно отнесутся к вооруженным незнакомцам, — неуверенно ответил барон Дортон. — Если племя вынуждено было сорваться с насиженного места и уйти, значит, их изгнали более сильные враги.

— Или наводнение, — предположил Гвай. — Или лесной пожар, неурожай... Почему обязательно — враги?

— Потому, что история эпохи Роты — это сплошная война, — наставительно сказал Эйнар. Все против всех. Люди против альбов, альбы против Всадника, Всадник против альбов и людей, последние — против гоблинов и прочих слуг Роты. И так далее. Вроде бы, тогда... точнее, *сейчас*, не было ни единого спокойного года. Сделаем так: мы на лошадях, догнать людей мы сумеем, а если они отнесутся к нам недоброжелательно — сумеем и ретироваться. В крайнем случае я использую магию. Поехали по следу?

И они поехали. Если подходить к ситуации с точки зрения чистого прагматизма, такое решение и впрямь было несколько поспешным — неизвестно, чего можно было ждать от обитателей древнего мира. Однако, присущее Конану врожденное чутье на опасность молчало. Сам не зная почему, киммериец был уверен — в этом удивительном лесу Ночных Стражей не ждет ничего скверного. Уверен, и все тут!

— Насколько необычен этот мир, — Эйнар не переставал трещать, будто спятившая сорока. —

Я вижу здесь деревья, которые в наши времена уже исчезли, и эти деревья разговаривают между собой! Вам, людям, не слышен этот разговор, но броллайхэн способен различить слова...

— И о чем же ведут беседы твои деревьяшки? — вздернула брови Астерд.

— О солнечном свете. О корнях, чья паутина укрывает землю от Океана, до мерзлых земель на Полуночи. О существах, которые чужды древесному народу — они, кстати, вроде бы обитают как раз возле гор, к которым мы направляемся. Об искажении, нарушившем изначальную архитектуру мира.

— Так и говорят — «архитектуру»? — фыркнул Гвай. — С каких это пор бессловесные дрова стали способны употреблять насквозь человеческие выражения? И я вообще не уверен, что в нынешние времена известно слово «архитектура». Но я прежде слышал о расе разумных деревьев способных бродить по лесам и общаться с человеком. Как и всегда, эти байки относятся к разряду чистейших небылиц.

— Для тебя небылицей является все, что ты не потрогал руками или не видел собственными глазами, — огрызнулся Эйнар. — А еще мнишь себя Ночным Стражем! Оноды, деревья обладающие разумом и речью, существуют. Даже в нашей Хайбории их еще можно встретить в самых глухих чащобах Полуночи или, например в Боссонском Ямурлаке! Они...

— А ну, тихо, — цыкнул на Эйнара Гвайнард. — Мне показалось, или это запах дыма?

— Точно, — подтвердил киммериец. — Похоже, мы их догоняем. Пахнет еще жареным мясом. Сейчас перевалило за полдень, люди встали на дневную стоянку и готовят пищу. Мне кажется, что их не следует пугать появлением вооруженных всадников — давайте сойдем с седел и поведем лошадей за узду. К пешим они отнесутся с большим доверием!

Гвай счел предложение варвара разумным — если уж таинственные обитатели этих земель относятся к кавалерии сдержанно, значит придется подстраиваться под их вкусы. Или здешние люди еще не умеют приручать лошадей?

Точно, не умеют. Когда процессия Ночных стражей вышла из зарослей на обширную прогалину, на которой обосновались далекие предки хайборийцев, выяснилось, что в качестве выючной скотины те использовали здоровенных лосей — вот вам и разгадка секрета раздвоенных копыт. Это было первое, что бросилось в глаза.

Затем стало еще интереснее. Охотники (которых, само собой, сразу заметили) остановились у кромки леса, не желая спровоцировать нападение. И почти сразу оказались окружены толпой, численность которой Конан оценил человек эдак в сто тридцать. Люди как люди — высокие, светловолосые, в глазах светится безмерное удивление. Одеты скромно, если не сказать — по-дикарски: шкуры, грубая холстина, украшения из клыков животных. В руках некоторых мужчин копыя, но с каменными или кремневыми наконечниками. Словом, варвары. Причем варвары почи-

ще любых киммерийцев или нордлингов — те хоть давным-давно освоили кузнечное дело.

Конан немедленно отметил странность — среди этих людей не было стариков, буквально ни одного. Самому старшему — здоровенному русобородому мужику, одетому чуть красивее остальных (куртка из шикарной рысьей шкуры, шапка с меховой опушкой и... Митра Всевидящий у него де на поясе кинжал потрясающей работы! Рукоять золотая, с эмалевой инкрустацией и цветными камнями! Откуда такая красотища у дикаря?!), так вот, самому старшему никак не дашь больше сорока лет.

Спрашивается — почему? Может, они своих стариков убивают, чтобы не тяготиться ими в пути? Такое и в цивилизованной Хайбории у кочевых племен встречается, а что можно подумать об этих дремучих лесовиках, обитающих на самом дне реки времени?

Женщин примерно столько же, сколько и мужчин — ведут себя чинно, не галдят и не перешептываются при виде незнакомцев. Детей много — не меньше трети от общего числа кочевого племени. Напуганным никто не выглядит.

— Это люди, — первым заговорил мужчина с кинжалом. Речь его звучала понятно, не смотря даже на очень странный, никогда прежде киммерийцу не встречавшийся акцент. — Точно, люди. Такие же, как мы. А эти штуковины с сиденьями на спинах — звери. Вроде наших лосей, но другие. Я таких еще не видел. Вы куда идете, люди? Мы идем на север и на запад, туда, где есть боль-

шое становище, обнесенное камнем. Нам про него рассказывали те, кто приходил из Анги-Банги.

— Откуда? — поперхнулся Гвай, даже не обратив внимания на то, что предводитель дикарей использовал вместо привычных слов «Закат» и «Полночь», названия сторон света бытовавшие исключительно среди корсаров Барахас. Впрочем, среди моряков Полуденного Океана бытует множество странных словечек.

— Анга-Банга, — повторил вождь. — Самое большое стойбище отца нашего шамана. Говорят, оно тоже огорожено каменной стеной, будто загон для оленей. Мы всем племенем решили сходить посмотреть. Шаман позвал в гости к своим друзьям. Шаман, иди сюда!

Шамана вытолкнули вперед и Ночные Стражи с легким изумлением узрели перед собой самого настоящего гоблина. Хотя нет, не гоблина — это существо было повыше парней Гардага, покряжистее и поуродливее. Хотя, куда уж уродливее...

— Б-р-р, — помотал головой Гвай и шепнул Конану: — Ничего себе компания! Племя людей, а в шаманах — урук! Да эта раса гоблинов вымерла еще до наступления Валузийской эпохи!

— Меня все называют Индаром, — продолжал вождь, будто не замечая обалдевших физиономий нежданных гостей. — Вот моя жена, Ишхе. Сына моего (к Индару вышел парнишка лет шестнадцати) называли Ладаром.

— А кто вы все? Как вы себя называете? — подал голос Эйнар.

— Люди, — с самым серьезным видом сказал Индар, хотя это было вполне очевидно и без данного утверждения. — Но люди есть разные. Есть люди Лоссоты, есть Марахи, а Мы — Дары. Если совсем длинно — Дарвинги. Но вообще-то в этих землях очень много разных людей и все называются по-разному. Вы почему стоите тут? Подходите к огню, покушайте. Земля тут богатая — звери, ягоды, с голоду не пропадем.

Когда отряд охотников устроился возле костра вождя племени Дарвингов, разговор пошел куда живее. Точнее, говорил только Эйнар, остальные же Ночные Стражи и барон Олем Дортон сидели раскрыв рты: столь удивительна была эта беседа.

Во-первых, Индар представил своих приближенных — всех имен Конан не запомнил, ограничившись только Андаром (вроде бы братом вождя) да его супругой с сыном. Шамана-урука звали просто Ша. Затем началось самое интересное.

Эйнар удовлетворил свое любопытство и попросил достойного вождя Дарвингов представить гостей его уважаемым родителям. На что тот сказал, что мамы и папы у него нет.

— Просто я сначала спал, а потом проснулся таким, какой сейчас, — втолковывал Индар. — Я сначала не знал, что люди появляются из женщин и совсем маленькими, думал что они просыпаются взрослыми, как я. Но в нашем племени проснулись только самые старшие. Остальные родились от женщин.

— Митра Всеблагой и Всеведущий, Иштар

Благословенная, Нергал Справедливейший, — без всякого притворства простонал броллайхэн, закатывая глаза. Затем перевел напрочь ошалелый взгляд на соратников и сказал на непонятном Дарвингам бритунийском языке. — *Вы понимаете, что это значит?* Понимаете? С ума сойти! Невероятно!

— Да в чем дело-то? — нахмурился киммериец, подозревая неладное.

— Они — *Перворожденные!* — слабым голосом ответил Эйнар. — Самые первые люди, уяснил? *Первые!* Эти люди не рождены, а *сотворены!* Именно от них пошел ваш род! Мы находимся в самом начале первой эпохи нашего мира! Считайте, что это наиболее отдаленные ваши предки, отдаленнее и быть не может! — Тут броллайхэн снова перешел на аквилонский, сиречь «Изначальный» язык и обратился к Индару: — Скажи мне вождь, сколько лет ты живешь на свете? Я хочу спросить, сколько раз солнце замыкало полный круг, с той поры, когда ты проснулся?

— Сорок шесть кругов, — не задумываясь ответил Индар.

— Приехали, — выдохнул Гвай. — Значит, человек был сотворен неполные пятьдесят лет тому?.. Теперь я начинаю по-другому относиться к словам Эйнара о Музыке Творения, звучавшей над этим миром совсем недавно. Обалдеть!

Поскольку времени на привал было отведено довольно много (Дарвинги никуда не торопились), Ночные Стражи узнал слишком много нового и, подчас, шокирующего. Конана от рассказа

простодушного Индара (он и впрямь напоминал большого ребенка) откровенно мутило — киммерец почти ничего не понимал. Устройство древнего мира оказалось для разума человека из далекого будущего практически непостижимо.

* * *

— В самом начале Дарвинги жили одни и жили плохо, — неторопливо повествовал Индар. — Всего у них мало было, а священной трубки, вождя и шамана совсем не было. Не было ни лука, ни копья, ни ножа. Только имена и Род. Индар был большой и сильный, а потому стал вождем. В какой-то день жизнь стала добреть. Дарвинги пошли путешествовать и набрали на сытый край. Много нашли зверей и ягод. Там увидели они следы своих соплеменников — людей. Принялись они искать родичей и скоро нашли их. Радовались шибко. С ними был Ша — шаман без лица. Мы сказали шаману: «друг». Он согласился стать нашим шаманом и отвел Индара в лагерь своих друзей. Странные друзья. Волки, летучие мыши, живые огни и смешные медвежата, вроде людей. Ша показал Индару местного вождя и тот — широкой души человек по имени Хортхауэр — подарил племени свои уголья. Дарвинги решили переселиться в его земли и теперь идут на место нового становища. Смешные медвежата при разговорах оказались совсем как люди, только глупые. Но храбрые. Уруки называются, или, по-ихнему — орки...

— Постой, постой, — перебил вождя Эйнар. — Почему ты сказал, будто Ша — без лица? У него есть лицо, только... Ну, оно не такое как у нас, людей.

— А ты погляди внимательно, — Индар встал и рявкнул в голос: — Ша! Ша иди сюда!

Урук молча подошел. В данный момент лица при нем действительно не наблюдалось — шаман надел странную маску: с укрепленного на голове обруча свисали ремешки с крупными деревянными бусинами, закрывавшими физиономию Ша до самого подбородка. Гоблинище будто не хотел, чтобы гости Индара видели его глаза. Может быть, это просто издержки ремесла? И кроме того: почему здоровенный урук-боец присоединился к племени людей? Неужели только ради того, чтобы переманить столь малочисленных Дарвингов на сторону своего хозяина — упомянутого Индаром «широкой души человека» с непроизносимым именем?

— Что же было дальше? — Эйнар, мельком взглянув на неразговорчивого урука (между прочим, вооруженного грубоватым, но добротным стальным ятаганом), потеревил вождя на рукав. — Почему ты сказал, будто уруки — храбрые?

Индар оглянулся, словно с опаской, и, понизив голос, ответил:

— Их смелость стала видна когда пришла толпа Других. Я как раз был тогда в становище Хортхауэра. Другие сказали, что здесь — их уголья. Другие называли себя «элентари». Они сказали, что уруки — это звери, а значит, можно есть. Самый

большой среди *Других* спорил с Пламенем Уруков о добыче. У тех и у других были длинные ножи и копья, и луки. Еще они несли большие доски, которыми ловко отбивали стрелы. Началась большая драка насмерть. Людей тоже просили помогать, но у них не было оружия. Они просто стали плясать под барабаны уруков. Уруки со своими зверями и огнями победили. Немножко ели элентари, людям не досталось, но мы не хотели есть. Элентари уруков не ели — тогда зачем убивали?

— Поня-ятно, — потрясенно выдавил Гвайнард. — Достойный вождь, можно нам отойти и поговорить?

— Вы свободные, как и мы, — пожал плечами Индар. — Делайте, что хотите. Хотите — оставайтесь с нами, мы будем рады друзьям.

На стоянке племени царила деловитая суета — кто-то разделявал тушу убитого недавно оленя, женщины хлопотали у костров, совсем зеленая молодежь помогала старшим. Более всего изумляла истинно детская беззаботность Дарвингов — похоже, они не видели в этом мире опасности для себя. Или доселе не сталкивались с *реальной* опасностью? Первый приступ любопытства у Дарвингов прошел — на гостей уже почти не обращали внимания, только маленькие дети собрались стайкой возле привязанных к деревьям лошадей и пристально рассматривали невиданных прежде тварей, обремененных седлами и красивой сбруей. Больше всего малышня занимал гигант-тяжеловоз, рядом с которым принадлежа-

щие племени ручные лоси казались сущими заморышами.

— Это что же получается, а? — Гвай, расстелив у корней гладкоствольной сосны попону и вскрыв флагу с вином, устроил маленький военный совет. — Просто глазам своим не верю. Впервые в жизни вижу... *такое*. Если судить по речам Индара, разума у него — как у белки. Или как у маленького мальчика. Особенно порадовал пассаж вождя о том, как гоблины пожирали альбов. Они не видят в этом ничего необычного!

— Окажись я на месте Дарвингов, тоже не увидел бы, — тотчас отозвался Эйнар. — Племя четко различает понятия «человек» и «зверь». Зверя есть можно, человека — нельзя. Уруков они считают людьми или существами, родственными людям. А с альбами, вероятно, доселе близко не встречались и не знают, что они *такое*. Индар назвал Бессмертных «Другими».

— Перед нами — взрослые дети, — медленно сказал Конан, начавший понимать, что происходит вокруг. — Еще бы не дети! Если поверить, что человеческие племена пришли в мир всего полстолетия назад, то выводы можно сделать простые: люди, как разумная раса сотворенная самой последней, доселе не понимают, что оказались в очень сложном и опасном мире, давно раздираемом войнами и дележом власти. Не ошибусь, сказав, что элентари и Рота ведут борьбу не на жизнь, а на смерть. И собираются использовать людей в своих целях. Нет, не прямо сейчас — пока человеческий род слишком малочислен,

но поскольку Рота бессмертен и альбы бессмертны... Что им стоит подождать пару-тройку столетий? Тогда людей станет значительно больше, их можно будет отправить в бой... Неприятная картина.

— Куда уж неприятнее, — Гвай скривился. — Противоборствующие стороны хотят переманить новорожденную расу на свою сторону. Вот прямо так — из пеленок, да и в драку! Не верю я в бескорыстность как Роты, так и Бессмертного народа, хоть голову мне рубите! Мы, люди, становимся для них инструментом войны. Только что появившегося человека и его детей лишь следует воспитать в соответствующем духе. Вот добренький хозяин земель на Полуночи — как там его? — и пригласил Дарвингов пожить на его «сытых угодьях». Я не понял одного: Индар говорил о каких-то волках, живых огнях и летучих мышах. Одну летучую мышь мы сегодня видели, кстати. А потом посмеялись над Эйнарсом, который посчитал ее крик — разумной речью. Наводит на размышления.

— Да и «живого огня» тоже видели, — напомнил Олем. — Пламенного Бича. Он вполне подходит под это определение.

— А как вам «смешные медвежата»? — откровенно фыркнула Асгерд. — Уруки? Я лично ничего смешного в этом племени не вижу.

— Для нас уруки безобразны, не спорю, — вздохнул Гвай. — А для Певорожденного человека они вполне могут быть смешны. Индар ведь никогда не сталкивался с истинной красотой.

Для него все, что существует в этом мире — обычно и естественно.

— Не сталкивался с красотой? — удивился Конан. — А кинжальчик ты видел? Потрясающая работа, явно потрудились альбы! Вещь очень красивая.

— Не красивая, а полезная, — наставительно сказал Эйнар. — Индар запросто резал этой красотой сырое мясо и ворошил лезвием угли в костре. По большому счету, Дарвинги являются варварами. Не *нашими* хайборийскими варварами, а самыми что ни на есть природными. Если бы Первороденных людей сразу — подчеркиваю, сразу! То есть с самого первого дня от Пробуждения! — взяли под опеку та или иная стороны и принялись обучать, Дарвинги не сохранили бы столь девственную наивность. Однако, на человеческую расу обратили внимание только сейчас, через сорок шесть лет. Наверное, Рота и его враги тогда посчитали смертных совершенно бесполезными. Если сравнивать, то мы с вами тоже не видим особого смысла в существовании бабочек-однодневок, они нам безразличны. Человек живущий семьдесят-восемьдесят лет с точки зрения таких бабочек — бессмертен. Но в то же время у бабочки есть своя, насыщенная событиями и приключениями жизнь. Продолжающаяся всего один день...

— И что ты хочешь этим сказать? — не понял киммериец.

— Собери тысячу раз по тысячу тысяч бабочек и прикажи им атаковать дом твоего врага, —

бесстрастно сказал Эйнар. — Они погребут его под своей тяжестью. Теперь ясно?

— Ясно, — почесал в затылке Конан. — И что нам теперь делать?

— Да ничего. *Ни-че-го*, соображаешь? Знаешь, почему? Потому, что нам известен ход дальнейшей истории. Мы знаем, что человек рано или поздно превратится в безраздельного хозяина этого мира. Что человеческий род выживет и станет расой королей, а элентари и Рота уйдут в небытие. Не нужно вмешиваться в здешние дела и наводить справедливость в том виде, в каком ее понимает человек, рожденный много тысяч лет спустя... Мы здесь — чужие. Гости. Не будем указывать хозяевам дома, как поступать.

— Согласен. Но что нам делать *прямо сейчас*?

Молчание. Никто не сумел предложить ничего толкового.

— Давайте немного попутешествуем вместе с Дарвингами? — неуверенно сказал Гвай. — Времени у нас предостаточно, а кроме того мне хочется взглянуть на то, что происходит здесь, в прошлом. Ничего подобного мы больше никогда не увидим, а потом будем рассказывать сказки внукам! Я не верю, что нам грозит сколь-нибудь серьезная опасность. Рота и его наместники вроде бы относятся к людям доброжелательно, а на Бессмертных, даст Мирта, мы не нарвемся. Не знаю почему, но у меня нет никакого желания встречаться с элентари. Как только почувствуем неладное — вернемся к порталу и отправимся домой.

— Любопытство однажды сведет тебя в могилу, — невесело усмехнулся киммериец. — Ладно согласен. Эйнар, Асгерд, что скажете? Да и ты, Олем, тоже имеешь право голоса...

— Как скажет Гвай, так и сделаем, — немедленно ответила нордхеймская воительница. — Для меня закон — слово командира.

— Согласен, — коротко бросил Эйнар. — Интересно же!

— Я подчинюсь общему решению, — невозмутимо сказал барон Дортон. — Все-таки я обязан вам жизнью, достойные месьоры и прекрасная дама. Рассказать потом кому об этом приключении — не поверят!

— А ты на это даже не надейся, — рассмеялся варвар. — Я во многих переделках побывал, но чтоб *такое!*.. Всю жизнь помнить буду! Пошли к Индару? Скажем, что мы согласны проводить его племя до крепости, принадлежащей... ну все-таки, как зовут этого типа с широкой душой?

— Не помним! — хором ответили охотники.

* * *

...Дарвинги кочевали неспешно — племя никуда не торопилось, а потому за день проходило не более пяти лиг. И потом, тащить весь небогатый, но объемистый скарб на собственных плечах было очень утомительно, а прирученных лосей не хватало.

Посему остаток дня охотники провели в разговорах с Индаром и его соплеменниками, сопро-

вождая их в пешем строю — лошадей вели на чембурах.

К сожалению, Индар практически ничего не знал о том, что происходит в широком мире, а его единственное путешествие на Волчий остров (так именовалось «каменное становище» на Полуночи) оставалось главным приключением жизни. Попутно выяснилось, что Дарвинги на своем пути в Волчьему острову встретили «новых людей». Называются — «гномы». Гномы Индару не понравились — они устроили засеку в высоких холмах к югу отсюда и не хотели пускать людей в долину. Много ругались и почему-то называли друзей Ша «черными». Пришлось идти в обход и прятаться от людей из племени Гномов в лесах, которые те не любят. Тем более, что у Гномов было много железного оружия.

Удалось узнать, откуда у Индара появился альбов кинжал. Клинок подарили ему на Волчьем острове и сказали, что если он приведет к тамошнему вождю свое племя, то каждый получит по такому ножу. Уруки отобрали нож у *Других* после большой драки. Индар до сих пор не знает, кем считать альбов — человеком, или зверем.

Вождь не преминул осведомиться, почему племя Гвая (предводителя в Гвайнарде он распознал с первого взгляда) такое маленькое — четверо мужчин и всего одна женщина. Чья она жена? Вождя, или самого сильного мужчины (имелся в виду, разумеется, могучий киммериец). И почему самый сильный мужчина — не вождь? Говоря откровенно, подобные вопросы ставили Гвая в ту-

пик и от предоставил право вести разговор языкастому Эйнару.

По пути Конан отметил для себя, что за такие прекрасные охотничьи угодья как здесь, любой хайборийский король не задумываясь отдал бы половину королевства — зверья в древних лесах было великое и непуганое множество. Дебри «Земли, Которая Лежит Посередине Мира» (так ее назвал Индар) могли запросто прокормить не одну сотню племен наподобие Дарвингов.

Дорог не было, только звериные тропки. Признаком цивилизации — никаких. Ни тебе живописных развалин, ни замков на вершинах холмов, ни путевых столбов. Хотя, Индар утверждал, будто к Полудню и Закату отсюда живут *Другие*, сиречь элентари, альбы, у которых вроде бы тоже есть каменные поселения, как на Волчьем острове. Зато на Полуночи (то есть на «севере») живет Великий Господин. Кто он? О нем разное говорят. Уруки и живые огни говорят, что он справедливый. Некоторые люди, например из племени Гномов, утверждают, будто Господин очень злой. Если это правда, то, наверное, Господин не женат. Чтобы он стал добрым, ему нужна хорошая жена и Индар хочет отдать Господину свою дочь, которая родилась вместе с наследником Ладаром в один день, шестнадцать солнечных кругов назад.

Услышав такое, Гвай выразительно взглянул на Конана, а киммериец лишь незаметно покрутил пальцем у виска. Если Индар имел в виду самого Роту-Всадника, то подобная мысль звучала

для пришельцев из грядущих эпох донельзя абсурдно.

Однако, Индар был убийственно серьезен и сказал, что отправит Господину хорошие подарки — тогда он обязательно согласится принять в свой дом дочку человеческого вождя. Какие именно подарки? Красивые шкуры лесных кошек, вяленое мясо и корзинки с ягодами. Господину понравится.

Убедившись, что добиться от Индара более вразумительных речей невозможно, Эйнар перенес свое внимание на шамана. Ша вообще отказался разговаривать и на настырные расспросы броллайхэн не отвечал — будто вообще говорить разучился. Спрятался под своей маской и молчит. Урук относился к новым друзьям простодушных Дарвингов с явным подозрением, а почему — непонятно. Видимо, его насторожили лошади и шикарное оружие Ночных Стражей: у здешних людей ничего подобного не было, да и быть не могло.

— Давайте подведем итоги, — размышлял вслух Эйнар, не забыв перейти с «Изначального» наречия, на бритунийских язык. Эти разговоры для ушей Дарвингов, а уж тем более Ша, не предназначались. — В данном мире существуют две развитые цивилизации, два враждующих между собой сообщества. На Полуночи обосновался, предположительно, знаменитый Рота-Всадник. На Полудне и Закате обитают Бессмертные. Альбов пока оставим в покое, они нам малоинтересны по причине непостижимого для человека об-

раза мыслей. Но вот Рота... Признаться, я поражен.

— Чем же? — спросил киммериец.

— Изначально предполагается, что Рота — темное и злое божество. Эдакий кошмарный монстр, тиранящий и угнетающий свободные народы нашего мира. Создатель множества чудовищ, которых нам, как Ночным Стражам, следует безжалостно истреблять в соответствии с законами Гильдии. Мало того — Рота создал разумные расы уруков, троллей и прочих неприятных существ, для того, чтобы вести войну с прекрасными и добрыми альбами...

— Один момент, — перебил Гвай. — А что он с Бессмертными-то не поделил? Не знаешь?

— Без малейшего понятия, — отрекся Эйнар. — Я, конечно, тоже бессмертен, но впервые воплотился в материальное тело уже после эпохи **Всадника**. Так вот, к чему я веду: ответьте мне, **отчего** это кровавое чудовище никак не проявляет свою сказочную злобность? По крайней мере, в отношении людей? Как и всякому уважающему себя злодею, Роте положено было вырезать племя Дарвингов на корню или устроить жуткое жертвоприношение Темным Силам с завываниями и шаманскими плясками при свете магических факелов? Мы предположили, что насчет человеческого рода у него есть отдаленные и далеко не самые бескорыстные планы, но ведь Рота мог посчитать человека новым соперником и быстро его уничтожить. Это не составило бы для его воинства никакого труда. Уруков много, они

верные слуги Господина, отлично вооружены... Но нет! Летописный злыдень берет напрочь бесполезных людей, еще не вышедших из дремуче-первобытного состояния, под свою опеку. Почему?

— Мы про это уже говорили, — напонила Асгерд. — Помнишь твой же пример с бабочками-однодневками?

— Я не спросил «зачем Рота так поступает?». Я спросил «почему»? Я бы на его месте удовлетворился подданными-уруками, своими собственными созданиями, безоговорочно преданными Повелителю. А от людей можно ждать чего угодно — помните митрианский постулат о свободе воли? Нелогично. Не тянет Рота на злого бога. Наш родимый Сет-Змееног так не поступил бы.

— Или мы чего-то не понимаем, или дошедшие до нашего времени легенды неточны, — заключил киммериец. — В конце концов, историю пишут победители, а победителями Роты являлись альбы и их боги. Да и само имя «Рота» наверняка было выдуманно значительно позже. Здесь его так никто не называл. По крайней мере, пока. Будем разбираться, мне самому стало интересно.

На этой мысли разговор и прервался — вечерело, и Индар решил искать поляну для ночевки.

На парившую в небесах летучую мышь никто внимания не обращал — она кружила слишком высоко и крылатого монстра могли рассмотреть с земли только самые зоркие...

* * *

Ночь, звезды, костер, красное вино и сочная оленина. Что может быть прекраснее?

Рэльгонн явился глубоко за полночь, его уж и ждать перестали. Благовоспитанный упырь немедленно извинился и объяснил свое опоздание тем, что во-первых, в «этой» Хайбории ночь наступает позже, чем в «той», и каттакан рисковал получить солнечные ожоги. Во-вторых, Рэльгонн еще умудрился внимательно осмотреть здешние окрестности и теперь готов дать уважаемым Ночным Стражам полный отчет о своих похождениях. Но сначала господа охотники поведают, что с ними происходило сегодня днем.

От внимания Дарвингов не ускользнуло прибытие нового чужака, который, вдобавок, появился рядом с костром Гвая из ничего, из пустоты...

Индар подошел, поздоровался, спросил как это у «друга друзей» получается вываливаться из ниоткуда, и не получив внятного ответа отправился спать. Видимо, посчитал упыря «человеком», а не человекоподобным «зверем».

— ...Все, что вы мне поведали — крайне любопытно, — покачал головой Рэльгонн после подробного рассказа Гвайнарда и Эйнара. — И знаете почему? История Дарвингов никак не укладывается в мои понятия о структуре и развитии Вселенной. Что значит — «они просто проснулись»? Цивилизация каттаканов не знает слов «проснулись» или «были сотворены» по отношению к разумным существам, коими люди, несомненно, яв-

ляются. Вы, разумеется, не имеете ровным счетом никакого представления об эволюции — в просторечии, о законах развития мира и жизни. Такого просто не бывает!

— И этот туда же... — вздохнул Конан. — Если сегодня кто-нибудь еще хоть один раз повторит эту фразу — я за себя не отвечаю! Рэлыгонн, я всегда считал тебя разумным человеком — в смысле, вампиром, — но Дарвингам тебе придется поверить. У нас нет доказательств, однако слова Индара настолько искренни... Он просто не умеет обманывать.

— Бред, — убежденно воскликнул упырь. — Ну не верю я в такие вот «пробуждения»! Жизнь, зародившись в одной из небесных Сфер, проходит по длинной лестнице развития. Очень длинной. Какая, к демонам зеленым, «песня сотворения», последние аккорды которой якобы слышит Эйнар? Да быть не может!

— А в богов ты веришь? — осведомился Гвай. — В наших, хайборийских богов? Веришь ведь! И знаешь о их существовании! Почему бы не поверить и Дарвингам вкупе с Эйнаром?

— Ваши Митра, Бел или Сет — объяснимы. Иная форма существования, энергетический разум, в теории такое возможно... Но одномоментное сотворение целой разумной расы? Признаться, я в замешательстве. Заметьте, этим вашим Дарвингам, да и прочим племенам людей, изначально были заложены в головы необходимые знания — у них ведь не было мамочек, способных позаботиться о новорожденных бородатых мужиках?

Дарвинги изначально должны были знать то, чего не знает ни единый новорожденный, будь он человеческим ребенком, маленьким каттаканчиком или гоблиненком: как добывать пищу, как охотиться, как делать ткани или одежду, как детей рожать, наконец!

— Ну, тут невелика наука, — хохотнул Конан. — Дурное дело нехитрое. Давай поговорим серьезно: допустим, я склонен поверить тебе, а не Индару. Какие у тебя есть предположения о появлении в нашем мире человека? С твоей точки зрения? С точки зрения не киммерийского варвара, а многоученого упыря?

— Не знаю, — развел руками Рэлыгонн. Длинные ногти на пальцах каттакана сверкнули в свете костра. — Это необъяснимо! Вмешательство иной высокоразвитой цивилизации, забросившей сюда человека, предварительно лишив его частиц воспоминаний о прошлом, но оставившей в памяти основные навыки, которые позволят выжить? Чепуха, кому нужны такие эксперименты! И дорого, и бессмысленно! Говорю как знаток! Я уже рассказывал, что наша раса может путешествовать меж звезд на небесных лодках, мы обладаем огромными возможностями, но во времена, когда я жил дома, никому из наших ученых мужей и в голову не могла придти столь идиотическая мысль: заселять разумными тварями необжитые миры. Каждая Сфера должна развиваться так, как ей предписано изначально.

— Предписано — кем? — Гвай поймал упыря на слове.

- Э-э... Не знаю. Допустим, законами природы.
- Тогда скажи, кто написал эти законы?
- Сама природа, в процессе развития.
- А кто создал природу?

Рэльтон задумался. Затем ответил, помявшись:

— Во многих мирах... Нет, не во многих. Во *всех мирах*, которые в прошлом посещали каттаны и где есть разумная жизнь, бытует легенда о некоем всеобъемлющем сверхразуме. У вас он именуется «Богом Единым, Отцом Богов». Такое единообразие мнений наводит на размышления. Но доказательств Его реального существования мы так и не получили. Никаких.

— Тебе, как и Гваю, надо все потрогать своими руками, — саркастично усмехнулась Асгерд.

— Боюсь, Бог Единый не разрешит какому-то провинциальному вампиру трогать его руками, — весело фыркнул киммериец. — Послушайте, мы опять углубились в дебри никому не нужной философии. Мне уже чудится, будто здесь не таинственный древний мир, а собрание ученых магистров в Тарантийской Обители Мудрости, решивших обсудить секреты мироустройства. Вернемся с небес на землю. Рэльтон, что ты успел разнюхать перед тем, как прилетел к нам?

— Ладно, слушайте. В восемнадцати лигах к полуночи, на острове посреди реки, действительно стоит огромная крепость, населенная весьма необычными тварями, совершенно никак не относящиеся к роду человеческому...

Глава четвертая,

*в которой Конан с друзьями
прибывает на Волчий остров,
видит огромную крепость
и знакомится с ее хозяином*

Рэльтон, как и всегда, был в безукоризнен своих выкладках. Он дал точные указания на местонахождение искомой крепости, каковая стояла на Волчьем острове, выраставшем из волн полноводной реки, текущей с Полуночного восхода на Полуденный закат.

Холмы в этих местах стали значительно выше, а их склоны — круче. Теперь всхолмья больше напоминали невысокие горы, которые зажимали в своих тисках речную долину. Вулканы, остававшиеся весьма отдаленными, по-прежнему коптили небеса, а ночью создавали на горизонте тревожное желто-багровое зарево.

Дарвинги, сопровождаемые Ночными Стражами, вышли на берег реки на четвертые сутки, считая от появления охотников в Мире Древнем.

Нельзя было сказать, что минувшие дни были омрачены какими-либо дурными событиями, однако странностей хватало с избытком — взять хотя бы самую первую ночевку...

* * *

Упырь, как существо донельзя прагматичное, с самого начала посоветовал Гваю и его друзьям не рисковать. В конце концов, законы «этой» Хайбории должны весьма существенно отличаться от тех, что приняты тысячелетия спустя. Здесь все другое! Человеческое сообщество пока не властно над своей судьбой — людьми управляют более старшие и могучие расы. Может быть, господа охотники, посмотрев за прошедший день на окружающий мир и слегка удовлетворив свое неуемное любопытство, вернутся назад, домой? А если уж им так интересно узнать, что же на самом деле происходит в Мире Древнем, то Рэльтонн готов при помощи своих дяди и брата, пока оставшихся в Бритунии, тщательно разведать для Ночных Стражей все особенности здешнего бытия...

Гвай и Конан отказались сразу, а киммериец сказал, что никто никого не неволит: если Асгерд, Эйнар и барон Олем не хотят оставаться «здесь», пусть они подождут командира отряда и варвара «там».

Путешествие к Волчьему острову и обратно займет не более десяти дней, портал в горах будет действовать еще несколько лун, а значит у

обоих любителей экзотики нет никакого риска остаться в Мире Древнем навсегда. Как, устраивает такое решение?

Броллайхэн, Асгерд и Олем немедленно обиделись, и заявили, что друзей бросать не собираются, а Рэльтонн — просто перестраховщик. Здесь безопасно, разные разумные расы относятся друг ко другу вполне благожелательно, а на Волчьем острове Дарвингов должен ожидать если ж не радужный, то по крайней мере вполне достойный прием. Мы немножко посмотрим на тутошние чудеса — и сразу домой. Хорошо?

— Воля ваша, — с деланным безразличием пожал плечами упырь. — Теоретически, если с вами произойдет что-то скверное — например, посадят в темницу или попадетесь в плен к недоброжелателям — я смогу вас вытащить из неприятностей, прыгнув через Ничто. Но только ночью, сами понимаете. А вот если вы нарветесь на *очень серьезные* проблемы, если вашим жизням будет угрожать *реальная* опасность, когда меня или моих родичей не окажется рядом... Тогда не обессудьте.

— С реальной опасностью как-нибудь справимся, — ответил Конан, похлопав ладонью по ножнам клинка. — Кроме того, у нас есть Эйнар, владеющий волшебством Равновесия и способный сбрасывать телесный облик. Не беспокойся, Рэль, ничего с нами не случится.

— Правда? — скривился вампир, показав из-под верхней губы ряд кошмарных конических зубов. — А вот этот прелестный зверек относится

к разряду реальной опасности, или нет? Как по вашему?

Ночные Стражи моментально повернулись в ту сторону, куда смотрел желтоглазый Рэльгонн.

...Сейчас, когда зашла луна, наступили самые темные предрассветные ночные часы. Из всех костров на стоянке Дарвингов ярко пылал только костер, возле которого устроились Ночные Стражи — остальные люди, не обремененные предрассудками цивилизации и глубокими философическими мыслями, отдыхали возле тлеющих угольков. Как заметил Конан, охрану Индар не выставил — вождь даже не подозревал о такой вещи, как «стража». Дарвинги были уверены — другие «люди» на них не нападут, а дикие звери подходить к огню побоятся.

Не побоялись, однако...

У самого края поляны, в черной тени деревьев, стояло чудовище. Охотники видели его силуэт довольно отчетливо — на густую шкуру четвероногого монстра падал отсвет их костра. Это был волк. Вернее, не совсем волк — ни единый волчара из Хайборийских лесов не вырастает до размеров откормленного быка и не обладает густейшей черной шерстью, с серебряными нитями, отражающими свет. Морда на волчью не похожа — скорее, собачья, с висящими губами и коротким носом. Дыхание тяжелое, из клыкастой пасти на предутреннем холоде вырывается густой пар. Киммериец даже ощутил запах чудища — оно пахло вовсе не псиной и не шерстью, а почему-то металлом и дымом кузни. Крайне необыч-

ный запах для животного, пускай даже и очень большого.

— Эт-то что еще за явление? — прошептал Гвай, не отводя взгляда от неподвижной тени, замершей не более чем в полусотне шагов от стоянки Дарвингов. Судя по позе волка, нападать он не собирался — просто стоял и смотрел. Лошади Ночных Стражей начали беспокойно пофыркивать, чувствовали близкое присутствие хищника. Или — не-хищника, а некоей потусторонней силы, заключенной в волчье тело?

— Это — воплощенный дух, — немедленно отозвался побледневший Эйнар. — Он мне родствен, порожден природой... И значительно сильнее меня.

— Такой же броллайхэн, как и ты, только — древний? — тихонько спросил Конан, опасаясь спугнуть или спровоцировать зверя. — Если вы происходите из одного рода — сможете договориться.

— Не думаю, — медленно ответил Эйнар. — Он — Перворожденный, самый первый. Как Дарвинги являются изначальными людьми, так он — является одним из первых Духов Природы. Я не могу проникнуть в его мысль и заставить ответить на мои призывы. Он меня не понимает... Боги, только не это!

Смысл эйнаровского восклицания был вполне понятен. Один из Дарвингов, видимо поднявшись ото сна по естественной надобности, заметил посетившую стоянку племени мохнатую чуду. Дальнейшие его действия были вполне

предсказуемы, тем более, что Конан и прочие Ночные Стражи отлично знали принятое у ходивших под рукой Индара людей разделение всех живых существ на «человека» и «зверя». Дарвинг, не долго думая, ухватил воткнутое в землю копье с кремневым наконечником, дико заорал и бросился в бой. Размеры животного человека не волновали.

Далее события начали разворачиваться с невероятной быстротой. Паники среди Дарвингов не поднялось, но практически все повскакивали на ноги и схватились за свое примитивное оружие.

...Копье вонзилось волчаре в лапу, но зверь, который мог запросто разорвать человека на тысячу мелких кусочков, не стал использовать зубы или когти. Он просто стряхнул копье (Конану показалось, что острие лишь слегка оцарапало волка, с трудом пробив густую шерсть), а затем этой же лапой оттолкнул замешкавшегося на мгновение Дарвинга. Оттолкнул вроде бы легонько, однако человека отбросило в сторону не меньше, чем на десять шагов и он остался неподвижно лежать в траве.

— С вашего позволения... — скрипнул Рэльтон и мгновенно «переместился» через Ничто к пострадавшему. Конан и остальные охотники ринулись за ним. Дарвинги в это время окружали волка, так и оставшегося стоять возле деревьев.

— Что? — выдохнул киммериец, первым нагнавший упыря. — Живой?

— Какое там... — покачал головой каттакан. —

Такой удар! Хребет сломан. Мгновенная смерть. Слушайте, может быть мы уберемся отсюда по добру-поздорову? Мне этот волк *очень* не нравится, будь он хоть сотню раз Духом Природы!

Дарвинги-мужчины, охотники, тем временем выстроились полукругом, защищая себя от возможного нападения вытянутыми копьями. Возможно, они и рванулись бы в самоубийственную атаку, но помешал шаман. Урук резво выбежал вперед, встав между людьми и черным монстром, выкрикнул нечто вроде «Кхаркхарот азду гхаши» (волк отступил на шаг) и повернувшись к людям пролаял:

— Отойдите! Индар, отведи своих подальше! Он вернет вам Гадара!

— Что за чепуха? — озадачился Гвай. — А ну, други, за мной! За деревья!

Последний возглас был вызван тем, что волчара медленно зашагал к трупу человека, которого, видимо, и звали Гадаром. Видя приближающуюся тушу чудовища даже Конан посчитал, что отступление в данной ситуации является куда большей доблестью, нежели нападение. Уложить волка без огромных потерь не смог бы и отлично обученный легион немедийской панцирной пехоты. Уж больно велик да могуч!

— Я не верю в это, — упырь вполне человеческим жестом протер глаза. — Нет, я не верю в это! Такого...

— ...не бывает, — своевременно подхватил Эйнар. — И все-таки *это* есть. Но каким образом?!

Волк подошел к мертвому телу, шумно его об-

нюхал, тронул лапой и тотчас отскочил. Мелькнула розовая искра.

Человек вскочил на ноги и тотчас шарахнулся в сторону — монстр стоял слишком близко.

Волк, оглядев бывшего мертвеца поблескивающими багрецом глазами, преспокойно развернулся и лениво затрусил в глубину чащобы. Только палые ветки хрустели под толстыми лапами.

И снова на Дарвингов происшедшее не произвело никакого особенного впечатления. Ну, воскресли, и дальше что? С кем такого не бывает? Пойдем лучше спать, завтра дорога тяжелая предстоит!

Рэльгонн немедленно упросил недовольного ночным подъемом Индара позволить осмотреть родственничка вождя, так неожиданно прогулявшегося в царство теней и обратно. Индар пробасил:

— А чего на него смотреть? Но если хочешь — гляди...

И с тем вождь отправился вкушать сон. Упырь, оглядев Гадара сверху донизу и даже используя одну из своих магических шкатулок, каковую на краткое время закрепил на руке человека, вернулся к костру Ночных Стражей в полном недоумении.

— Как там наш зомби поживает? — непринужденно поинтересовался киммериец. — Он точно жив? Это, часом, не некромантия какая-нибудь?

— Нет, не некромантия, — ответил Рэльгонн. — Живехонек, как и все мы. А был — мерт-

вее мертвого. Не дышал, сердце не билось. Каково, а?

— Ты у нас здесь самый умный, значит обязан дать разъяснение, — заявил Гвай. — Что о таких случаях говорить твоя многомудрая каттаканская наука?

— Дело произошло слишком быстро, — задумчиво сказал Рэльгонн. — Человека, скончавшегося только что, иногда можно вернуть к жизни. Но у Гадара была сломана шея, а сейчас кости срослись. За несколько мгновений. Необъяснимо!

— Древняя магия, нам неизвестная? — предположила Асгерд.

— Не все чудеса в этом мире объясняются магией, — упырь покачал головой. — Заключенную в смертную плоть человеческую душу, покинувшую тело, вернуть обратно невозможно. Конан, ты, вроде бы, приводил пример с зомби? Ничего похожего — Гадар и сейчас, после столь чудесного воскрешения, обладает своей собственной, изначальной душой. А все «живые мертвецы» наподобие зомби, брукс или иранистанских гулей являются собой всего лишь мертвые тела, в которых вселяются злые духи из Черной Бездны. Я в тупике.

— Да мы из этого тупика уже несколько дней не вылезаем, — проворчал Конан. — Вот что мы сделаем. Я стою на страже первые два колокола, меня сменит Эйнар, под утро разбудим тебя, Олем. Вашей баронской милости пора привыкать к полной опасностей и лишений походной жизни. Сторожить придется обязательно — мало ли,

появятся новые визитеры, куда менее безобидные, чем виденный нами черненький волчок... Беспечность Дарвингов меня поражает до глубины души — завтра же переговорю с Индаром и заставляю его выставлять охрану на ночь. Нужно же этих людей научить хотя бы азам ратного искусства?

— Не пойму, — вздохнул Гвай. — Но, если хочешь, попробуй. Действительно, давайте на боковую. Один Митра знает, что нас может ожидать впереди...

— Митра? — Рэльгонн ухмыльнулся. — Мой дорогой Гвайнард, а ты уверен в том, что Митра уже родился? Возможно, бога с таким именем в эти времена вообще не существует. Всего вам хорошего, месьюры. Я приду следующей ночью.

Рэльгонн исчез, оставив Ночных Стражей гадать над его последними словами. Конан, между прочим, вполне допускал, что время человеческих богов пока не пришло, но убедить себя в этом никак не мог. Если в Море Древнем есть люди, значит и боги у них должны быть!

Загадка, право...

* * *

Следующим днем в округе царила сушая благодать. Птички-цветочки-бабочки, безобидные дикие звери наподобие ланей или лисиц выбегали прямо на дорогу перед шествующим к Волчьему острову племенем Индара, монстры не появлялись, за исключением здоровенной летучей

мышь, однажды снизившейся настолько, что ее углядел внимательный Конан. Затем мышь вновь поднялась под облака и более людей не беспокоила.

Ближе к вечеру, однако, случилось непонятное. Прямоком перед Ночными стражами на тропу из кустов выскочил волк. Не такой здоровенный как ночью, конечно, но тоже отнюдь не карлик — в холке он был Конану почти по подбородок, а варвар являлся человеком вполне высокорослым.

Шкура волка почему-то была не серой, а буровой, словно у медведя во время линьки. Морда — противнейшая...

Киммериец и Гвай тут же потянулись за мечами, но их остановил возглас шедшего рядом урука. Ша перекинулся парой быстрых слов с Индаром, потом запросто подошел к зверюге, запрыгнул к ней на спину, вцепился пальцами в густую шерсть на загривке, поддал шпор пятками железных башмаков и волк, взяв с места в галоп, сгинул в зарослях вместе со своим необычным всадником.

— Поехал к своему вождю, — объяснил Индар. — Ша нужен в своем становище, так он сказал. Чего стоите? Пошли! Нас ждут.

— Ор-ригинально, — с горловым раскатом буркнул Гвай. — Уруки ездят на волках, люди — на лосях... Одни мы как белые вороны — на лошадях.

— Вороны на лошадях не ездят, они летают, — рассмеялась Асгерд. — Хотя, зверь, на котором ус-

какал шаман мне показался необычным. Помоему, он из той же породы, что и черная чуда, приходившая ночью. Только помельче. И шкура другая — коричневая. В наши времена таких волков не встречается, мы бы знали.

— То не волки, то — волколаки, — встрял сынок вождя, Ладар, по простоте душевной подслушивавший разговор Ночных Стражей. — Так этих зверей Ша называл. Вроде, они в человека умеют перекидываться. Только не в такого, как мы, а в урука.

— Час от часу не легче, — киммериец сплюнул, услышав, как Ладар в очередной раз назвал гоблина «человеком». — Оборотни? Родственники племени Карающей Длани, которое обитает у нас, в Пограничном королевстве? Нет, не похоже — хайборийские оборотни превращаются в самых обыкновенных серых волков. А эти — страхолюдины, каких поискать. И здоровые больно.

— В крепости разберемся, — махнул рукой Гвай. — Видимо, Волчий остров является одним из форпостов, охраняющих подходы к резиденции Роты-Всадника на полуночи. Наподобие фортов в Аквилонии, на Черной реке, построенных для защиты от пиктов.

— Возможно, возможно... — процедил Конан. — Если здесь и вправду идет нескончаемая война между Бессмертными и Полуночной Твердыней, меры к обороне следует принять обязательно. А для верности — заселить эти земли союзниками, сиречь собрать побольше людских племен и подарить им земли вокруг крепости. Зачем риско-

вать своим войском набранном из гоблинов, когда можно подставить под удар людей?

— Конан, не начинай сначала! — простонал Эйнар. — Эту тему мы уже обсуждали!

— И все равно, мне совершенно не нравится то, что люди по собственной доброй воле стали союзниками уруков или монстров, наподобие Пламенного Бича. Неправильно это! Противоестественно!

— Не лезь сюда со своими законами и представлениями о «естественности», — оборвал варвара Гвайнард. — Относись ко всему происходящему спокойно. Так, словно ты попал в сказку. Законы сказки много допускают.

— Ага, многое, — саркастично покивал киммериец. — Вот интересно, могут ли у человеческой женщины быть дети от урука? А равно, и наоборот? Если уж мы в сказке?

— Ф-фу... — Асгерд сморщила нос. — Конан, если ты хочешь попробовать, тебя никто останавливать не будет, а я — особенно! Найдешь себе на Волчьем острове какую-нибудь урчиху посимпатичнее, и вперед! Проверь! Но, пожалуйста, сделай так, чтобы я этого не видела.

— В таких делах я предпочитаю романтическое уединение, — оскалился в ответ варвар. — Ладно, оставим... Постоите-ка! Гляньте под ноги, это что такое по-вашему?

Охотники послушно усталились на мягкую землю. Отпечатки копыт. Лошадиных. С подковой.

Один наиболее четкий след позволял разли-

чить, что на подкове стояло клеймо в виде восьмилучевой звезды.

— Символ Бессмертных, альбов, элентари, — присвистнул Гвай. — Я видел такие в Рудне, когда был в гостях у Рэльгонна — он ведь живет в древней альбийской крепости. Отпечаток совсем свежий, оставлен не позже предыдущей ночи. Значит, элентари тоже шляются неподалеку! Вот теперь будьте вдвойне внимательны — Бессмертные не станут церемониться с союзниками Роты, коими Дарвинги, несомненно, теперь являются. Держите оружие под рукой!

Гвайнарда, однако, ошибся. Следующей же ночью походный лагерь племени почтил своим вниманием очередной необычный визитер. Точнее — двое.

Дежурил у костра Конан, прочие охотники, уставшие за день, спали. Дарвинги, отужинав, готовились к ночлегу — Индар, кстати, так и не внял рекомендациям Конана, настоятельно советовавшего выставить хотя бы трех-четырех сторожей, способных поднять сородичей ото сна в момент опасности. Повтори только, что людям в этих лесах ничего не грозит. Киммериец втихомолку обругал вождя разными нехорошими словами; но уяснив, что настаивать бесполезно, больше к Индару с советами не приставал.

— Опять чудеса в решете, — Конан, завидев среди стволов деревьев непонятное голубоватое свечение, вскочил и толкнул носком сапога завернувшегося в попону Гвая. — Подъем! Очередные гости!

— Чего? — заспанный Гвайнарда приподнялся на локте и ословело осмотрел стоянку. — Митра Всеблагой, да что такого на этот раз случилось?

— Всадники, — шикнул киммериец. — Прислушайся. Или я никогда не слышал перестука лошадиных копыт, или мне мерещится. И фонарь этот странный...

Дальше — как в сказке. То есть, в легенде. В легенде про альбов.

Два всадника, оба, разумеется, на белых конях. Вид — величественный до отвращения. Сбруя и седла богатые, с золотой и серебряной отделкой. На поводьях закреплены непонятные склянки, наполненные светящейся жидкостью — именно их Конан и принял за фонари. На альбах светлая одежда, поверх нее шикарнейшие кольчуги из смахивающего на серебро металла. Голубые плащи, с вышитой восьмилучевой звездой.

— Гм... — кашлянул киммериец. — Гвай, они как — мальчики или девочки? Не разберу по лицам.

— Может, они еще не определились? — вяло пошутил Гвайнарда. — Пойдем посмотрим поближе.

И действительно, физиономии обоих гостей Дарвингов никак не отражали их принадлежности к полу, будь он «прекрасным» или «сильным». Да, рожи смазливые, никто не спорит, выражение на лицах эдакое возвышенно-просветленное и чуток высокомерное — по крайней мере на обступивших всадников людей альбы взирали не без видимой брезгливости. Конан отлично их

понимал — выглядели подданные Индара ахово, дикари дикарями!

Впрочем, правила вежливости альбам были известны не хуже, чем Конану или Гваю. Спрыгнув с седел они безошибочно определили, кто здесь вождь и представились.

Конан заметил по себя, что главный альб все-таки был «мальчиком». Именовали его длинно, так что киммериец с первого раза и не запомнил, но потом выяснилось, что столь пышное наименование простак-Дарвинги произнести не могут, и альб согласился чтоб его звали совсем коротко — Финарато.

Индар вздохнул, но долг гостеприимства был выше усталости. Гостей пригласили к шатру вождя. Гвай с Конаном встали в сторонке, репив послушать, о чем пойдет речь.

— ...Хотя мне и без лишних слов все ясно, — хмыкнул Гвай. — Будут переманивать на свою сторону.

— Тихо, дай послушать...

Гвайнард оказался прав всего лишь наполовину. Говорил Финарато. Второй альб каменно молчал, видимо был всего лишь телохранителем своего господина — это было заметно по более простеньким доспеху и одежде. Финарато, даже не осведомившись о здоровье Индара, его жены и детей и об удаче в охоте, незамедлительно завел разговор с вождем и его ближайшими родственниками о мироустройстве — ни больше ни меньше.

Дарвинги терпеливо слушали. А по мнению

Конана альб нес совершеннейшую ахинею, которую было не понять даже цивилизованным людям из Хайбории, не то что Перворожденным людям Индара. Для начала обуянный просветительским пылом Финарато принялся рассказывать о Едином Творце по прозвищу Илу, но моментально встретил непонимание со стороны людей. Он пытался говорить простым языком, однако результаты все одно оставляли желать лучшего.

— В самом начале был только Илу, который жил в чертогах, в которых все было. А потом он решил сотворить...

— То есть как сотворить? — перебил альба Индар. — Что сотворить? У него же там все было!

Данный вопрос немедленно завел повествование в тупик.

— Ладно, сотворил и сотворил, — Гвай, не удержавшись вмешался. — Ты, Финарато, лучше про войну давай. Кто здесь с кем воюет и почему?

До войны дело так и не дошло. Финарато упрямо завел прежнюю песню. Творение, высшие духи, которых можно назвать богами, а лучше «Силами Мира», про музыку сотворения, про внесенный в нее диссонанс и так далее... Дарвинги запутывались все больше. Окончательно бедного Финарато добил вопрос, последовавший после его рассказа о неких волшебных фонарях, которые до появления Солнца и Луны были установлены Силами Мира для освещения здешних земель:

— И тогда, чтобы земля видела божественный свет, Силы поставили на земле два светильника...

— Два — чего? — невинно поинтересовался сын вождя.

— Ну... — альб замялся, подыскивая нужные слова. — Словом, они разожгли два костра.

— Каких костра? — переспросил Индар. — Из чего они их сложили? Ты же сказал, луны и солнца не было. А в темноте деревья не растут, это даже дети знают.

— Отец, зачем такое спрашивать? — совершенно серьезно сказал тут Ладар. — Из кизяка те костры были, правда ведь?..

Конан зажал себе рот ладонью, чтоб не осквернить беседу совершенно ненужным смехом.

Говорили еще долго — киммериец и Гвай замаялись слушать. От Финарато последовали длинные и мутные объяснения о Черном Властелине (тут впервые было упомянуто имя Роты), который что-то там украл у альбов, и альбы обязаны это «что-то» вернуть, прежде победив самого Роту. Уворованные зловредным Всадником Полуночи вещи Финарато называл «Камнями» — стало ясно, что именно они и стали причиной всех здешних раздоров. Если же люди помогут их вернуть, то им клятвенно обещается вечная дружба со стороны альбов.

Тут Индар не выдержал:

— Тю! Убивать друг друга из-за камушков! Ладар, а ну подойди!

Вождь прошептал на ухо сыну несколько слов, тот ненадолго скрылся в темноте и вскоре приво-

лок к костру три увесистых гранитных булыжника.

— Вот, — Индар взял камни и положил их у ног Финарато. — Возьми эти камни взамен. Нам не жалко. Бери.

Альб воздел очи горе и сразу начал плести очередную байку о вечном свете и великой волшебной силе, заключенной в похищенных камнях, однако Индару все это изрядно поднадоело.

— Вечный свет? — переспросил вождь. — Вон посмотри, луна со звездочками светят. А утром солнце взойдет. Зачем вам еще света? Нам, например, хватает. А ночью вообще должно быть темно, чтоб спать можно было. На солнце не особенно поспишь, свет глаза режет.

— Ай да Индар! — сказал киммерийцу Гвай. — Красиво он его уделал! Кажется я понимаю, о чем идет речь. Существует очень старая и мутная легенда о «Трех и Семи». Три и семь магических кристаллов, которые поддерживают бытие мира, не дают ему разрушиться. Они, якобы, были созданы в самые незапамятные времена то ли Ротой, то ли его братьями-богами и объединялись в единую цепь. Причем каждый из кристаллов отвечал за определенную стихию или расу. Не помню точно...

— Книжек надо было больше читать, — усмехнулся Конан. — Какая нам разница? Тьфу! Оказывается тут все друг друга режут и душат из-за спора о каких-то кристаллах! Всегда говорил, что магия — зло.

Тем временем глубокомысленная беседа окон-

чилась. Финарато мягко, но настоятельно посоветовал Дарвингам идти на Закат, в его земли, где они получают свои уделы, причем совершенно безвозмездно. И уж ни в коем случае людям не следует ходить к прихвостням Владыки Полуночи, где их ожидает смерть и рабство.

Индар немедленно спросил, что такое «рабство».

Альбы, несолоно хлебавши, уехали. Выражения их лиц надо было видеть — складывалось впечатление, что они побывали в приюте для умалишенных. Впрочем, если уж Конан сотоварищи с трудом понимали образ мыслей Дарвингов, то возвышенные и мудрые Бессмертные наверняка сочли Перворожденных людей неким подобием говорящих обезьян без единого проблеска настоящей мысли.

— Правильно Ша говорил — они не люди, — развел руками Индар, глядя вслед удаляющимся альбам. — Люди всегда друг друга понимают.

— Значит, ты не понял, что рассказывал Финарато? — не удержался Конан.

— Немного понял, — с гордостью сказал Индар. — Сначала был Единый, который нашел себе жену по прозвищу Илу и прижил с ней старшего сына Роту, а потом еще много детей, которых называл «Силами». Наверное, и впрямь сильными были, потому что они построили весь мир. Потом они разложили два больших костра и им стало нечего делать. Но старший сын быстро придумал, как не скучать — он стал все ломать. Тут и другим дело нашлось — ходить, чинить. Финара-

то говорил, что Рота был не прав. Почему — непонятно. Все ведь при деле, никто на траве не лежит, пузо не чешет? Заблудился я в словах этого Финарато.

— Почему, — продолжал наседать киммериец, хотя сам отлично знал ответ.

— Спрашивал: что людям надо, чего хотят? Знамо дело, ага. Хотим чтоб люди были толстые, комары дохлые, пастбища тучные и чтоб дичь в лесу не переводилась. Зачем нам другой свет, кроме солнца и луны?

— Ясно, — вздохнул Гвай и тронул Конана за плечо. — Пошли к нашему костру. Скоро Рэльгонн должен появиться, расскажем ему обо всем. То-то смеху будет!

* * *

— Ну знаете ли... — изумленно выдохнула Асгерд. — Вот теперь я начала задумываться, где же настоящая цивилизация — у нас в Хайбории или тут? Потрясающе!

Гвай коротко процедил «Н-да...», Конан покачал головой, Эйнар присвистнул, в барон Олем замер с открытым ртом. Достопочтенные Ночные Стражи воочию узрели Волчий остров.

Вроде бы ничего необычного — река как река, остров как остров, впереди скалистые хребты, покрытые лесами, еще дальше видны клубы вулканического пепла, постоянно выбрасываемые огнедышащими горами. В принципе, подобный пейзаж можно встретить и в Хайбории куда бо-

лее поздних времен... Однако крепость, стоявшая посреди острова (а точнее, занимавшая почти всю его весьма немаленькую территорию) могла привести в состояние блаженного обалдения даже самого флегматичного человека.

Рядом с этим архитектурным монстром весьма немаленькие королевские замки Тарантии или Бельверуса показались бы обнесенными прохудившимся плетнем жалкими лачужками-мазанками под соломенными крышами.

Крепость была выстроена из невообразимо огромных каменных блоков, затем облицованный белыми мраморными плитами. Семь башен и донжон, причем последний был высотой едва ли не в одну пятую лиги — шпиль с неразличимым знаменем, казалось, уходил под самые облака. Мощные тумбы четырехугольных бастионов поднимались над водами реки локтей на семьдесят, на стенах замечались те, кого Дарвинги именовали «живыми огнями» — зоркий Конан насчитал не менее трех Пламенных Бичей, неторопливо прогуливавшихся по галереям.

Ворота, находившиеся сразу за широким каменным мостом, переброшенным через реку, являли собой зрелище совершенно невообразимое — толстенные металлические створки, на взгляд повидавшего много различных крепостей киммерийца, открыть было просто невозможно, слишком тяжелые.

Одним словом, рядом с этой грандиозной цитаделью люди чувствовали себя сущими козявками. Узри крепость Волчьего Острова любой хай-

борийский архитектор — умер бы на месте от разрыва сердца.

— Человек не может такое построить, — уверенно сказал Гвай. — Не по силам!

— Точно, — согласился Конан. — Я бывал в Стигии, видел великие пирамиды Птейона, но и они не идут ни в какое сравнение с этим... Не знаю, как назвать.

— Строили альбы, вне всякого сомнения, — поддержал разговор Эйнар. — Очень типичная архитектура и украшения. Видите на башнях каменные звезды? А ромбовидные барельефы, видимо, являются гербами — нечто похожее есть и в Рудне. Только Рудна по сравнению с данным укреплением видится мне всего лишь скромной загородной виллой не слишком богатого альбийского вельможи.

Конан вспомнил, как выглядели развалины старой крепости на Полуночи Райдорского герцогства и целиком согласился с Эйнаром. Обиталище упырей-каттаканов не превосходило размерами обычный графский замок.

Дарвингов, вышедших из леса на берег реки неподалеку от моста, встречала целая делегация весьма примечательных личностей. Как ни странно, командовал встречающими самый обыкновенный человек в доспехе. Восседал он на гнедом коне, причем конь так же был защищен панцирем, отчего всадник и его скакун смахивали на ожившую оловянную игрушку-солдатику, коими забавляются дети хайборийских дворян. Зато остальны...

Конан поперхнулся, увидев, что закованного в латы человека сопровождают аж целых два Пламенных Бича, один другого страшнее, уже знакомый Ночным Стражам гигантский черный волк и два десятка уруков, вместе с которыми явился и шаман по имени Ша.

Вся эта теплая (в буквальном смысле данного слова, поскольку от Бичей так и пыhalo огнем) компания остановилась возле башенки, охранявшей вход на мост и дождалась, пока неторопливые Дарвинги подойдут ближе. Всадник выехал вперед. Пламенный Бич и прочие обитатели крепости остались на месте.

— Приветствую Индара, моего сородича, — вполне учтиво сказал одоспешенный, моментом определив, кто является вождем. — Мое имя Даур, я командую людьми, вступившими в войско повелителя Сторожевой Башни. Мое племя пришло на Волчий остров девятнадцать солнечных кругов назад и стой поры мы живем здесь...

— Откуда ты знаешь мое имя? — озадачился Индар, но взглянув на подошедшего Ша, все понял. — Хорошо, Даур. Но Дарвинги не хотят идти в каменное становище. Мы привыкли к лесу. Хозяин здешних земель обещал нам показать место, где Дарвинги будут жить.

— Повелитель Артано исполнит свое обещание, — ответил Даур. — Вам придется перейти по мосту на другой берег реки, поскольку здесь — слишком опасно. Элентари не дремлют и мы постоянно ожидаем нападения. Ша покажет вам дорогу. Однако, почтенный Индар, в обмен на на-

шу защиту, ты должен будешь прислать в крепость десятерых сыновей вашего племени, чтобы мы научили их искусству ковать железо и обрабатывать камень. Вы ведь хотите иметь собственных мастеров, способных ковать хорошие ножи и наконечники для охотничьих стрел? Строить теплые жилища, чтобы дети и женщины не замерзали зимой?..

— Вот как происходит приобщение к благам цивилизации, — буркнул Эйнар. — Сначала наконечники для стрел, потом мечи с ятаганами... Все так, как мы и предполагали!

Так или иначе, Индар согласился. А так как пройти на безопасный берег реки можно было только через остров (и через крепость) немногочисленное племя вместе со своими лосями двинулось по мосту к воротам цитадели.

— Э-э... Могу я попросить достойных гостей ненадолго задержаться? — окликнул Даур Ночных Стражей, которые, впрочем, отлично понимали что их незамедлительно отличат от Дарвингов и заинтересуются необычным обликом и вооружением.

— Мы хотели только осмотреть город, — несколько невпопад брякнул Гвай, направив своего коня к Дауру. А что еще прикажете говорить? — Мы не принадлежим к подданным вождя Индара, мы...

— Повелитель Артано знает кто вы, и откуда пришли, — невозмутимо ответил Даур. — Повелитель просит вас удостоить его своим вниманием. Артано приглашает вас к себе.

Даур указал на главную башню Волчьего острова, нависшую над серыми водами реки.

Охотники переглянулись. В конце концов, отказываться от приглашения было неприлично, особенно когда тебя зовут в гости с таким вежеством.

— Вам оставят оружие, лошади будут находиться в личной конюшне повелителя, — продолжил Даур. — На валарауко, волков и прочих не-человеческих существ, обитающих в замке не обращайте внимания, они беспощадны только к врагам и не причинят вам никакого ущерба. Прошу только об одном — не подходите к дракону, у Глау сквернейшее настроение.

— К... дракону? — наклонив голову, переспросил Олем Дортон. У барона загорелись глаза — похоже, он никогда не видел настоящих драконов.

— Да, ты не ослышался. Глау приболел и теперь лежит возле южной стены... Не ходите туда.

— Ладно, не будем, — кивнул Гвай. — Твой повелитель Атра.. Ар...

— Артано, — подсказал Даур. — Прошу вас накрепко запомнить это имя. Других владыка не переносит, особенно ненавидит мерзкие клички, которыми наградили его длинноухие. И еще запомните: Артано — второй после Самого Главного! Едемте!

* * *

Изнутри крепость выглядела еще внушительнее, чем снаружи. Неведомый альбиский строи-

тель сделал все для того, чтобы уместить в стенах одного замка целый город. Бастиионы были достаточно велики для того, чтобы каждый вместил целую армию, башни поднимались к небесам подобно заснеженным утесам, бесконечные хозяйственные пристройки создавали вполне настоящие кварталы, над кузнями поднимался дым, взлаивали волколаки в загонах... Признаться, Ночным Стражам здесь было неуютно — крепость подавляла своей громадностью, да и сразу привыкнуть к невероятному количеству самых экзотических существ заполнявших проходы между зданиями было ой как непросто!

Куда-то по своим загадочным делам спешили десятки гоблинов-уруков самого разнообразного облика, от здоровенных воинов до тощих и низеньких безобразных тварей, видимо выполнявших роль прислуги или занимавшихся ремеслом. Были замечены трое старых знакомцев, зеленовато-серых пещерных троллей — эти тянули за собой повозку на металлических колесах, груженую бревнами. Встретились несколько гигантских черных волков, порхнула сверху летучая мышь, более напоминавшая крылатую корову. Людей тоже хватало — все вооружены, добротню одеты и отнюдь не выглядят смущенными столь необычными соседями.

Пламенных Бичей Конан насчитал совсем немного — трое сторожили на стенах, один из встречавший Дарвингов валарауко остался возле ворот (Даур сообщил, что этот пламенный демон сегодня командует караулом), другой куда-то

ушел, оставляя на камне мостовой подплавленные следы, еще двое находились у парадного входа в главную башню. Очень впечатляло — порождающие огонь монстры с длинными плетями в лапах могли бы напугать самого хладнокровного врага. Дал о себе знать и дракон — где-то за периметром второго круга стен раздался яростный рык, да такой, что земля чуть покачнулась. Поднялся столб сероватого дыма.

— А это что такое? — Гвай натянул поводья и устоял на высокое пышное дерево, росшее как раз напротив резиденции здешнего хозяина. Более всего дерево напоминало очень старинный раскидистый дуб, но таковым не являлось — другая форма листьев, да и кора почему-то серебристая.

— Это украшение, — немедленно откомментировал Даур. — Господин полагает, что так красивее. В рамках ангамандской эстетики, так сказать...

На толстых ветвях древа-исполина были аккуратно развешены клетки, в коих находились... В общем, в клетках сидели девицы-альбы. Клеток было штук двенадцать, не меньше. Все альбийки были живы.

— Не нужно беспокоиться, их каждый день кормят, — участливо проговорил Даур, заведя вытянувшиеся лица охотников. — Повелитель рассуждает так: женщина-элементарии красива? Верно ведь? Очень красива! Глядя на нее любой должен получать наслаждение. Но зачем наслаждаться красотой одному, когда удовольствие

должны получать все? Вот господин и решил, что длинноухих надо повесить повыше на дерево, чтобы все смотрели на них и радовались. Впрочем, сюда мы вешаем только самых несговорчивых. В качестве дополнительного наказания. Они живучие...

— Весьма своеобразное понятие об эстетике, — деревянно сказал Гвайнард. Асгерд так вообще раскрыла рот так, что туда могла запросто влететь упитанная ворона. — Вы, наверное, придумали много способов получать удовольствие от... э... красоты?

— Благодаря несравненному разуму господина, — фыркнул Даур, который, как показалось, просто хотел подначить гостей. — Артано вам все объяснит. Дело и проще, и сложнее одновременно. Впрочем, я не должен открывать вам наши маленькие тайны. Это сделает повелитель. Если, конечно, посчитает нужным.

— С ума сойти, — ошарашенно пробормотал барон Олем. — Разве можно так обращаться с благородными дамами? Посмотрите на одежду — они, несомненно, дворянки...

— Кто? — не понял Даур. — Впрочем, господин говорил мне, что вы ничего не понимаете в нашей жизни. Мы прибыли, почтенные. Отдайте лошадей рабам, их отведут в стойло, расседлают и накормят.

Новая неожиданность: рабами, присматривающими за конюшней оказались двою людей и один альб. Натуральнейший высокорослый и золотослый альб, правда облаченный не в шелка и

парчу, а в мерзкое изодранное рубище! За нерасторопность Бессмертный получил от Даура удар плетью, но стерпел и взяв под узду двоих лошадей повел в сторону шикарнейших каменных яслей, выстроенных справа от донжона.

— Что здесь происходит, Нергал их всех заберите со всеми потрохами? — втихомолку ругался киммериец, поднимаясь по широкой мраморной лестнице к воротам главной башни. Пламенных бичей, стоявших у входа, пришлось обойти за несколько шагов — от них исходил нестерпимый жар. — Альбы — рабы? Одних людей едва только на руках не носят, другими помыкают, как скотиной, волколаки по улицам разгуливают, дракон под стеной разлегся! Не-ет, други, я не желаю жить в этом мире! Как тихо и спокойно было в родимой Хайбории!

Никто не ответил. Взгляды Гвая и остальных с каждой минутой становились все более и более угрюмыми.

Донжон одновременно являлся и дворцом, и серьезным укреплением. Гвай и Конан, как люди опытные в военном ремесле, сразу поняли — крепость на Волчьем острове практически нештурмуема. Во всяком случае, взять это укрепление не смогла бы ни единая армия хайборийских держав или даже объединенное войско союза таких могучих государств, как Аквилония, Немедия, Зингара, Коф и Туран. Аналогичные выводы относились и к главной башне — стены были такой толщины, что пробить их не смогла бы ни единая осадная машина, множество узких бой-

ниц, карнизы, на которых можно установить баллисты с катапультами или котлы со смолой и кипятком, тяжелые ворота-двери, за ними — выдвижные каменные блоки, способные наглухо перекрыть проход наверх... Солидно построено, ничего не скажешь.

Башня-дворец создавала впечатление необжитости и покинутости. В обширных помещениях, отделанных по альбовой традиции мрамором, серебром и цветным камнем можно было встретить лишь редкие караулы уруков на углах коридоров и лестничных пролетах. Уруки, правда, были знатные — здоровущие, высокие, комплекцией практически не уступающие Конану. Полный доспех — шлем, панцирь надетый поверх черненой кольчуги, наручи с поножами, тяжелые сапоги на железной подошве, широкие ятаганы в ножнах. Гвардия, не иначе. Поглядывают на гостей красными выпуклыми глазками спокойно, но цепко.

Даур, скорее всего, входил в круг приближенных неведомого Артано, поскольку его и прибывших с ним незнакомцев пропускали без всяких задержек, не спрашивая паролей или пергаментов, дающих право на проход. Или стража была заранее предупреждена о визите гостей из других времен?

Ночные Стражи, ведомые Дауром, долго поднимались по казавшейся бесконечной лестнице, миновали череду роскошных, но заброшенных и запыленных зал (в некоторых почему-то отчетливо пахло навозом. Или уруки не утруждают

себя походами в нужник?), потом снова шли наверх, но уже по винтовой лестнице...

— Здесь, — выдохнул Даур. Конан и остальные остановились у инкрустированных янтarem дверей, вытирая пот со лба и пытаясь перевести дух. Даже очень выносливый киммериец запыхался. — Это верхняя площадка башни — повелитель любит, чтобы было высоко. Идите, он ждет.

Даур толкнул выложенную солнечным камнем створку двери и в лица охотников ударил яркий солнечный свет.

Это действительно была именно «верхняя площадка», а не «верхний этаж» титанической башни. Отверхую крышу со шпилем поддерживало множество колонн с резьбой в виде цветов и древесных листьев, однако между расположенными по периметру обширного круглого помещения колоннами не было никакого ограждения, меж ними не была натянута слюда или вставлено стекло. Можно было запросто подойти к краю и шагнуть вперед — в бездну. Ветра, однако не чувствовалось, хотя вершина доджона находилась на почти невероятной высоте. Магия? Очень может быть...

Обстановка скромная. Ложе, необъятный круглый стол, стойка-колонна, на которой лежит некий круглый предмет размером с голову ребенка и укрытый черной тканью. Полдюжину каменных кресел с обтянутыми темной тканью подушками — как видно, для посетителей. Несколько подставок для трубусов, в которых хра-

нятся пергаменты. И ничего более. Только солнце льет свои лучи. Вид на окрестности — изумительны, у Конана аж дух захватило. Одно дело смотреть вниз с вершины скалы, и совсем другое — с высоты рукотворного сооружения, пускай возведенного и не-человеком.

— Прошу пожаловать в мое скромное обиталище, — послышался приятный низкий голос. — Я ждал вас. Даур, можешь быть свободен...

Дверь за спинами охотников неслышно затворилась.

Он появился, излучая мудрость свыше всякого правдоподобия. Каждая черта его лица была озарена чистым интеллектом. С виду — человек, никакой тебе альбийской остроухости. Волосы длинные, цвета воронова крыла с синеватым отливом, схвачены на затылке в хвост обычной деревянной застешкой. Глаза ярко-синие, что твои сапфиры. Очень красив, сравнительно молод — лет двадцати пяти, не более. Конану такая красота не нравилась, он обычно именвал людей с такой внешностью «смазливými и сладенькими». На Астерда, однако, хозяин башни произвел впечатление — она понимающе хмыкнула, каковое проявление чувств было несвойственно ее сдержанной нордхеймской натуре.

Одевался здешний повелитель скромненько — кожаные штаны и сапоги, некое подобие черного колета, который носят аквилонские гвардейцы из «Черных Драконов», никаких украшений. Только на груди, по бархату, были выложены мелкими и очень хорошо гранеными алмазами

три пятилучевых звезды, выстроившиеся в форме треугольника вершиной вверх. Обязательный клинок на поясе.

— Мое имя — Артано, — представился хозяин.
— Что в переводе на общий язык означает «Искусный». Проходите. Может быть, отведаете нашего вина?..

Глава пятая,

*в которой Ночные стражи знакомятся
с нравами обитателей Волчьего острова,
а потом уезжают домой...*

Да, бессмертные являются главнейшей ошибкой эпохи сотворения. Мир тварный, мир материальный, все, что вам и мне дорого, для них — пустота, ничто. Основные постулаты философии элентари гласят, что «теа», их душа, доминирует над «роа», плотью. И одновременно с этим их роа — бессмертно, не подвержено старению и тлению. Если бы элентари использовали свои — бесспорно, выдающиеся! — возможности для улучшения мира, для его обустройства, то Золотой век продолжался бы до окончания времен!

— А почему же альбы не хотят, как ты выразился, «улучшить» мир?

— Благодаря своему непостижимому для человека и других разумных рас складу мышления,

длинноухие полагают, что улучшение мира через создание, допустим, кузнечного горна, мельницы, или других сотворенных руками, а не силой духа, предметов, является попыткой «превысить себя», изменить свою судьбу через увеличение своей доли власти над материальным миром. В прежние времена — я отлично помню! — эти недоумки вообще не желали творить! Они только смотрели на звездочки, любовались цветочками и пели песенки! Творить их научил мой великий Господин, истинный творец! Длинноухие вняли его советам, но делали они совершенно никому не нужные и бесполезные вещи, которые всего лишь полагали «красивыми». Что толку в пустой красоте?

Конан откровенно засыпал, Асгерд с Олемом тоже клевали носом. Только Гвай и Эйнар с горящими глазами продолжали длинную, продолжавшуюся до самого вечера, философскую беседу с красавчиком Артано.

Поскольку киммерийца и прежде мало интересовала всякая заумь, он молча накачивался великолепным вином, несколько раз подходил к краю смотровой площадки башни, чтобы во всех подробностях рассмотреть окружавшую Волчий остров живописную местность и совершенно не собирався вступать в беседу, смысла которой от Конана ускользал. Если уж Гваю с Эйнаром так интересно чесать языками — пожалуйста, им никто не мешает, но со стороны Артано просто невежливо заставлять остальных гостей выслушивать многомудрую чепуху о каких-то «роа» или «теа», о мире материальном или духовном, об

умении или неумении творить и так далее до бесконечности.

Наконец, Артано опомнился — слишком уж громко зевнул киммериец.

— Наши друзья устали, — сказал хозяин Волчьего острова и хлопнул в ладоши. — Эй, там! Уфтак!

На пороге мигом нарисовался наиболее безобразный урук — единственно, он отличался от прочих виденных охотниками гоблинов отсутствием доспехов и оружия. Только темная кожаная одежда с металлическими бляхами.

— Что желает господин? — прохрипел он.

— Отведи гостей в нижние покои. Устроить в лучших комнатах. Отвечаешь за них головой! Любые пожелания и просьбы выполнять незамедлительно. Все ясно?

— Да, господин...

Конан вопрошающе посмотрел на Гвая. Бравый командир охотников явно собирався остаться с Артано и продолжить разговор. Идти куда-то вместе с уруком по имени Уфтак киммерийцу совершенно не хотелось — еще сожрет дорогого гостя где-нибудь в темном углу!

Асгерд оказалась решительнее. Она встала первой, подтолкнула Олема и варвара и сказав: «Вы можете сидеть хоть до рассвета, а я пошла спать», направилась к винтовой лестнице, ведущей вниз.

— Как насчет ужина? — поинтересовался Конан, когда лестница закончилась, и вся компания оказалась в круговой галерее на втором сверху

этаже замка. — Только принеси человеческую еду!

— Это, в смысле, человечину? — поддел киммерийца Олем. — Судя по физиономии Уфтак, ничего другого он нам предложить не сможет.

— Могу и человечины, если желаете, — огрызнулся урук. — Комнаты — вон там, раньше в них прежние хозяева жили. Пыльно, правда, но ничего, потерпите. Если чего понадобится — стукните в гонг в коридоре. Еду принесу скоро. Ночью без меня никуда не ходите, мало ли...

После этих слов Уфтак быстро зашагал прочь.

— Вот вам и вежливость по-гоблински, — хмыкнула Асгерд. — Пошли, что ли, осмотрим комнаты? Надеюсь, нас не поселят в одну казарму с уруками — от этих гнусных рож меня блевать тянет!

За первой же резной высокой дверью обнаружился вполне приличный, однако давно заброшенный покой. Видимо, альбы (как выяснилось, крепость действительно некогда построили альбы) весьма увлекались резьбой по дереву — столы, кресла, ложа, все было деревянным. Покрывала на постелях превратились в сущие лохмотья, а потому хозяйственная Асгерд попросту вышвырнула их в раскрытое окно вместе с ветхими подушками. Уфтак не врал — пыль поднялась столбом, однако нордхеймская воительница сделала из обрывка древней шторы некое подобие метелки и повела решительную битву за чистоту. Вскоре небольшая зала, ранее наверняка предназначавшаяся для отдыха хозяев замка,

приобрела более или менее пристойный вид. В золотых лампах обнаружили остатки масла — когда загорелся огонь, в комнатах стало почти уютно.

Было принято решение ночевать всем вместе — дворец уж больно странный. Хоть Артано и отдал строжайший приказ Уфтаку, от непредсказуемых уруков можно было ожидать каких угодно сюрпризов.

— О, легок на помине! — воскликнул киммериец, узрев вломившегося без стука Уфтак, но тут же осекся. За спиной урука стояла облаченная в бесформенный обноски альбийка с подносом в руках. Красивая, но какая-то слишком грустная. Волосы, в отличие от прислуживавшего на конюшнях альба, не золотые, а темные.

— Вот вам прислуга, — Уфтак вытолкнул альбийку вперед. — Делайте с ней чего хотите. Будет неуслужлива, хоть за столом, хоть в постели, скажите мне. У нас с нерадивыми рабами разговор короткий.

— Эй, погоди! — заорал Конан, когда Уфтак совсем было собрался уйти. — Нам не нужна рабыня! Забери ее отсюда! Тоже мне, выдумал! Мы привыкли сами все делать...

— Дело хозяйское, — прогавкал урук. — Ну ты, тварь, поставь еду и топай за мной!

Рабыня молча утвердила поднос на столике и глядя себе под ноги поплелась вслед за Уфтаком.

— Иштар Великая, — Асгерд закашлялась. — Он что, серьезно предлагал вам ее... Того?

— Куда уж серьезнее, — киммериец едва не

сплюнул прямо на пол. — Как сказал бы наш друг Индар, «уруки — люди простые», чувство юмора у них отсутствует как данность. Давайте лучше глянem, чем Уфтак собрался нас попотчевать?

Нехорошие подозрения не оправдались. Скромненько, конечно, но ничего не поделаешь — хлеб с отрубями, копченая рыба и солидный кувшин дрянного кислого вина для голодных охотников были вполне приемлемы, настоящий пир.

— Вы как хотите, а я буду спать, — заявил Конан. — Хорошо, хоть догадались дорожные мешки с собой взять. Поскольку в этих шикарных апартаментах и паршивенького одеяла не найти. Зато попоны и плащи с собой. Сторожить кого-нибудь оставим?

— Нет уж, благодарю, — отмахнулась Асгерд. — Если бы нас хотели убить, то убили бы сразу, не церемонясь. Как ты правильно сказал, здешние обитатели просты, как угол стола. За исключением, быть может, Артано...

Киммериец заснул мгновенно, как кошка. Доносившийся снаружи волчий вой и редкие взрывания недовольного чем-то дракона Конана не беспокоили. Спал как убитый.

Гвай с Эйнарм явились под утро, сопровождаемые неизменным Уфтакм. Оба выглядели пьяными и очень довольными — не зря провели время.

Повелитель Артано остался на своей смотровой площадке — ему еще требовалось побеседо-

вать с тем, кого здесь называли «Самым Главным».

На стойке, расположенный рядом с креслом Артано наливался темно-красным светом большой шар темного стекла. Рота-Всадник требовал от своего командующего подробного отчета о событиях минувшего дня.

* * *

Конан, по старой привычке, проснулся первым. Солнце еще не показалось из-за горного кряжа, однако небо было расцвечено всеми красками восхода. Было почти светло.

Месьор Гвайнард вкупе с броллайхэн дрыхли на полу, завернувшись в плащи и исторгая при дыхании могучий винный дух. Асгерд тихонько посапывала на деревянном ложе, рядом, свернувшись калачиком почивал барон Олем. Киммериец понял, что будить командира сейчас не стоит — это ж настоящее варварство, после эдакой вечеринки поднимать человека ни свет ни заря!

Конан натянул сапоги, набросил кожаный колет и решил прогуляться — хотелось во всех подробностях осмотреть верхний этаж башни-донжона. Очень уж необычно построено, люди так не умеют.

На предупреждения Уфтака киммериец плевать хотел — в случае чего, он сумеет за себя постоять, да и гоблины наверняка не осмелятся обидеть хозяйского гостя. Конан признавал, что с Артано шутки плохи: из вчерашней беседы, вар-

вар понял, что здешний Господин вовсе не человек, а некто вроде воплощенного духа, каких в Хайбории привычно именуют «богами».

Внешняя галерея описывала полный круг внутри башни, со стороны Полуночи она выводила на обширный балкон, со стороны Полудня начиналась еще одна лестница, ведущая вниз. В каменном пролете, прямо посередине, почему-то красовалась немаленькая дыра, по пристальному рассмотрению оказавшаяся проплавленной. Конан пожал плечами, гадая, что могло послужить причиной расплавления камня, однако ничего определенного предположить не смог.

Решив продолжить осмотр, киммериец вернулся в коридор и тотчас столкнулся нос к носу с незнакомым уруком — не слишком высоким, как и положено уродливым, и, словно Уфтак, невооруженным.

— Ого, с утречком! — неожиданно приветливо сказал урук, завидев Конана. — А я к вам иду, Господин приказал.

— Что — приказал? — насторожился варвар.

— Приказал гостей развлекать, показать, все, что захотят. Меня Тальхуром кличут, я у Господина по ученой части помощник.

— По ученой? — Конан с сомнением осмотрел урука. Эта образина совершенно не ассоциировалась у киммерийца со словом «ученость». В глазах, однако, есть искорка разума, в отличие от звероподобного Уфтека, скорее всего служившего у прекраснотлицего Артано кем-то наподобие дворцового или камердинера. — Ладно, пусть будет

по ученой... Только моих друзей сейчас лучше не будить, устали.

— Хорошо, не будем, — покладисто ответил Тальхур. — Тебя-то как звать?

— Конаном. Из Киммерии.

— А это где — Киммерия? За горами?

— В какой-то мере, — усмехнулся Конан, совершенно не покривив душой. В конце концов, Киммерия и впрямь находилась «за горами». — Хорошо, согласен. Что ты можешь мне показать?

— Чего хочешь. Погоди, только сбегая к Уфтаку, скажу ему, чтоб предупредил твоих, когда проснутся, что мы гулять ушли. Иначе беспокоиться будут.

«Надо же, какой заботливый, — подумал варвар, — может, зря я про уруков плохо думал? Они тоже разные бывают, как и люди...»

Ждать пришлось недолго. Застучали по исцарапанному мрамору подкованные сапоги и Тальхур вынырнул из глубин коридора.

— Куда желаем пойти? — осведомился ученый урук. — Лаборатории, пыточные, скотоприемник? Волчьи загоны глянуть? Можно на Глау-дракона издали полюбоваться, но только издали!

— Ското... что? — не понял Конан.

— Скотоприемник, — отдельно повторил Тальхур. — Изловленных длинноухих первым делом туда приводят. Очень интересно.

— Решай сам, — сдался киммериец.

Пока спускались по вниз, урук объяснил варвару, что в появлении огромных дыр в лестнице

виновны Пламенные Бичи — они когда злятся, то раскаляются настолько, что проплаваются на нижние этажи. Посему Артано запретил валарауко заходить в башню, чтоб жилище не портить. Заодно Тальхур сообщил, что дракон сейчас отлеживается после долгой вылазки — Глау захворал, видимо, простыл во время войны с альбами в горах. Чихает, исходит соплями, угробил уже уйму народу — сморкается чистейшей горючей смолой, червяк проклятый. Артано пытается его вылечить какими-то своими снадобьями, но пока ничего не получается. Вчерашний порошок, который тачками доставлял дракону третий десяток-платунг, оказался рвотным. А ребята были неплохие...

— Весело вы тут живете, — заметил Конан.

— Куда ж веселее, — уныло ответил Тальхур.

— Мне хорошо, я при господине служу, а остальным как? Характер у дракона испортился окончательно, с кормежки из дюжины ребят возвращается один-двое. Ладно, скоро его должны выпустить — будет полегче. Повелитель опасается сам к дракону ходить, обычно Рицвака посылал. Последний раз Глау Рицвака почти не тронул — во всяком случае, не доел...

Тут Конан сделал вывод, что прежний постулат об отсутствии у гоблинов чувства юмора придется пересмотреть. Тальхур, оказывается, умел пошутить. Пускай и по своему.

— Послушай, я ведь не здешний, — сказал киммериец. — Объясни вот что: я раньше думал, что все уруки одинаковые, но в крепости увидел,

что у вашего племени... э... несколько разных пород.

— Точно так, несколько, — согласился Тальхур. — Урук-атан, как я например, рождаются человеческими или альбийскими женщинами от урук-хотх, воинов. Поэтому мы умнее. Есть еще урук-сагас, рабочие и мастерские. Господин говорит, что всякая живая разумная тварь от другой такой же твари, пусть даже и другой расы, может иметь детей. Вот Артано и проводит опыты... Пока ничего путного не вышло. Вон недавно дело было: Повелитель решил сделать воинов-урук-ов еще свирепее, но перекормил своими порошками. В общем, они поголовно облысели и стали заикаться. К тому же все почему-то хромые, и только на правую ногу. Строим им ходить запретили...

Наконец, Конан и Тальхур вышли из башни на обширный двор, где росло большое дерево, украшенное клетками с альбиями. Урук, скорее по привычке, чем из необходимости, обошел стоявших на страже Пламенных Бичей стороной и киммериец последовал его примеру — слишком большие и слишком огнедышащие. Кроме того, начал накрапывать легкий дождик, и вокруг пламенных монстров образовались облачка горячего пара — демоны шипели, будто сало на сковороде.

— Это еще ничего, — продолжал просвещать Конана разговорчивый урук, — Помню, три года назад, длинноухие осаждали крепость Великого Господина на севере. Зима, снег, ужас... Мы идем

скорым маршем навстречу альбам. Впереди кто-нибудь из Пламенных Бичей протапливает лед и снег. За ним — отряд уруков. Потом еще один валарауко, потом еще отряд. И так далее. Такой строй — мое изобретение. Дело в том, что командовавший нами Артано сначала поставил всех валарауко впереди — они растопили разом несколько глыб льда, третий десяток захлебнулся, а пятый шел уже по чистому катку и поднявшийся ветер унес их куда-то вдаль... Искать мы не пошли.

— Давно воюете? — вяло спросил киммериец, которому начали надоедать байки Тальхура.

— Давно, — вздохнул ученый гоблинище. — Много столетий уже. И конца этой войне не видно. Длинноухие не оступятся, они хотят вернуть себе всю Радужную Цепь, Три и Семь.

— Точно, Артано вчера что-то говорил об этих камушках, но я так и не понял, каков принцип их действия. Магия?

— И магия тоже, — согласился Тальхур, сменя рядом с Конаном и указывая дорогу. — В Семь камней заключена сила стихий, из которых образовался мир. Огонь, воздух, земля, вода, мир зверей, мир растений, мир разумных рас. Эти камни поддерживают равновесие вселенной, и Великий Господин Рота спрятал их так, что никто не найдет. Три Великих камня, которые сейчас хранятся на севере, в Астахэнна, крепости Владыки, они связывают камни стихий в единое кольцо и даруют владельцу силу Познания, Сотворения и Жизни. Словом, запутанная история.

— Но ведь вроде бы камушки сделали альбы, а ваш Рота их у Бессмертных отнял? Иначе отчего они на вас взъелись?

— Вот не знаю... Слышал, будто Повелитель научил альбов, как сделать Цепь Равновесия, но они не пожелали отдавать камни — хотели, чтоб они принадлежали только альбам. Господин камни отнял, Семь спрятал в широком мире, а Три оставил себе.

— Ясно, — вздохнул Конан, хотя ничего «ясно» ему доселе не было. — Куда ведешь-то?

— Как ты и хотел, в скотоприемник. — отозвался Тальхур. — Сегодня ночью еще нескольких длинноухих на правом берегу поймали. Поглядим, как Окорок с ними работать будет.

— Окорок? Это кто такой?

— Начальник отряда старшей хтоники, — непонятно ответил урук. — Сейчас объясню. Длинноухие почему-то думают, что мы темные, плохие и злые. Хотя это неправильно, мы — такие же как все. А вот альбы якобы добрые и хорошие. Вот Господин Артано, светлая голова, и решил, что нужно длинноухих не убивать, а ловить и приводить в крепость. И пытаться у них учиться, как быть добрыми и светлыми. Искать любовь и доброту, понимаешь? Поручили Окороку. Он допрашивает всех новеньких — великий искусник!

— Воображаю... — проворчал Конан, мигом представивший себе уютную пыточную, заполненную неприглядными ржавыми железками имеющими вполне понятное предназначение. —

Знаешь, чего-то мне расхотелось туда идти. Покажи лучше дракона.

— Успеется, — отмахнулся урук. — Мы уже на месте. А ну, пропустите!

Последний возглас относился к трем широкоплечим урукам-стражникам. Вероятно, Тальхур имел в здешней странной иерархии немалый вес — охрана посторонилась.

Это было приземистое одноэтажное здание, в прежние времена являвшееся складом или конюшней. На узких окнах-бойницах тяжелые решетки, внутри стены зачем-то покрашены в гнетущий темно-коричневый цвет запекшейся крови. Чадающие факела, тяжелый запах дыма, сапог и кислого пота уруков. Мусор под ногами. Толстые двери с засовами. Откуда-то доносятся женские крики... Конан, который в прежние времена успел побывать едва ли не во всех темницах стран Заката понял, что ему вряд ли захотелось бы оказаться в этом неуютном местечке в качестве заключенного. Даже отвратительнейшие казематы Аграпура рядом с тюрьмой Волчьего острова показались бы шикарным постоялым двором.

— О! — Тальхур поднял к потолку зеленоватый палец с длинным кривым ногтем, больше походившим на коготь ящерицы. — Слышишь, вопят? Это рабыню порют. Пойдем глянем...

Конан обреченно зашагал вслед за уруком. Все происходящее не доставляло ему ровным счетом никакого удовольствия.

— Доброго денечка, Окорок, — Тальхур, войдя в большую, но из-за темной окраски стен казан-

шуюся тесной, комнату, слегка поклонился сидевшему за кривоногим столом человеку, очень похожему на Артано — такой же приторно-смазливый. Неужели, тоже воплощенный дух? — Каково кнутобойничаем?

— А, это ты бездельник? — человек, носивший странное имя «Окорок» бросил оценивающий взгляд на Конана. — Привел гостей, посмотреть на труды наши праведные? Как же, Господин меня предупреждал. Присаживайтесь... Интересный экземпляр попался.

«Экземпляр» был поименован темноволосый альб, с совершенно угнетенным видом сидевший на табурете у дальней стены.

У его ног лежала молодая девица, причем человеческой породы. Простое холщовое платье на спине было прорвано ударами бича и пропиталось кровью. Рядом с табуретом громоздился очень несимпатичный урук-палач, каковой и держал в правой лапице плетль с металлическим шариком на конце.

— Если интересно, то я скажу, что все длиннотухие, попадающие к нам, делятся на четыре категории, — лениво сказал Окорок, поворачиваясь к киммерийцу. — Соответственно, с каждым приходится работать по-разному. Мы их не убиваем, зачем? Многих после допроса отпускаем, поскольку нет в них никакого добра и света, и научить нас любви и красоте они не могут, хотя только о ней и говорят...

— Четыре? Почему четыре? — не понял киммериец. — По количеству племен, что ли?

— Ничего подобного, — помотал головой Окорок. — Племя у них одно — длинноухие, а вот ходят они сюда по разным причинам. Первые являются затем, чтобы вызволить из крепости своих родичей или близких друзей, облегчить их страдания. С таких мы требуем плату. Например, клятву верности Великому Повелителю. Обычно мы ее не получаем. Тогда альбам предлагали поработать для пленных. Например, принести воды или дров, прибраться в казематах — накормишь пленных, а затем и до твоего персонального страдальца очередь дойдет. Увы, эта просьба не всегда находит отклик в альбийских сердцах. То ли работать лень, то ли сострадания на всех не хватает...

— А остальные?

— Другие приходят говорить с Артано или даже самим Могучим Всадником о любви и красоте. Такие обычно требуют вести их к Господину. Мы объясняем им, что если Владыки будут тратить время на разговоры со всеми страждущими их переубедить, то у них не останется времени на остальные государственные дела. Тогда длинноухие соглашаются изложить нам свои ценные мысли. Суть этих мыслей была чаще всего в том, что Господин и его слуги искажены и им надо немедленно покончить жизнь самоубийством...

Окорок насмешливо взглянул на пленного Бессмертного, видимо это были его слова. Потом хозяин пыточной продолжил:

— Что до любви, то эта история почти всегда сводится к словам о том, что любовь и красота —

не для нас и нам все равно этого не понять. Убедившись в том, что ничего ценного нам сказать не может, пленник начинает задумываться о своей дальнейшей судьбе. Отпускать его просто так мы не собираемся, но и клятву получить с него не удастся. Часто кто-нибудь из уруков отправлялся с пленником в его поселение, чтобы поучиться любви и красоте на практике. Финал всегда один: урука убивают. Такова уж альбийская любовь.

— Да что ты в этом смыслишь? — не выдержал альб. — Ты, отродье...

— Вот видите? — разочарованно развел руками Окорок. — Впрочем, давайте об оставшихся двух разновидностях посетителей моего гостеприимного дома. Третьи являются сюда, чтобы вызвать Артано на поединок. Господин из-за занятости, разумеется, не может принять всех вызовов, поэтому таких альбов обычно прибывают к воротам, на будущее, если у Владыки вдруг выдаться свободное время. Ну и последние: этих ловит наша лесная стража, уруки и волки. Встречаются весьма любопытные личности... Впрочем, нет я неверно выразился. Нас не интересуют их личности, имена и прозвища. Мы воспринимаем их только в качестве единиц хранения и хотим узнать, откуда в них, — Окорок нехорошо усмехнулся, — откуда в них столько добра и света, коими мы обделены... Вот сейчас и проверим, насколько же добр и благороден попавшийся прошлой ночью экземпляр. Гашхан, продолжай!

Урук с плетью в лапе послушно рыкнул, но

тут произошло неожиданное: заплаканная рабыня вырвала кнут и бросилась с ноги к альбу:

— Господин, пожалуйста! Умоляю, сделай то, что они просят! Ведь это так несложно! Господин, прекрасный господин...

И начала совать плетъ в ладони Бессмертного. Тот молчал и отпихивался. На рабыню не смотрел.

— Господин, прошу тебя!..

— Он не хочет дать ей всего три удара, — пояснил Окорок. — Хотя знает, что если откажется, мы запорем рабыню насмерть. Любовь и доброта не позволяют нашему длинноухому другу спасти ей жизнь. Гашхан!

— С меня хватит, — киммериец встал и потянул за собой Тальхура. — Я не получаю никакого удовольствия от таких развлечений. Пойдем дракона смотреть.

— От суровой правды жизни не отвертись, — философический заметил умный урук. — Знаешь, что потом с этим альбийским отродьем сделают?

— Казнят?

— Да ничего подобного! Ему докажут, что он ничуть не лучше нас, надают пинков, выставят за ворота и дружно плюнут вслед. Зачем убивать таких ничтожеств? Красивые слова о добре они говорить умеют, а вот творить добро — никак.

— А вы, значит, творите добро? — Конан озадаченно посмотрел на Тальхура сверху вниз.

— Нет. Мы просто такие, какие есть. Не хотим казаться лучше, или хуже. Конечно, и среди

длинноухих встречаются настоящие герои, враги, которых мы безжалостно уничтожаем, потому, что они достойны принять смерть от наших рук. Но большинство — шушера, слизняки.

— Так почему же ваш Рота, обладая такой огромной силой и могучей армией, — варвар указал на проходившего мимо Пламенного Бича, — доселе не одержал полной и окончательной победы?

— Длинноухих много, да и войско у них ничуть не слабее нашего, — с нотками расстройства в голосе сказал Тальхур. — Они обитают в тайных лесных городах, укрытых магической завесой, обнаружить которые почти невозможно... Полезли на стену, оттуда лучше всего видно.

Взобрались по крутым ступенькам наверх, к башенке, возвышавшейся над внутренними укреплениями. Обзор, конечно, был похуже, чем с вершины резиденции наместника Волчьего острова, но зато близко к дракону носящему странное имя Глау.

— Гм.. Это и есть ваш дракон? — вытаращился Конан, осторожно посмотрев вниз по другую сторону стены. — Драконы ведь совсем не такие, я их раньше видел...

На камнях, возле берега реки, развалилась громадная черная туша, более всего напоминавшая червяка-переростка. Крыльев, обязательно положенных всякому уважающему себя дракону, не наблюдалось. Глау мог похвастаться лишь четырьмя толстыми лапищами, поддерживавшими грузное туловище. Ящерица ящерицей, короче

говоря. Только длиной в полторы сотни шагов. Над ноздрями спавшего чудища поднимался едва приметный сизый дымок.

— Наше вечное проклятие, — тихо заметил урук, словно боялся, что ящер его услышит. — Прислали из Твердыни Повелителя прошлым летом, усилить гарнизон крепости. Тоже мне, усилитель... Мы тогда воевали с альбами в лесах к югу от острова. Жрать нечего, спим на ветках, костров разводить нельзя. Экономии ради Глау не кормили — перевели на подножный корм. Ну и жрал, гад, все, что попадется под ноги. В первый же день ему попался десяток Вархука, только один десятник и спасся. Теперь мы Вархука заикой зовем.

— Теперь я понимаю, отчего война у вас никак закончиться не может, — фыркнул киммериец. — Если драконы жрут своих же! Что-то начинаю сомневаться в полководческих талантах Артано. Там, откуда я пришел, такое именуется просто: бардак!

— Не то слово! — воодушевился Тальхур, который, по всей видимости, был не прочь безнаказанно перемять косточки грозному начальству. — Драконы, особенно такие, как Глау, не самое лучшее творение Повелителя Роты. Тупые, ленивые, приказам подчиняться не желают, а Глау так и вообще невзлюбил сотника Пламенных Бичей, Хотхмога, и теперь они друг друга видеть не могут... О, нет! Пригнись!

Дракон шевельнулся, перевернулся на другой бок и выдохнул из пасти струю жидкого огня.

Конан почувствовал, как содрогнулись камни башенки.

— Стену прожег! — ахнул урук, когда дым рассеялся. — Теперь восстанавливать придется, а это значит, что еще полсотни ребят недосчитаемся! Давай убираться отсюда, а то, боюсь, это чучело проснется и нас заметит. Спросонья Глау всегда голодный.

Второй раз Конана просить не пришлось — киммериец вместе с Тальхуром буквально скатился по лестнице вниз. В пятидесяти шагах правее в крепостной стене красовалась законченная дымящаяся дыра. Да, с драконами лучше не шутить.

— Недавно страшное дело было, — не устал просвещать варвара урук на обратном пути к главной башне. — Двенадцатую сотню послали в разведку к устью реки, ходили слухи, будто там отряды длинноухих появились. Глау отправили за ними — присмотреть. Ну, он и присмотрел... Две седмицы в крепости от дракона отдыхали, потом он обнаружился скандалящим у ворот Волчьего острова. О своих странствиях он рассказывал очень неохотно, а ведь Артано обязан докладывать Повелителю обо всем, происходящем в наших землях. Дракон нес такую ахинею, что мы поняли — сообщать это Великому Господину будет чревато.

— И что же ваш червяк натворил? — заинтересовался Конан.

— Глау спустился к югу и ночью напоролся на противника, с которым вступил в бой и, кажется,

победил. Тут-то никаких сомнений быть не могло, ибо в бой он вступил с двенадцатой сотней, за которой должен был приглядывать. Сослепу, ночью не разобрался. Одно непонятно — куда делся отправленный вместе с отрядом валарауко по имени Асо? Неужто наш змей научился их переваривать? Повелитель был очень недоволен.

— Еще бы, — понимающе кивнул киммериец, посмеиваясь про себя. — Давай-ка пойдем домой. Наши, наверное, давно проснулись. Одно скверно, карабкаться на башню долго, слишком уж высокая.

— Можно полететь, — оживился урук. — Пойдем в пещеру к летучим мышам, тамошний комендант мой друг, нас мигом доставят наверх.

— Нет, — решительно сказал Конан. — Никто и никогда не увидит меня верхом на летучей мыши! Пешком!

— Как знаешь, — огорчился Тальхур. — Я летал несколько раз, и ничего...

* * *

— Интересная складывается ситуация, — задумчиво говорил Гвайнард, во время обеда. Кушали в той же комнате, где и ночевали. Рабы под командованием Уфтока принесли вполне сносную крольчатину, овощи и вино. — Мы с Эйнаром не зря почти до рассвета болтали с Артаном. Очень интересный... э... человек, между прочим. Никогда бы не подумал, что однажды мне удастся побеседовать с древним полубогом, который

явно не уступает в силе очень многим божествам Хайбории. Но я все равно отказываюсь понимать, что же происходит в этом мире...

— А тебя никто и не просит понимать, — заметил киммериец. — Мы зачем сюда приехали? Затем, чтоб выяснить причины появившейся у нас в Бритунии посторонней чужеродной магии и образования временного портала над Лазурным крижем. И, как кажется, теперь можем с чистой совестью возвращаться домой.

— Это почему же? — поинтересовалась Асгерд. — Мне как раз доселе ничего не ясно.

— Сейчас объясняю, — Гвай откинулся на спинку скрипучего деревянного кресла. — Артан нам все рассказал. Существование Древнего мира во многом зависит от Цепи Равновесия, от действия магии Трех и Семи. Именно воздействие Камней и вызывает появление порталов в будущее, а истекающее из них волшебство, не принадлежащее Хайбории, проникает к нам и является главной причиной магических безобразий.

— А появление нечистой силы, как объяснить? — спросил Конан. — Вроде бы Камни не имеют отношения к первородному злу?

— Они объединяют в себе все силы и стихии мира, Свет и Тьму, — ответил Гвайнард. — Именно поэтому Три и Семь именуются Цепью Равновесия.

— Подробности! — нетерпеливо потребовал Конан. — Я знаю только одно: весь кавардак происходит именно из-за этих проклятых кристаллов.

— Сначала повторю слова Артано. Три и Семь, Венец и Великая Радуга, были созданы довольно давно даже по здешним меркам. К ним приложили руку все существующие сейчас народы, кроме людей — мы пришли в мир значительно позже. Таким образом, магия Цепи не имеет никакого отношения к человеческому волшебству и совершенно чужда людям. Главная цель Трех и Семи — приостановить старение мира.

— Не только, — перебил Гвая Эйнар. — После таинства Сотворения в мире возникло Противоречие, тот самый диссонанс о котором я уже говорил. Стихии мира пошли на прямое столкновение друг с другом, и Рота, как воплощенная Стихия, сыграл в возникновении Противоречия далеко не последнюю роль, возжелав материальной власти над миром. Противоречие ведет к разрушению. А Цепь Равновесия, Великая Радуга, поглощает силу разрушения устраняя Противоречие. Венец, состоящий из трех алмазов, замыкает Цепь. Альбы, владевшие частью Цепи, возжелали получить Целое. Отсюда и война.

— Вы меня запутали, — поморщился Конан. — Опять ударились в заумь. Цепь, противоречие, равновесие, радуга какая-то. Бред! Давайте назовем вещи своими именами: в наличии имеются десять артефактов, обладающих огромной мощностью. Кто тут прав, а кто виноват, я судить не буду. Так или иначе легенда о Войне Камней подтверждается — однажды Стихии мира сойдутся в битве с Ротой, будет изменен облик мира и затоплена часть материка, а самого Роту то ли убьют,

то ли выпшвырнут во Внешнюю Тьму. Вывод: поехали домой. Лично я не желаю оказаться свидетелем этого катаклизма. Очень надеюсь, что Битва за Камни начнется не сегодня и мы успеем вернуться в Хайборию.

— Я тоже на это надеюсь, — кивнул Гвай. — Земли на которых мы сейчас находимся, в наши времена лежат на океанском дне. Кстати, я хотел было рассказать Артано о том, что ждет его самого и Роту, но он категорически отказался слушать. Сказал, что ему не хочется знать о будущем. Так, мол, неинтересно. Артано знает, что мы пришли из будущего, он наблюдает за порталом. Сказал, будто гости из грядущих эпох уже появлялись здесь во времена предыдущих открытий портала: некоторые остались тут жить, другие — вернулись домой. Артано так хорошо относится к нам вовсе не из-за широты души. Он сказал, что хочет, чтобы мы рассказали в своей эпохе правду о прошлом.

— Правду? — усмехнулась Асгерд. — Почему бы и нет? Во всех наших легендах Рота и его прислужники рисуются эдакими кровавыми монстрами, которые тиранили и третировали беденьких-несчастненьких альбов, плодили всякую нечисть вроде уруков или троллей, а потом утопили половину континента. Хотя на самом деле все не так. Ну, не совсем так... Артано и его присные — вполне приличные люди.

— Ага, «приличные», — передразнил киммериец. — Заглянул я поутру в ихние казематы. Такое вытворяют, что у меня мороз по коже пошел!

— Интересно, а в наши времена с врагами обращаются по-другому? — Эйнар устремил невинный взгляд на Конана. — Не суди, и тебя никто не осудит! Альбы тоже далеко не во всем правы. В конце концов, войну начали именно Бессмертные, возжелавшие получить Три и Семь. Да и подданных Роты они уничтожают с не меньшей безжалостностью.

— Кто тут говорит о безжалостности? — слышался от дверей приятный молодой голос. Конан повернулся и увидел незаметно вошедшего в комнату Артано. За спиной Повелителя стоял унылый урук Тальхур. — Обсуждаете увиденное в крепости? Мне доложили, что Конан сегодня побывал в тюрьме... Впрочем, я хочу предложить вам одно развлечение. На днях к нам пришла одна из альбийских королев — она почему-то надеется, что мы добровольно отдадим ее родича, сидящего в каземате и тщетно пытающегося научить тюремщиков любви и красоте... Что ж, может быть мы его и отпустим. Идемте. Предлагаю вам взглянуть на прекрасную правительницу Бессмертных! Тогда вы и сделаете вывод, кто тут безжалостен, а кто — жалостлив...

Гвай пожал плечами. Конан, приблизительно представлявший «развлечение» какого рода предстает, хмыкнул. Эйнар заинтересованно вздернул брови, Олем остался бесстрастен.

Артано вдруг добавил:

— Повелитель желает, чтобы вы присутствовали при разговоре.

— Чей повелитель? — немедленно набылчился

Конан, посчитав, что Артано имел в виду себя и начал командовать «дорогими гостями».

— Мой Повелитель, — тихо ответил Артано, сделав ударение на первое слово. — Он приехал на Волчий остров.

Ночные Стражи дружно разинули рты. Оказывается, знаменитый Всадник Полуночи явился в крепость?

— Вы как хотите, а я не упущу случая поглазеть на самого Роту! — заявил Конан. — И ради такого дела готов снова ломать ноги на бесконечных лестницах этой проклятой башни! Артано, куда идти?

— За мной, на главный двор замка, — чуть улыбнулся тот. — Господин прибует туда...

* * *

На площади перед донжоном было так оживленно, что киммериец немедленно сравнил огромную толпу уруков с шадизарским базаром — гомон, ругань, невнятные вопли... Люди тоже присутствовали — десятка четыре, под предводительством Даура. Возле крепостных стен замерли могучие тролли, с боевыми молотами в лапах. Конан поразился, увидев нескольких вооруженных альбов — они-то что здесь делают?

— Некоторые Бессмертные перешли на нашу сторону, — пояснил Артано, проследив удивленный взгляд варвара. — Далеко не все альбы являются вырожденками, наподобие этой... Только посмотри на нее!

Альбийка, окруженная не менее чем сотней уруков, стояла у ствола дерева. Конан аж запнулся и едва не упал — настолько она была прекрасна. Волосы — чистые струи золота, глаза как две синих звезды, в чертах лица угадывается что-то неуловимо-божественное. Это существо словно не принадлежало грубому тварному миру, а уж среди немых уродливых гоблинов альбийская королева смотрелась подобно жемчужине, упавшей в грязь...

— Ее зовут Нэрвен, — сказал Артано. — Из королевства Финарато. Смела, ничего не скажу — явилась к нам по доброй воле, лишь бы вызвать своего брата. Хотя она знает, что на Волчьем острове не слишком радуются незваным гостям! Эй вы, умолкните!

Последний возглас относился к урукам, вопившим так, словно им пальцы в дверях прищемили.

— Зачем ты здесь? — Артано подошел к гордой красавице, которая, как казалось, ничуть не обращала внимания на жуткие рожи гоблинов и тянущиеся со всех сторон когтистые лапы.

— Я пришла говорить с вашим хозяином, — ответила госпожа Нэрвен.

Уруки взвыли. Киммериец и остальные охотники наблюдали издали.

— Много чести тебе говорить с нашим господином. Довольно того, что поговоришь со мной, — спокойно ответил Артано. — Моего господина нет здесь сейчас. Повторяю: что тебе нужно?

— Я пришла за тем, что не принадлежит твоему хозяину, — надменно сказала альбийка.

— Какая самоуверенность! Уж не собирается ли твое войско штурмовать эту крепость? Ах, ты пришла одна?.. Хорошо! Мой хозяин отдаст то, за чем ты явилась к нам. В обмен на тебя!

Его слова были заглушены хохотом уруков, однако внезапно все стихло, лишь пробежал по толпе глухой опасливый ропот. Гоблины начали медленно отходить в сторону башни, уступая дорогу...

— Ух ты! — тихонько присвистнул Гвайнард. — Вот он, значит, какой! Солидно, ничего не скажу. Человеческим королям у нас в Хайбории такое и не снилось!

Рота, полностью оправдывая свое прозвище «Всадник», ехал на коне. Большом, вороном и почему-то огнедышащем — из ноздрей невиданного зверя при дыхании вылетали струйки пламени. Конь медленно шел к площади со стороны ворот крепости, справа и слева вышагивали по трое Пламенных Бичей, причем один из демонов был выше остальных локтей на пять — видимо, их предводитель.

— Сотник, Хотхмог, — шепнул киммерийцу Тальхур, оставшийся вместе с Ночными Стражами. — Преклоните колена, быстрее!

Охотники переглянулись, но делать было нечего — в чужом доме надо соблюдать правила приличия. К тому же, все находившиеся перед донжоном уруки уже пали ниц перед Властелином. Конан состроив кислую мину опустился на правое колено, прочие Ночные Стражи последовали его примеру.

Рота был очень хорош — высоченный, широкоплечий, темноволосый. Одет в черное с серебром. Варвар сразу понял, что это не человек — а бог. Воплощенный дух Стихии. Ни одно человеческое существо не способно излучать *такую* силу... Казалось, воздух зазвенел и наполнился запахом грозы. Конан физически чувствовал, что под телесной оболочкой Роты сокрыта величайшая мощь, недоступная никому из смертных или бессмертных — от Всадника исходили невидимые волны силы, упрямой, уверенной в себе, почти неборимой. Ему хотелось подчиняться, Его хотелось обожать. За Него можно было умереть...

Да и облик воплощения Рота избрал более чем впечатляющий. Таких крупных людей не бывает, даже отнюдь немаленький киммериец выглядел бы рядом со Всадником низеньким заморышем.

Лицо — будто из гранита высечено, углы, изломы, тени, ни одной мягкой линии. Голову венчает корона из простого металла, украшенная лишь тремя крупными алмазами, излучающими серебристое сияние. Видимо, эти три камня и являлись Венцом Цепи Равновесия.

Рота легко прыгнул с седла на каменный плиты, которыми был вымощен широкий двор перед главной башней. Конану показалось (или это было на самом деле?), что земля слегка качнулась.

На Артано и всех прочих Всадник не обратил никакого внимания, только шевельнул пальцами, давая разрешение подняться с колен. Уруки

гробово молчали — чувствовалось, что гоблины если не в ужасе, то, по меньшей мере, крайне обеспокоены явлением Повелителя.

— Хочу поговорить с тобой, дева Нэрвен. — Рота подошел к альбийской королеве и обратился к ней гулким, очень низким голосом. — Говорят, ты мудра... Скажи мне — что, по-твоему, есть Искажение?

— Искажение — это музыка, в которой есть фальшь.

— Любопытное определение, — кивнул Всадник, нависший над альбийкой подобно грозовой туче. — Самое интересное из тех, какие я слышал. Понятное. А то, бывает, твои сородичи несут такую заумь — о свете, о тьме...

— Искажение можно называть разными словами, — ответила Нэрвен, прижавшаяся спиной к древесному стволу. Ей, наверняка, было очень страшно, но она умело скрывала чувства. Голос, по крайней мере, не дрожал. — Это не имеет значения.

— А ты уверена в том, что знаешь, что такое искажение? — вкрадчиво спросил Рота. — Я его вижу.

— Где?

— Здесь, в этих стенах. Оно уродливо. И оно чудовищно тем, что фальшиво. Оно пытается существовать за счет чужого творения, жить им.

— Разве искажение само по себе не является творением?

— Оно является искажением творения, и ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! — разозленно

бросила королева. — Тогда ответь мне, Нэрвен — можем ли мы, искаженные творения, любить?

— Нет, — помедлив, сказала она. — Вы знаете лишь искажение, а любовь неподвластна ему.

Рота ждал этого ответа. И, как только услышал его, громогласно вскричал:

— Вы слышали? Прекрасная Нэрвен утверждает, что мы не можем любить! Она отказывает нам в этом праве!

Артано, стоявший чуть поодаль с весьма ироничным выражением на лице, немедленно отошел:

— Как же так? Это значит, Нэрвен, что в мире нет любви, потому что он был искажен изначально!..

— Это не мои слова, — быстрее, чем следовало бы ответила альбийка. Она испугалась — Ты говоришь это, а не я.

— Но мир искажен?..

Нэрвен замолчала.

— Ловко он ее подловил, — шепнул киммерийцу Эйнар. — Красотка противоречит сама себе, а Рота наоборот, очень логичен! Интересно, что будет дальше?

А дальше уже знакомый Конану Окорок со своими уруками притащил из каземата бледного и очень исхудавшего альба — брата Нэрвен. Судя по тому, как ухмылялся Атрано, весь этот жутковатый спектакль был спланирован заранее, дабы повеселить Господина.

— Тебе уже предлагали выбор, — сказал Рота пленнице. — Я согласен отпустить твоего родича.

Немедленно. Но ты останешься здесь. Рабыней. Будешь мыть котлы в своих прекрасных одеяниях. Выгребать грязь из темниц. Чесать спины моим урукам. Дело за тобой. Решай!

— Разве это выбор? — выдавила альбийка. — Это выбор между плохим и худшим!

— Выбирай!

Она снова замолчала. Рота хмыкнул и отошел. За дело взялся Артано.

— Почему ты не желаешь нам что-нибудь сказать, госпожа?

Нэрвен действительно не желала говорить, видимо поняла, что они уже определились с тем, кто именно станет жертвой. Она не могла оставаться здесь, но и оставить брата тоже не имела права. Это был тупик.

Артано подмигнул Окороку, тот дал знак урукам из пыточной и площадь огласилась воплями гоблинов:

— Она не желает говорить с нами!

— То есть молчит в знак согласия!

— Она согласна с нами!

— Надрежьте ему сухожилие — рявкнул Окорок, выталкивая альба вперед. — Он останется хромым навсегда! Эй, Нэрвен — тебе нужен хромой брат?

— Перестаньте! — вскричал альб. — Я согласен остаться! Я останусь, только отпустите ее!

— Режьте! Нэрвен?

Молчание.

— Она отворачивается! Нет, смотри!

Уруки режут сухожилие под коленом, бесну-

ются, вопят, дергают королеву во все стороны. Тут киммериец не выдержал:

— Эй, может их проще сразу убить? — громко крикнул Конан. — Зачем мучить-то?

От такой наглости, кажется, опешил даже Рота. В сторону охотников повернулись десятки оскаленных уручьих морд. Киммериец и Гвай положили ладони на рукояти клинков. Но Всадник только пронзил гостей из далеких эпох долгим испытующим взглядом и чуть покачал головой. Приказа расправиться с нахалом не последовало. Артано немедленно продолжил развлекаться, а уруки подхватили:

— У тебя храбрый защитник, Нэрвен. Тебе его не жалко?

— Тебе хоть кого-нибудь жалко?

— Как она горда!

— Как она жестока!

— Она молчит, она не хочет говорить с нами!

— Может быть, ты станцуешь для нас?

— Нет, она не будет танцевать! Посмотри только на ее лицо — сколько презрения!

— Она презирает нас!

— Что же нам сделать, чтобы она сказала хоть слово?

— Рабыню сюда!

К ногам альбийки швырнули рабыню.

— Мы будем бить ее, пока ты не велишь нам остановиться!

Свистит плетль. Рабыня кричит.

Тут с королевой что-то происходит, она срыгается: падает на колени, обнимает рабыню,

твердит «Прости». Киммериец слышит, как Асгерд цедит сквозь зубы:

— Вы как хотите, а я пошла седлать лошадей. Мы должны немедленно уехать отсюда. Хватит!

Рабыню пытаются оттащить в сторону, Нэрвен валяется на коленях, вцепившись в нее, рабыня плачет.

— Она еще более жестока, чем мы! — восхищенно шипит кто-то.

— Она Жесточайшая!

— Жесточайшая Владычица!

— На колени перед Жесточайшей!

Все уруки, какие были на площади повалились на колени. Артано улыбался так, словно отмолил самую лучшую шутку в своей жизни.

— Позволь склониться перед тобой, Госпожа!

— Позволь поцеловать край твоих одежд, Госпожа!

Уруки ползут к альбийке, тянутся, шепчут, она отступает назад, покуда не упирается спиной в стену башни. Бежать некуда. Гоблины цепляются за полы плаща, хватают за руки.

— Посмотри на нас, Госпожа!

— Прикажи нам, Госпожа!

Тут у злосчастной королевы подкосились ноги, и она плавно съехала по стене на землю.

— Госпоже плохо!

— Мы разгневали ее!

— Мы огорчили ее!

— Мы должны развеселить ее!..

Дальнейшее даже Конан помнил смутно, все было словно окутано туманом. Вокруг вертелся

бесконечный хоровод безобразных глумливцев, предлагавших все новые и новые способы увеселения Госпожи. Перед ней полосовали рабынь, рубили чьи-то руки и головы, кровь была всюду, в крови были ее лицо, руки, одежда. Она молчала. И только клубился жуткий хор, шипящий и взвизгивающий: — Может быть, Госпожу развеселят танцы на углях?

— Может быть, бои гладиаторов?

— Может быть, Госпожа желает ремней из спины рабов?

Она молчала.

Неожиданно пошел дождь, смывающий кровь с лиц.

— Уведите Госпожу, — сказал, наконец, Всадник. — Она не станет разговаривать...

* * *

Охотники собрались и покинули Волчий остров без каких либо трудностей — казалось, что о Ночных Стражей просто позабыли, даже разговорчивый Тальхур исчез неизвестно куда. Несший караул возле ворот замка огромный Пламенный Бич по первой же просьбе Конана отворил одну из тяжелых стальных створок и пятеро всадников выехали на мост, ведущий к закатному берегу реки.

— Такое чувство, что я год прожил в приюте для умалишенных, — ворчал киммериец. — Все-таки мир древний пока не предназначен для человека, он принадлежит иным расам, в нашу

эпоху ушедшим за Грань Мира или просто вымершим.

— А я другого не понимаю, — поддержала Конана Асгерд. — Почему они все так уперлись в это непонятное «искажение»? Тьма, свет, любовь, красота — для нас это всего лишь слова, означающие какие-то определенные вещи и явления, а для них... Они относятся к этим совершенно умозрительным понятиям с полной серьезностью. Иначе не устраивали бы таких жутких представлений, как с госпожой Нэрвен.

— М-да, довольно оригинальный способ убеждать своих противников, — согласился Гвай. — Каждый, по-моему, в определенной мере прав. Рота-Всадник первым уяснил, что Сотворенный мир нуждается в развитии, а не в созерцании. И начал создавать «малое творение». Альбы же предпочитают наслаждаться чистой красотой мира, пытаются предотвратить его старение, оставить таким, каким он был изначально. Путь альбов никуда не ведет, по крайней мере, с точки зрения краткоживущего человека...

— Ты абсолютно прав, гость... — вдруг громыхнуло за спинами охотников.

Это был Рота. Самолично. Каким, интересно, образом всадник-великан на своем коне-монстре умудрился неслышно догнать Ночных Стражей?

Повелитель Полуночи был один. Никакой охраны, обязательной свиты, составленной из древних чудовищ, почему-то вполне сносно уживающихся с людьми... Черный Всадник остановил коня под сенью вековых деревьев и спокойно смот-

рел на охотников, тоже натянувших поводья. Сартак, принадлежащий Конану, поглядывал на Роту и его пыхающего огнем скакуна с недоверием.

— Я решил попрощаться с вами, — пророкотал Рота тяжелым басом. — Прошу простить, если то, что вы видели в крепости Артано, оскорбило ваши чувства. Вы не можете понять нас...

— Э-э... Благодарю, Владыка, за добрые слова... — выдавил Гвай, опомнившийся первым, но Рота сразу перебил:

— Я не ваш владыка. И никогда им не буду, хотя бы потому, что знаю — мне недолго осталось пребывать в этом мире. Слишком уж многим Силам я попортил кровь, битва с ними неизбежна и я не думаю, что смогу ее выиграть. Случится это завтра или через тысячу лет — неважно.

— Но ведь это ты стал причиной искажения? — осмелился высказаться Эйнар, смотревший на Роту с нескрываемой боязнью. Оно и понятно, броллайхэн как Дух Природы, куда лучше беспечных людей сознавал, кто именно находится перед ним и какая неизмеримая мощь Стихии Первородного Огня скрыта под телесной оболочкой Всадника.

— Искращения? — Рота улыбнулся углом рта. — Самое смешное в том, что никто не знает, что именно означает это слово. То, что я научил длинноухих, а потом и людей, творить новые сущности своими руками и собственным разумом, а не бесцельно бродить по миру, наслажда-

ясь застывшей красотой сотворенного?.. Элементарно, Бессмертные, далеко не безупречны — мало того, что они изначально заигрывали с тем, кого ныне считают заклятым врагом. Они были и всегда останутся по натуре своей «бальзамировщиками», хотя есть пирог Большого Творения так, чтобы от него не убывало: жить в смертном, историческом мире и в то же время делать все возможное, чтобы остановить в нем всякие изменения, задержать историю, прекратить рост, хранить мир неизменным для собственного удовольствия, пусть наполовину пустынным. Это желание неизменности и пустая болтовня об Искращении однажды приведет к гибели их народа, полагающего, что только они имеют привилегированное положение, как Самого Первого, Изначального...

— В наши времена альбов уже давно не существует, — осторожно сказал Гвай. — Они покинули Смертный мир. Осталось только несколько немногочисленных семей, и те прячутся от людей, которые не принимают чужаков.

— Вот тогда и задашь себе вопрос: к чему были все эти бесконечные войны, разорения и катастрофы, — проговорил Всадник Полночи, — если в вашу эпоху как меня, так и Бессмертных позабыли новые хозяева мира? Хотелось бы узнать, почему именно люди оказались благословлены Силой Творящей, Которая Вне Мира... Болезненные смертные однодневки, появление которых сначала показалось мне Ошибкой Высших Сил.

— Может, потому, что мы умеем использовать блага Творения? — предположил Гвайнард. — Из-

меняем Универсум своими руками? Творим сами? Знаем, что такое добро, а что — зло?

— Я — это «зло»?

Гвай покачал головой и медленно ответил:

— Не знаю. Никто и ничто не может быть злым изначально... Можно, мы поедем?

— По дороге к Вратам Эпох вас будут незаметно оберегать от опасностей, которых множество в этих лесах, — склонил голову Рота. — Так или иначе Врата скоро закроются, пятисотлетний цикл завершен. Возможно, они уже никогда не будут открыты — если разрушится Цепь Равновесия, то ее волшебство не сможет отпирать проходы в грядущие эпохи...

— Постой-постой! — встрял киммериец. — Ты хочешь сказать, что порталы открываются не по случайности, а по желанию того, кто владеет Тремя и Семью?

— Тремя... — Рота поднял натянутую в перчатку руку и коснулся стальной короны с Камнями Венца. — Я всегда хотел хоть краешком глаза взглянуть на будущее, и камни Познания, Творения и Жизни, используя силу прочих Семи камней создавать проход туда, где осталась лишь память и скорбь. Очень скоро он будет заперт, не беспокойтесь. Магия нашего мира останется здесь, в нашем настоящем. Прощайте!

Черный конь всхрапнул, развернулся и бесшумно исчез за деревьями. Вокруг Ночных Стражей лишь шумел пустынный девственный лес.

— И что ему было от нас надо? — вздернула плечи Асгерд. — Я так и не поняла.

— Он чувствует себя виноватым, — тихо ответил Эйнар. — Перед вами, людьми. Перед будущими поколениями. Виноватым за то, что не сумел уберечь мир от разрушения. Не от изменения, а именно *разрушения*. Рота тоже любит его. Пусть и по своему. Едем!

— Знаете, — подал голос киммериец, одновременно подталкивая сартака в бока каблуками сапог. — У меня такое чувство, что лицо Роты мне знакомо. Я его видел когда-то раньше! У нас, в Хайбории!

— Если только во сне, — рассмеялся Гвай. — Забудь, он просто на кого-то похож.

— Может быть... — буркнул в ответ Конан. — Очень может быть.

Перед мысленным взором киммерийца неожиданно появились невысокая часовенка из черного с блестящей камня, стоящая на пустыре квартала Нарикано в Шадизаре и девушка-жрица с тощим котом на плече. Почему-то вспомнилось название «Храм Неудачников» и имя высокорослого мага, постоянно приходившего к скромной шадизарской часовне — Хасты...

Конан потряс головой, будто мокрая собака и наваждение исчезло.

Впереди была долгая дорога домой.

* * *

Всадники направились к Вратам более короткой дорогой — вдоль берега реки, в отличие от неторопливых и обстоятельных Дарвингов, пет-

лявших по звериным лесным тропкам на пути к Волчьему Острову. На следующий день Эйнар-броллайхэн почувствовал, что от скал на противоположном берегу широкого потока исходят волны могучего волшебства, которое, по словам Эйнара, «окрашено в красное, будто магия Равновесия».

...А там, под толщей буроватого гранита, хранился открывающий Великую Цепь камень — огромный рубин, носивший имя Каримэнон. Никто из охотников не мог и предположить, какое влияние на судьбы грядущего окажет Алый Камень, с волшебством которого Конан из Киммерии еще встретится спустя восемнадцать тысяч лет по счету мира древнего, или через полное десятилетие по меркам Хайбории.

* * *

Над туманным куполом по-прежнему парила огромная летучая мышь. Только после того, как последний гость из грядущего покинул древний мир, она устремилась к пылающей заревом Полуночи — доложить Властелину, что гости теперь в безопасности...

Эпилог

Вумаю, я вполне удовлетворен вашим рассказом, — сказал Рэлыгонн, и аккуратно откусив кусочек от хорошо прожаренной ножки куропатки, прожевал нежное мясо своими чудовищными зубами. — Вы хотели попасть в приключение — ваше желание исполнилось. Признаться, я бы с большим удовольствием остался здесь подольше, поскольку древний мир гораздо интереснее, нежели скучная Бритуния.

— Да уж, действительно, у нас дома сплошная скукотища! — саркастично воскликнул Конан, сидевший у костра как раз напротив упыря. — Вампиры, мантикоры, болотные ящеры, оборотни за каждым кустом, нечистая сила — стаями, монстры — стадами. По мне — так это здесь скучно. Представьте, как бы мы развлекались, пади на нас хоть какой-нибудь захудаленький Пламенный Бич! Так нет же! Эти чудовища смот-

рели на нас, будто на равных. Не удивился бы, пригласи меня валарауко выпить пива.

— Только о пиве и думаешь, — огрызнулась Асгерд. — А нам еще к светлейшему герцогу Варту надо возвращаться, объяснять его милости, что пока портал открыт, происходящие в Восходной Бритунии безобразия мы остановить не в силах.

— А я как же? — осторожно осведомился молчаливый барон Дортон. — Мой замок, эти кофийцы странные... Нужно ведь что-то делать!

— Наплюй, — скривился киммериец. — Приедем в Райдор, подашь жалобу герцогу. Варт мигом снарядит дружину и его гвардейцы мигом выбьют твоих приятелей из замка, а тех кто уцелеет, повесят на воротах. Кстати, Рэльгонн, какие новости в родимой Хайбории?

— Самые обычные. Все дерутся, друг друга душат, словом — идет нормальная человеческая жизнь. А если серьезно — в замке Дортон я побывать не успел, но точно знаю, что гоблины Гардага выполняют договор и присматривают за округой. Чудеса, связанные с истекающей через Врата Эпох магией, несколько пошли на спад, начинавшуюся эпидемию бубонной чумы власти герцогства остановили весьма решительными действиями. Но так или иначе вам надо возвращаться — нечисти наплодилось сверх всякой меры, без Ночных Стражей не обойтись. Я со своими родственниками пытаюсь помогать напуганным обывателям, но вы же отлично знаете, что каттаканы могут действовать только ночами, причем

скрытно — иначе нас самих за нечистую силу примут. Между прочим, это здесь ночь только начинается, а в Хайбории скоро рассвет. Предлагаю закончить ужин и как можно скорее пройти через Врата.

Рэльгонн указал на колыхавшуюся в отдалении стену голубовато-серебряного тумана, закрывшего ночной лес.

— Пожалуй, так и сделаем, — согласился Гвайнард. — Эйнар, сполосни котелок и миски в ручье. Конан и Олем, займитесь лошадьми, а я пока мешки соберу...

Вскоре отряд направился к невесомому окоему. Скакунов вели за поводья, хотя никакого беспокойства они не проявляли. Только сартак Конана, как существо полумразное и даже в чем-то магическое, трепетал широкими ноздрями, принимаясь — видимо чувствовал, как в незримый проход между прошлым и будущим вливается поток волшебства, порожденный Цепью Равновесия.

Первым в облако тумана вошли Рэльгонн и Гвай, за ними Эйнар с Олемом и Асгерд. Только киммериец на мгновение остановился и бросил взгляд на далекие горы, неразличимые в ночной тьме.

Затмевая блеск звезд, на Полночи мелькали багровые сполохи и мерцали оранжевые искры.

Три вулкана, рядом с которыми стояла Астахэнна, великая крепость Роты-Всадника, не прекращали исторгать поднимавшееся в небеса пламя...

— Эх, Хасты, — покачав головой, шепнул Конан, обращаясь к далеким полосам огня. — Неудачником ты был, неудачником и останешься.

Спустя миг варвар уже был дома — в Хайбории.

Здесь пахло дымом.

Легенда Лемурии

Обоз из десятка тяжело нагруженных телег медленно тянулся по разбитой дороге вдоль Карпашских гор. Конан из Киммерии пристал к обозу и теперь шел рядом с хозяином обоза, молодым купцом по имени Хорнеши, который на своем гнедом жеребце подъехал посмотреть на неожиданного попутчика.

...Конан уходил из Шадизара, оставляя позади великие подвиги и еще более великие ценности, обретенные в дерзких вылазках на сокровищницы богатых людей города, но самым великим оказались те попойки, в которых киммериец спустил все добытое. Конан ни о чем не жалел, но сглядатаи правителя и городские стражники получили достаточно свидетельств причастности Конана к краже сокровищ.

Обобранные молодым воришкой и его друзьями богачи стремились если не вернуть украден-

ное, то хотя бы примерно наказать дерзкого грабителя, да и показать заодно всем прочим искателям удачи, что даром такие подвиги не проходят. Стражники устроили настоящую облаву на Конана, и ему пришлось с боем пробиваться из города.

Кошелек с отложенными драгоценными камнями был срезан кем-то из собутыльников, а часть причитающихся ему денег Конан не успел получить у скупщиков краденого. Единственное, что Конан вынес с собой из Шадизара — это свой верный меч в потертых ножнах.

Здоровенный детина — слуга и телохранитель месьора Хорнеши, — бросая на меч Конана подозрительные взгляды, держался рядом с купцом, всем своим видом демонстрируя готовность защитить хозяина от любых посягательств подозрительного попутчика. Впрочем, Хорнеши не производил впечатления изнеженного лавочника, привыкшего к спокойной торговле под защитой городских стен и бдительной стражи. Он сидел в седле с видом опытного наездника, держался настороже, а сабля, висевшая на его поясе, явно была не парадным украшением.

— Покажи-ка свой меч, — сказал Хорнеши киммерийцу. Конан вытащил меч на три четверти из ножен и, не выпуская рукоять из рук, показал клинок Хорнеши.

Тот усмехнулся:

— Кровь стерта, но клинок не очищен и щербинки на лезвии не сточены. Похоже, ты рубился этим мечом не далее, как вчера? Я не прав?

— Что, дорога в этих местах небезопасна? — спросил в ответ Конан.

— В последнее время в этих местах было разграблено несколько обозов, поэтому правитель Шадизара выделил мне десяток воинов для охраны.

— Я вижу только шестерых.

И действительно, впереди обоза ехали шесть воинов.

— А тебе и не положено видеть всех! За тебя пока никто не поручился, и почему я знаю — может, ты сам из той же шайки и попытаешься помочь разбойникам? Обижайся, не обижайся — нам придется присматривать за тобой. Ну, а если на нас нападут и ты сможешь отбить бандитов, можешь рассчитывать на щедрое вознаграждение. Ты, я вижу, боец не из последних?

— Да уж, мне приходилось поработать мечом, и мало кто, познакомившись с ним, расскажет об этом. А если никакого нападения не будет?

— Сможешь помочь на месте с разгрузкой товара — заплачу по обычной ставке. На привале будешь есть вместе с моими людьми — плошка каши меня не разорит, а держать возле себя голодного варвара я не собираюсь, это может обойтись гораздо дороже! — Хорнеши рассмеялся, поддал коню шпор и поскакал вперед.

Дорога пролегала по местам малонаселенным. Невысокие холмы, крошечные озера в обрамлении тростниковых зарослей, редкие рощицы. Поднимавшиеся в стороне горы, покрытые лесом, ничуть не походили на родные горы Конана, где скальные обрывы и крутые склоны делали

хребты непроходимыми на десятки миль. Через здешние горы можно было пройти даже конным.

«Как же это у меня смогли срезать кошелек? — вспоминал Конан свой последний день в Шадизаре, — Пока я спал, это сделать не могли, я собственноручно пришиб двух дураков, попытавшихся застать меня врасплох! Я сидел в таверне, веселье было в разгаре, и кошелек я постоянно проверял локтем. А потом вломились стражники, началась заварушка... А когда я оторвался от погони, кошелек уже не было. Получается, что какой-то шустрый гаденыш срезал мешочек с монетами как раз перед появлением стражников! Они меня отвлекли, и я не сразу понял, что остался без кошелька и без денег! Проклятые ворюги!»

Обоз между тем медленно двигался вперед. Попавшееся на пути селение проехали, не останавливаясь, только Хорнеши переговаривал с кем-то из местных жителей и тут же вернулся к обозу. Конан посмотрел на скромный поселок, состоящий из двух десятков домишек, и решил, что делать ему тут нечего. Конану нужен был город. И чем крупнее, тем лучше. В большом городе легко укрыться от ненужного внимания, достаточно просто найти работу, услышать новости о событиях в мире. В большом городе всегда найдутся богатые люди, которые хранят разные ценные вещи в дальних углах своих домов. И что им за радость — владеть ценностями, которые просто лежат в сундуках, никому не доставляя радости? И зачем толстосумам деньги, которые не приносят счастья ни им самим, ни окружающим?

* * *

Как ни готовилась к нападению охрана купеческого обоза, оно все равно оказалось неожиданным. В полусотне шагов от дороги из-за кустов поднялись четыре лучника и разом выстрелили. Двое солдат получили стрелы в лицо, третьего, повернувшего голову в момент выстрела, стрела ударила в шлем. Солдат выронил из рук копье, покачнувшись в седле, но, оправившись, выхватил саблю. Десятник, быстрее всех среагировавший на опасность, успел дать шпоры коню и ушел от предназначавшейся ему стрелы.

Навстречу обозу уже мчались по дороге два всадника с кистенями в руках. Как ураган они пронеслись сквозь охрану обоза. Вот цепь одного кистеня огибает занесенный для удара клинок десятника, и железное ядро бьет его по шлему — вскользь. Однако удар оказался такой силы, что воина выбило из седла. Второй солдат пытается принять удар нападающего на щит, но тот выбрасывает вперед руку, ядро проходит над краем щита и сминает шлем. Оставшиеся двое охранников пытаются встретить нападающих, но конница встречает конницу только в движении — лошади шадизарцев топчутся на месте, не успевая набрать скорость, копье одного солдата проходит мимо цели, а сабля другого скользит по металлу оплечья второго кистенщика. Хорошо еще, что, уклоняясь от удара копья, разбойник не смог сам нанести удар, а второй охранник смог все-таки принять удар на щит.

— Селим! — кричит Хорнеши, показывая слуге следовать за ним, и скачет навстречу атакующим.

Селим уже опережает хозяина, но в его лошадь попадает стрела, от боли она встает на дыбы, и Селим падает на землю. Атакующий всадник проносится мимо и, спасаясь от ударов кистеня, возницы опрометью бросаются прочь от повозок. Хорнеши налетает на второго всадника, уклоняется от удара кистеня и в воздухе мелькает его сабля. Но он не успевает! Сабля чуть-чуть не достает до шеи противника!

Тем временем двое возчиков решают постоять за себя — они укрываются за телегами, достают укрытые под пологам телег короткие тугие луки и начинают стрелять. Один из стрелков в засаде падает, и начинается перестрелка лучников. Еще двое возчиков, оказавшиеся переодетыми солдатами, бегом бросаются к засаде. Им нужно было всего лишь преодолеть полсотни шагов до стрелков и порубить их в мелкую сечку! Но, не добежав до засады нескольких шагов, оба воина с проклятиями падают на землю, запнувшись о протянутую перед кустами веревку.

Конан наблюдал за маленьким сражением, укрывшись за ближайшей телегой. Он отнюдь не являлся трусом, но изображать из себя мишень для стрелков было не в его характере. Всадники с кистенями, проскакав мимо обоза, развернулись и теперь шли в новую атаку.

Киммериец решил, что стрелки теперь не станут на него отвлекаться, и бросился навстречу

всадникам. Те держались в нескольких шагах друг от друга, чтобы не попасть под кистень напарника. Поединок Конану был не страшен. Он пропустил мимо себя ядро кистеня и рубанул мечом. Удар меча отрубил нападающему предплечье вместе с наручем. Хлынула кровь, страшно вскрикнул изувеченный разбойник, кистень полетел в сторону, а Конану пришлось упасть, уходя от удара второго нападавшего, который тут же был вынужден встретиться в схватке с Хорнеши и Селимом.

Спешившийся Селим попытался атаковать разбойника метательными ножами, но поразить его не смог, хотя и отвлек. Хорнеши не сплеховал — достал-таки противника саблей. Сначала — полоснул по лицу, и следующим ударом, уже вдогон, снес голову.

Увидев гибель всадников, стрелки из засады скрылись в зарослях кустарника. Преследовать их никто не стал — это в чистом поле разбойников было бы легко догнать. Преследовать беглецов в зарослях слишком опасно, можно запросто нарваться на выстрел в упор из засады.

Воины, пытавшиеся атаковать стрелков засады, медленно возвращались назад. У одного из плеча торчал обломок стрелы, другой сильно хромал. Кистенщик с отрубленной рукой потерял сознание от потери крови, и один из солдат добил его. Уцелевшие солдаты и возчики помогали раненым.

Десятник, оправившийся от удара кистенем, подъехал к Хорнеши.

— У нас четверо убитых и пятеро раненых, — сказал он. — Надеюсь, что больше нападений не последует. Вряд ли в этой местности орудует несколько разбойничьих шаек. К тому же, основную ударную силу мы у них выбили. Хотя, если честно, то без вашей помощи нам бы пришлось очень туго.

— Оставим это, — поморщился купец. — Что будем делать с трупами? Негоже бросать их без погребения.

— Всех мертвецов необходимо забрать с собой. Наших следует похоронить по митрианскому обряду, бандитов — для опознания. Не могли они разбойничать в округе, не имея связи с кем-то из местных. Подбросим работы здешнему судье.

Один из конных солдат подъехал, ведя в поводу коня убитого кистенщика, и протянул поводья Конану:

— Твоя добыча, варвар.

— Ну как, господин Хорнеши, что мне причитается за помощь в этом бою? — спросил Конан, взяв поводья.

Хорнеши задумался:

— Ты хочешь получить плату и уехать? Или тебя может заинтересовать предложение постоянной работы? Я буду хорошо платить, и ты будешь не слугой, а компаньоном...

Конан усмехнулся:

— Нет. Я предпочитаю быть сам себе хозяином. Теперь у меня есть конь, и я не буду плестись за обозом пешком...

— Пусть будет так.

Хорнеши порывлся в своем объемистом кошельке и протянул Конану пару мелких золотых монет и десяток медных.

— Не очень много, так ведь я не принц и не правитель, золота у скромного купца куда меньше, чем в королевской сокровищнице.

— Хорошо, — согласился Конан, — Этого золота действительно не слишком много, но и не мало для случайного заработка. Плата справедливая, хотя я предпочитаю щедрую. Посмотрим, может, у убитого что-нибудь еще найдется?

Они подошли к убитому разбойнику, и Конан со сноровкой обшарил труп. Удалось отыскать кисет с несколькими медными и двумя серебряными монетами. Еще киммерийцу достались кинжал, сабля и плеть. Когда Конан собрался снять с убитого сапоги, к нему подъехал десятник:

— Вещи надо сначала предъявить судье для опознания, — объявил он.

Конан начал было набирать в грудь воздуха, чтобы подробно высказать десятнику все, что он думает о правосудии вообще, и о заморийских судьях в частности, но его перебил Хорнеши:

— Конан, во что ты оцениваешь эти вещи? Я заплачу тебе, если ты назовешь *справедливую* цену.

Конан рассмеялся:

— Хорошо! Пять золотых меня устроит. Легче будет ехать.

Конан получил деньги, вскочил в седло и погнался горячего коня по дороге на запад. Он решил

покинуть Замору и отправиться через Карпашские горы в Коринфию. Варвар довольно скоро вернулся в то селение, которое они проехали незадолго до нападения бандитов. Там он быстро договорился о ночлеге. Расплатившись с хозяином дома медными монетами, полученными от Хорнеши, Конан получил не только место под крышей и обед за общим столом, но и все необходимое для дальнейшего пути — нож и кремь, веревку и соль, кусок точильного камня и пару локтей домотканой материи, пару караваев хлеба и кусок сала в чистой тряпице. Нашелся и дорожный мешок, чтобы сложить в него купленные припасы. Конан не делал секрета из своих планов, и вскоре выяснилось, что один из поселян тоже собирается ехать на запад — к соляным копам, расположенным по ту сторону Карпашских гор. Договорились отправиться с рассветом.

Остаток дня Конан потратил на чистку клинка, проверил упряжь и снаряжение, после чего лег спать.

* * *

Поднялись утром с первыми криками петухов и выехали, не завтракая. Тилли — парень лет двадцати, отправившийся в Коринфию вместе с Конаном — кроме короткого меча прихватил лук с колчаном стрел, но лук лежал в туле по-походному, со спущенной тетивой.

— Думаешь поохотиться или опасaeшься встретить разбойников? — спросил Конан.

— Разбойников? — усмехнулся Тилли, — Нет. Места здесь безлюдные, правда. Что тут делать разбойникам? Кого грабить?

— Между прочим, на шадизарский обоз вчера напали, — возразил Конан.

— Ага, напали, — легко согласился Тилли, — только эти разбойники не с гор пришли, а с равнины. Мы-то тут вроде как на отшибе живем. А на равнине народ погуще живет, опять же чуть подальше река протекает. Река невеликая, узкая, да петлистая. И течет далеко. А берега вокруг перемежаются болотистыми низинками, зарослями кустарника, местами лес стоит. Там есть где укрыться от стражников. Так вот, когда обозы грабили, то обычно это бывало не возле нашей деревни, а подальше. После нападения бандиты уводили обоз, к реке и на лодках переправляли добро в укромные места. Ищи-свищи потом!

— А что же здесь никто не селится? Места вроде неплохие, и пастбища, и водопой.

— Ну, пасем скот-то, а как же? А жить в этих местах никто не живет. Пастухи летом со стадами ходят чуть ли не до самых гор, но потом возвращаются обратно. Старики поминали, что когда-то в предгорьях были поселения, но только давно уже там никто не живет. Людишки, конечно, ходят, не без того. Кто золото ищет, кто что.

— И что, находят золото?

— Находят, правда. Но немного. За сезон, бывает, намывают золотишка достаточно, чтобы зиму пережить. Но большого золота никто не добывал.

К полудню они были уже в горах. Тилли уверенно выбирал дорогу по лесным склонам. Дорога не была особенно тяжелой, но кони шли медленно — то преодолевая подъем, то осторожно спускаясь вниз. Вскоре Тилли вывел Конана в очередной распадок, где бил чистый родник. Здесь они устроили привал.

Пообедали захваченной снедью, напились ледяной воды из родника прилегли в тенечке отдохнуть.

— Вот сейчас передохнем, — говорил Тилли, — потом снова двинемся, и к вечеру будем уже на той стороне. Мне к соляным копиям еще день пути будет, ну а ты сам себе хозяин.

— Часто здесь ездите? — спросил Конан.

— Ну, пару раз в месяц. Сам видишь — с телегой здесь не проехать, а верхом много груза не взять. А которую соль через Шадизар везут, то таким налогом облагают, что народ просто стонет.

Некоторое время они молчали, потом Тилли спросил:

— Конан, а тебе часто приходилось участвовать в настоящих боевых схватках?

Конан хмыкнул:

— Достаточно часто, чтобы я не мог их все припомнить.

— Понимаешь, меня дед немного учил обращаться с мечом, правда, но я никогда не бился с настоящим противником. Может, ты мог бы меня немного поучить?

Конан снова хмыкнул:

— Ну, покажи, что ты умеешь.

Тилли поднялся, вынул свой меч и, собравшись, показал. На взгляд Конана это были скорее парадные движения, чем боевые.

— Это все? — спросил он, когда Тилли остановился, опустив меч.

— Ну... да.

— Тогда послушай. Во-первых, все эти финты тебе не понадобятся, если будешь биться с конным противником. В такой схватке у тебя будет мгновение, чтобы отразить удар противника или рубануть самому. В таком случае самое важное — уловить момент для удара и нанести удар как можно быстрее. А вот если придется биться с пешим...

Конан легко поднялся на ноги, достал свой меч и провел носком сапога две черты на земле.

— Вставай сюда.

Они заняли позицию друг перед другом.

— Бей.

Тилли нанес удар, явно стараясь быть готовым к тому, чтобы остановиться, не поранив соперника. Но это не понадобилось. Конан сделал шаг назад, пропуская меч мимо себя, и показал, как пошел бы его ответный удар — удар, который Тилли никаким образом не мог бы уже отразить.

— Понял?

— Понял...

— Бей.

Тилли сделал шаг вперед, занося свой клинок для удара, но Конан тоже сделал шаг вперед, перехватил руку Тилли и ткнул его в живот рукоятью своего меча.

— Понял?

— Понял...

— А что понял?

— Что в поединке надо следить за дистанцией не меньше, чем за движением клинка, правда?

— Пойми лучше другое. Если ты встретишься с опытным бойцом, никакая твоя учеба тебе не поможет. Но если твой противник допустит сбой или ему будет что-то мешать, лови момент для нанесения удара. И пытайся нанести удар в самом быстром темпе, как только сможешь. А фехтовать лучше не пытайся. Не надо.

Они убрали мечи и вновь легли на траву.

— Спасибо за урок, Конан...

— На здоровье.

Помолчав, Тилли снова заговорил, теперь уже о другом:

— А вот за этой горой лежит небольшое горное озеро, а рядом с ним пещера. Жуткое место, правда. Кто туда ходил — ни один не возвращался.

— Если никто не возвращался, то откуда ты про нее знаешь? — равнодушно спросил Конан.

— Нет, — оживился Тилли, — к озеру-то мы ходили, и пещеру издали видели, а вот из пещеры никто не возвращался! Про нее старики еще говорили, что там древнее гнездилище лемурийских демонов. Легенда такая... Два раза в год они выходят на поверхность... Ага, потому-то и стоят предгорья пустые! Ну а кто вздумает в пещеру сунуться, того демоны сожрут в любое время года! А как раз одна шайка кладоискателей при мне туда уходила, правда! Шесть человек их бы-

ло, маг с двумя учениками и трое здоровых мужиков для охраны, ну и для тяжелых работ, понятно. Ушли они туда, и никто их больше не видел...

— Маг, — скривился Конан, — ну, конечно... Вечно они пытаются ухватить кусок, который не в силах проглотить... Сколько я с ними не встречался, обязательно оказывались сволочами. Других, похоже, среди магов просто не бывает. Думают, что если научились каким-нибудь подлым фокусам, то теперь могут делать все, что придет в их безумные головы. Знаешь лучшее средство от магии? Меч!

— Ну, этих шестерых я просто сам видел, правда. Но и раньше, говорят, туда пытались ходить разные люди. И золотоискатели, и чудачки разные. Не из местных, конечно. Мы тут привыкли и знаем, что можно делать, а что нельзя. А чужаки, которые о таких вещах знают только понаслышке, бывает, прослышат о нашей пещере и решат, что там сокровища грудками лежат и только их и ждут...

— А съезжу-ка я посмотреть на эту пещеру, — решил Клан.

— Зачем? — испугался Тилли, — Конан, никто никаких сокровищ в глаза не видел! Выдумки все это!

— Я знаю.

— Тогда зачем? Зачем будить спящих демонов?

— Слухи всегда преувеличивают опасность. А мне интересно посмотреть, что же это все-таки за лемурийская пещера.

— Конан, не надо этого делать. Я уезжаю прямо сейчас, ни помогать тебе, ни ждать тебя я не стану!

— А я тебя о чем-то просил, что ли? И дорогу через горы я вполне осилю один. Поезжай, не волнуйся.

— Ага, не волнуйся, а мне потом как возвращаться?! И что бы мне было язык мой не прикусить покрепче...

Тилли поспешно собрался, вскочил в седло, тронул коня, потом снова обернулся к Конану:

— Поедем, Конан? Ну ее, эту пещеру?

— Нет.

Тилли хлестнул коня и ускакал, ругаясь.

* * *

Конан, не торопясь, собрался и поехал в направлении, указанном Тилли. Среди пологих гор, среди которых располагалось небольшое озеро, одна возносилась вверх кручами скал, на которых не могли вырасти ни трава, ни деревья. У подножия этой горы, недалеко от линии воды виднелось темное пятно пещеры с нависающим каменным монолитом. Берега озера были покрыты россыпями камней, поэтому ехать пришлось осторожно. Подъезжая к пещере, Конан вдруг понял, что как-то незаметно оказался в совершенно безмолвной зоне — ни птичий свист, ни шуршание ящериц в траве, ни шелест стрекозиных крыл не оживляли мрачную ауру этого места. Насторожившись, Конан спешил, привязал

коня к стволу молодой сосны и бесшумно подошел к пещере. Перед пещерой лежали в ряд останки восьми человек. Тела высохли, одежда истлела и развалилась, но остатки обуви и ремней еще были различимы. Конан задумался. Тела не были объедены зверями, значит не неведомое чудовище убило их. Тела сложены одно рядом с другим, значит, кто-то побывал в пещере после смерти этих людей. Он вынес тела, но не озабочился погребением, значит, он хотел отпугнуть от пещеры других искателей сокровищ. Рядом с телами нет инструментов, с которыми они должны были сюда придти, нет ни колец, ни цепочек, ни браслетов, ни кошельков. Кто-то все это должен был собрать. Из пещеры не доносится ни звуков, ни запахов. Смутное ощущение опасности, запах старой смерти, но это не горячий запах засады и не запах жизни, отгородившейся от мира барьером смерти.

Конан отошел от пещеры, пройдя по лесу, нашел то, что искал — кусок трухлявого дерева. Выломал несколько крупных кусков, вернулся к пещере, высек кремнем искру на гнилушку, раздул огонек и осторожно двинулся вглубь пещеры. По мере того, как он уходил от выхода и слабел дневной свет, глаза постепенно привыкали к темноте, и небольшой толики света от тлеющей гнилушки хватало, чтобы ориентироваться в темноте. Пещера оказалось не очень разветвленной, Конан запоминал все развилки, выбирая каждый раз левый коридор с тем, чтобы правая рука с мечом не была стеснена в движениях. Пока

пещера ничем не отличалась от многих других, где Конану приходилось бывать. Коридор вдруг пошел под уклон, а вскоре сорвался вниз на половину роста Конана, и он оказался в довольно большом подземном зале. Конан постарался запомнить выход своего коридора и обнаружил, что это нетрудно — на каменных стенах были явно нанесены опознавательные знаки его предшественников — следы копоты от факелов и глубокие выбоины, сделанные каким-то тяжелым инструментом. Подземный зал беспорядочно был перекрыт сталактитами и сталагмитами, часть которых была выломана и расколота. В общем, следов искателей сокровищ хватало с избытком, но самих сокровищ не наблюдалось. И вдруг, обходя зал сталактитов по периметру, Конан увидел странную картину — в провале каменной стены, как в нише, лежали десятки человеческих черепов. Края ниши были образованы каменными монолитами, поверхность которых представляла собой наплывы расплавленной каменной массы. Такого Конану видеть еще не приходилось. Его взгляд привлекла куча каких-то вещей рядом с нишей, он посмотрел поближе и поразился — это были инструменты и оружие, но все обгорелые, оплавленные, искореженные. Все мало-мальски ценное было превращено в ненужный шлак. Все было ясно — сокровищ здесь искать больше нет никакого смысла. Конан совсем уж было решил возвращаться, но тут перед ним раздался низкий скрипучий голос:

— Что ты хотел найти здесь, человек?

Конан осторожно помахал своей гнилушкой, чтобы движение воздуха заставило ее разгореться посильнее, и увидел перед собой гнома. Глаза в обрамлении бороды и нечесаных волос располагались на уровне пояса Конана.

Слова были сказаны на языке Заморы, нечетко, но понятно.

— Ты кто, гном? — спросил Конан.

— Мне все равно, как ты будешь меня называть.

— А я предпочитаю называть собеседника тем именем, которое он сам считает своим. Мое имя — Конан. Конан из Киммерии.

— Это пустой разговор, человек. Мертвым не нужны имена. А ты скоро будешь мертв.

— Ты мне угрожаешь? Мне многие угрожали, и как ты думаешь, где они теперь? Ты не думаешь, что я могу разрубить тебя одним ударом?

— А ты не думаешь, что я могу опустить скальный массив над твоей головой?

— Хорошо, почтенный гном, давай не будем пугать друг друга пустыми угрозами. Ведь нам нечего делить. Я не причинил никакого вреда подземным жителям и сейчас уйду из вашей пещеры.

— Это вряд ли.

— Отчего же? — спросил Конан, стискивая рукоять меча и напряженно прислушиваясь, не прозвучит ли во тьме какой-нибудь подозрительный звук. Зачем вам убивать меня?

— Никто не собирается убивать тебя. Но людям не следует посещать эту пещеру. Кто вино-

ват, что не проходит и нескольких десятилетий, как кто-нибудь снова и снова лезет сюда искать проклятое золото?

— Но я вернусь и расскажу, что золота в пещере нет.

— Даже если бы ты вернулся, сюда полезли бы все новые искатели золота. Но ты не вернешься. И это уже зависит не от нас.

Конан услышал у себя за спиной приближающийся шорох чьих-то шагов и закончил разговор с гномом ударом меча. Меч лязгнул по камню, и гном резво кинулся бежать, выкрикивая:

— Золото! Сейчас ты увидишь золото!

Конан не очень-то поверил этим крикам и собирался всего лишь как можно быстрее выбраться из пещеры, но то ли гномы открыли новые коридоры, то ли переместили приметные знаки, но всю дорогу перед Конаном топтал его подземный собеседник, а дорога вдруг стала явно не той, которая вела к выходу.

Внезапно перед Конаном возникла бездонная расселина, которую гном перепрыгнул и скрылся на той стороне.

Конан прислушался. За ним никто не гнался и не крался. Он осмотрелся повнимательнее — расселина была глубока, но не широка. Конан прыгнул, оказавшись на той стороне, быстро восстановил равновесие, прошел по узкой каменной полке несколько шагов и вошел в малый зал. Здесь было ощутимо теплее, чем во всех остальных местах пещеры. Гном пропал. Глухая стена делала зал тупиковым, другого выхода не было,

но не это в первую очередь обратило на себя внимание Конана.

Две мощные колонны, выступающие из стены, образовывали обрамление каменного алтаря. Алтарь какого бога? Конан не смог бы дать ответ на этот вопрос, но впечатление было вполне очевидным — гладкая каменная плита в основании алтаря имела слишком правильную форму. Высота ее была чуть меньше, чем рост гнома. Конану сильно не понравился алтарь и все это место, но одно обстоятельство удержало его от того, чтобы немедленно возвращаться — на алтаре лежал толстый золотой диск. Отсвет золота Конан определял безошибочно. Диск был покрыт неведомыми письменами, а в центре изображен двойной оскал какого-то монстра. Конан ухватился за диск и с трудом смог его приподнять. Раздалось злобное шипение и какой-то глубинный вздох, идущий неведомо откуда. В этом вздохе слышалось неимоверное облегчение, но следом пришло ощущение опасности.

Конан отпустил диск. Нечего было даже думать о том, чтобы унести такую тяжесть. Поднять он его бы еще мог, но прыгать с ним через расселину было бы немыслимо. Чуть позже Конан осознал, что диск просто невозможно снять с алтаря — наплывы камня с колонн не дали бы возможности сделать это, для этого надо было еще поработать кувалдой....

Ощущение опасности нарастало. Ни звука дыхания подкрадывающегося врага, ни движения воздуха от заносимого для удара оружия, но

ощущение опасности стало прямо-таки нестерпимым. Конан развернулся, вернулся к выходу, убрал меч в ножны, запалил от остатков гнилушки второй кусок, перебросил его через расселину и прыгнул. Полка располагалась ниже, чем выход коридора, по которому Конан пришел сюда, поэтому он ухватился руками за край расселины, легко подтянулся и вылез наверх.

— Человек! — раздался позади полный ненависти крик гнома. — Ты проклят!

Гном в ярости замахал руками, и стена рядом с ним раскололась, как арбуз, огромный кусок стены рухнул вниз, унося с собой каменную полку, которая вела к залу с алтарем.

— Ты пожалеешь о том, что уходишь сейчас живым, человек! Ты уносишь на себе проклятие! Безмозглое ничтожество!

Как Конан выбрался из пещеры, он и сам не смог бы объяснить. Он шел по каменным коридорам, дважды над ним проседала порода, но он успевал ускользнуть от падающих каменных пластов. Наконец он увидел на стенах знакомые приметы, которые запоминал в начале пути, и вскоре увидел впереди свет — выход был уже близко. Он вышел из пещеры на подкашивающихся ногах, к горлу подступала тошнота. Конану не раз приходилось выбираться из опасных ситуаций со сверхчеловеческим напряжением всех своих сил, но сейчас ничего такого не было! Поход в пещеру был не тяжел и не труден. Он мог вынести гораздо большие нагрузки, так отчего же он чуть не валится с ног? Ярость придала

Конану сил, он добрался до своего коня и вскоре ехал прочь от проклятой пещеры.

Он вернулся к тому месту, где они с Тилли обедали, и остановился на привал — солнце уже садилось, а ехать по лесу в темноте Конан не видел никакой необходимости. Он расседлал и стреножил коня, пустил его пастись, собрал дров и развел костер. Есть ему не хотелось, слегка кружилась голова и мутило. Коанн посидел у огня, потом положил в угли пару кусков древесного ствола, чтобы они потихоньку горели до утра, лег спать.

Проснулся он, когда только начало светать. Костер прогорел, но под пеплом оставались еще горячие угли. Конан подбросил веток и оживил костер, достал из мешка припасенные продукты и с удовольствием поел. Потом пошел искать коня. Конь валялся в нескольких шагах в стороне. Мертвый. Конан настороженно огляделся. Вокруг не было ничего подозрительного. Ни следов зверей, ничего. Если кто-то ночью убил коня, то как Конан мог его не услышать? Укус змеи? Ядовитая трава? Конан осмотрел землю вокруг. На траве видны были следы коня, местами трава была сильно сбита, примята — похоже, что животное билось в агонии. Но как Конан мог ничего не услышать?

Ответа не было, но Конан не привык забивать себе голову второстепенными вопросами. А первостепенным было то, что оставаться здесь ему не было никакого смысла. Раз нет коня, значит, надо идти пешком. Конан собрал вещи, напился

напоследок из родника, залил остатки костра и двинулся вперед.

* * *

Путь через горы пешком вместо полудня верхом занял почти целый день. Никаких приключений, кроме обыкновенной усталости и навязчивого желания ночевать не под открытым небом, а под какой-нибудь крышей. День клонился к вечеру, когда Конан, перейдя Карпашские горы, подошел к поселению. Не деревня даже, скорее сильно разросшийся хутор. Две собаки, выбежав навстречу незваному гостю, принялись яростно облаивать Конана. Он отогнал собак ножами меча, демонстрируя при этом, что не нападает, а только защищается. Вышел молодой мужчина, отогнал собак, спросил:

— Чего надо?

— Меня зовут Конан. Сейчас я иду из Заморы. Можно мне у вас переночевать? У меня есть чем заплатить. И еще я хотел бы купить лошадь. Найдется у вас лошадь на продажу?

— Хозяин завтра будет, если дождешься, можешь переговорить с ним про лошадь. Найдется, наверное. На ночлег пустим. Погони за тобой нет?

— Да нет, а почему должна быть погоня?

— Да выглядишь ты странно, Конан из Киммерии. Не охотник, не старатель, не купец, не телохранитель. Если ты по ночам железом деньги зарабатываешь, то может быть и погоня за таким мастером. Нет?

— Ну, в Шадизаре я бы предпочел не появляться в ближайшее время. Но здесь у меня врагов нет.

— Ну ладно, пойдем.

Конан с удовольствием поужинал горячей пищей. К его сожалению, вина или пива ему получить не удалось. Старые запасы выпиты, сказали ему, а новых еще не сделали. По летнему времени место для ночлега гостю определили не в доме, а в одной из пристроек.

Пробуждение снова оказалось ненормальным. Всегда Конан просыпался при малейшей опасности, застать его врасплох никому не удавалось. А тут он проснулся оттого, что один из обитателей хутора выволок его за шиворот на двор. И ткнул кулаком в зубы:

— Тварь проклятая, поджигатель!

Он замахнулся снова, но Конан уже проснулся. Он перехватил руку противника, сгреб его в охапку и швырнул его об стену. Хутор горел сразу со всех сторон. Выскакивали из горящего жилого дома бабы с детьми, сустились возле горящего хлева мужики, выводя лошадей и коров, сараи и амбары горели тоже, но так, что спасать там было уже нечего. Конан бросился в пристройку, где ночевал, и выскочил назад со своим мечом и вещами. Пока он соображал, может ли чем-то помочь хуторянам, разбудивший Конана мужик снова набросился на него, теперь уже с топором в руках. На помощь ему спешили еще двое — один с вилами, другой с топором.

Конану часто приходилось биться ради спасе-

ния своей жизни, но такой нелепой ситуации у него еще не было. Он не чувствовал себя в чем-то виноватым, он не испытывал к этим людям никаких враждебных чувств, они были ему даже не опасны — бойцы они были никакие, их размашистые прямолинейные удары он легко отбивал или уклонялся, но они-то атаковали его всерьез. Они не намеревались его схватить или прогнать, они хотели его убить. При этом они перекрывали ему дорогу, пытаясь прижать его к горящему дому. Вот Конан срубил древко вил и тут же топор одного из нападающих вскользь прошел по его плечу.

— Кром!.. — взъярился наконец Конан.

Раз они вынудили его биться всерьез, то пусть получают битву. Они даже не поняли, что до сих пор он только отражал их удары — Конан зарубил двоих, оглушил третьего и бросился к воротам. Ворота были уже открыты — один из мужиков выводил лошадей. Он бросился было на Конан с колом в руках. Принимать мечом удар толстой жерди Конан не захотел и рубанул мечом на опережение. Выбежав за ворота, Конан ухватил лошадь, вскочил на нее и поскакал. Лошадь, напуганная огнем, была без удила и седла, но Конан стиснул ногами бока лошади так, что животное вынуждено было признать власть человека и покориться.

Конан ехал по лесной дороге и размышлял. Мешок с вещами ему пришлось бросить в схватке, уцелел только меч. Остались деньги, полученные от Хорнеши, а вот ехать на лошади без

упряжи — это все равно что громко кричать: «Я конокрад!»

Оставить лошадь в лесу и купить упряжь в ближайшем селении? Опять же никто не покупает упряжь, не имея лошади. Похоже, придется убраться из Коринфии без задержек. Но что же за странные события стали с ним происходить? Конана не пугали никакие опасности, но он привык встречать их лицом к лицу, а не влипать в какие-то бессмысленные происшествия. Неужели гномье проклятие все-таки начало сбываться? Тут ведь бесполезны все выдающиеся боевые навыки киммерийца...

Тем временем стало светать. Лес кончился, и перед Конаном открылась широкая равнина. Река, текущая по ней, делала пару поворотов, и в ближайшей излучине был виден небольшой городок.

В стороне от него Конан увидел табун лошадей в полсотни голов. Табун гнали двое пастухов, направляясь куда-то в сторону от города. Конан толкнул лошадь пятками и двинулся к городу.

Город был поставлен на переправе. Река хоть и невелика, а вброд не перейдешь. То есть при нужде можно переплыть, но не все же время лето. Да и с грузом переправляться несподручно. Возле города река была поуже, и здесь была устроена паромная переправа. А рядом виднелись опоры строящегося моста.

Городок был так себе — сотни две домов, но огорожен деревянным частоколом, а в воротах дежурят непременно два стражника. Конан за-

платил за вход медную монету, спросил, как пройти к постоялому двору.

— А прямо по улице, — ответил стражник, принявший монету. — Мимо не проедешь. А чего это у тебя лошадь без упряжи? Или варварам гордость не позволяет пользоваться чужеземными придумками?

— Да я эту лошадь только вчера вечером купил. А упряжи у пастухов лишней не было. Сегодня куплю.

По дороге к постоялому двору Конан нашел мастерскую шорника и купил упряжь для лошади, так что в таверне он появился, как путник, не вызывающий никаких сомнений в своей добропорядочности. Оставив лошадь в конюшне и перескусив, Конан отправился пройтись по городу. Город был мастеровой. Здесь не было ювелирных лавок, не торговали шелком и благовониями, пряностями и слоновой костью. Торговля шла в основном простыми ремесленными изделиями — тем, что необходимо для жизни, а не предметами роскоши. Город вполне процветал, но горожане еще не накопили таких богатств, чтобы можно было надеяться найти в сундуках что-то достаточно дорогое и компактное. Конан купил себе новый походный мешок, разных мелочей в дорогу, пару метательных ножей и кинжал, недорогие, но достаточно хорошей работы. Поговорив с местными жителями, решил двинуться на запад, в офирский город Ианту.

К вечеру Конан вернулся на постоялый двор, унес мешок с покупками в нанятую на ночь ком-

нату и отправился ужинать. Насытившись и выпив пару кружек пива, Конан решил переговорить с хозяином:

— А что, знахари у вас в округе есть? Настоящие, не костоправы и не цирюльники?

— Хм... А что, господин Конан, болезнь какая донимает? Есть, конечно, которые зубную боль заговаривают или травами лечат. Или еще что надо?

— Пожалуй, меня интересует такой знахарь, который умеет зелья варить... Отворотные, приворотные, заклятья снимать и тому подобное.

— Хм... Да, вроде у нас сейчас и не найти таких. Впрочем, вот у нас сейчас проездом остановился маг Косталис. Личность в Коринфии известная, можно сказать, знаменитая. Его услуги, правда, обойдутся недешево, но если кто и может помочь с наложением и снятием заклятий, так это точно он.

— Маг... Не люблю я магов. Пожалуй, не настолько меня еще припекло, чтобы я стал обращаться за помощью к какому-то магу...

Конан взял еще кружку пива и вернулся за свой стол. Когда он допил пиво и уже собирался уходить спать, к нему подсел какой-то человек. Худощавый, средних лет, одет богато и вычурно... Конан понял, что это тот самый маг, прежде чем тот заговорил.

— Я маг Косталис, — сказал он. — А твое имя, как мне сказали — Конан?

— Конан. Конана из Киммерии. А тебе не сказали, что я не люблю магов? Сколько я ни встре-

чал в своей жизни магов, всегда они оказывались либо просто безмозглыми идиотами, либо слишком умными идиотами с переклиненными на магии мозгами. И ни разу еще их магия не помогла им против моего меча!

— Я готов согласиться с твоим мнением о магах применительно ко многим из них, — рассмеялся Косталис, — Но если ты думаешь, что все маги бывают только такие, то ты глубоко заблуждаешься. Ты не преувеличиваешь число своих побед над магами? При всем моем уважении к твоим воинским умениям, ты мог справиться с хорошим магом только в том случае, если этот маг не ожидал твоего удара.

— Я не убивал своих врагов из-за угла и в спину, если ты это имеешь в виду...

— Тогда ты очень везучий человек, варвар. Вот смотри, ты ведь можешь, к примеру, разрубить меня мечом пополам, прежде чем я смогу вообще что-то сделать?

— Конечно!

— И я в этом не сомневаюсь! Так не усомнись же и ты, что я точно так же могу тебя обездвигнуть прежде, чем ты сумеешь схватиться за меч. Согласен?

— Вот за это я и не люблю магов, проворчал Конан, — Вместо честного поединка тебя вляпывают в какое-нибудь магическое дерьмо...

— Честного поединка? — безмерно изумился маг. — Ты бредишь что ли, варвар? Если твой противник слабее тебя и вступает с тобой в поединок, потому что не может отказаться, это что

— честно? Ты сам-то понимаешь, что твое понятие «честно» просто выгодно тебе?!

— Ты хочешь меня обидеть, Косталис? Мне приходилось биться с равными по силе противниками. Мне приходилось биться с превосходящим противником. Кром! Мне приходилось биться вполне в безнадежных ситуациях! И своей собственной силой и ловкостью переламывать эти ситуации в свою пользу! И если когда-нибудь я буду побежден в честной схватке более сильным противником, я не буду слать ему предсмертное проклятие, я с радостью пойду на встречу с Кромом — и он встретит меня в числе не последних его сыновей! А магические штучки — дерьмо...

— Кстати о проклятиях, Конан...

— Что?..

— Ты интересовался специалистами, которые могут снимать проклятья.

— Если ты это слышал, то должен был слышать, что я пока не собираюсь обращаться за помощью к магам.

— А напрасно... Я ведь не из праздного любопытства к тебе подсел. Мой амулет показывает, что на тебя наложено исключительно сильное заклятье. Я пока не могу определить, в чем оно заключается, но я его чувствую. А ты, видимо, получил его недавно и только начинаешь чувствовать его воздействие. Если бы ты его не чувствовал, то не искал бы того, кто может снимать проклятия. А если бы носил его давно, то сполна вкусил бы последствий этого заклятья и не отвергал бы моей помощи.

— Скажи еще, что ты готов предложить мне безвозмездную помощь.

— А ты поверишь?

— Нет, конечно.

— Но во взаимовыгодное сотрудничество ты можешь поверить? На самом деле, я не могу сказать, что вот прямо сейчас я знаю, как снять с тебя заклятье. Я с таким дела еще не имел. Так что мне просто интересно поработать с тобой. Может быть, я смогу использовать это заклятие в своих целях. А тебе это просто необходимо. Потом ты будешь жалеть, что отказывался. Умолять будешь!

— Чем же я буду расплачиваться с тобой?

— Ну, если у тебя есть сотня золотых, то этого будет достаточно. Если нет, отработаешь. Впрочем, если мои предположения сбудутся, я достаточно получу для усиления своей магии, чтобы взыскивать с тебя непомерную плату. К тому же нет необходимости решать это прямо сейчас. Встретимся здесь утром?

— Ладно.

Конан ушел спать, размышляя о том, насколько можно доверять магу. С одной стороны, магам верить нельзя. Никаким и никогда. С другой стороны, если будут продолжаться такие события, как прошлой ночью, то деваться-то будет некуда. Вряд ли кто из деревенских знахарей сможет снять проклятие гнома. Лучше мага здесь и в самом деле никто не справится.

Утром Конан проснулся с некоторым облегчением — вокруг ничего не горело, никто не ло-

мился в комнату. Он поднялся и вдруг с недоумением посмотрел на свои руки. Руки были обильно замазаны засохшей кровью. Конан осмотрел себя — каких-либо ран или ссадин на нем не было, похоже, что кровь была не его. Но откуда она взялась? Спать ложился без крови, ночью никуда не выходил. Откуда кровь?..

Не найдя никакого ответа на этот вопрос, Конан взял кувшин с остатками воды, намочил одеяло и вытер руки. Потом собрал свои вещи, проверил меч, повесил к поясу купленный вчера кинжал, приспособил в рукаве метательные ножи и пошел на выход. С хозяином постоялого двора Конан расплатился еще вечером, поэтому он направился сразу к конюшне, чтобы подготовить свою лошадь к дороге. Но во дворе Конана сразу остановили. Во дворе толклись десяток стражников, несколько человек горожан и постояльцев. Офицер стражи остановил Конана:

— Как спалось, господин Конан?

— Хорошо. А с чего это вас интересует мой сон?

— Да с того, что сегодняшней ночью почитай весь город проснулся от истошных криков людей, принявших лютую смерть. Так что хорошим сном этой ночью ни один человек в городе похвастаться не мог. А на лице у тебя — кровь. Стоять!

Офицер отскочил в сторону, а стражники дружно нацелили на Конана заранее подготовленные луки. При том, что обычно в городе стражники луков не носили...

— Положи меч на землю! — приказал офицер.

Краем глаза Конан увидел, что с боков тоже наготове стоят лучники. Бросаться на прорыв было немыслимо, и все же Конан колебался. Потом все положил меч на землю.

— Руки назад! — приказал офицер.

— Не могу, — с удивлением ответил Конан.

Он и в самом деле не мог двинуть ни рукой, ни ногой.

— Я держу его, — раздался сзади голос мага.

Конан почувствовал, как что-то прикоснулось к его шее, и на ней сомкнулся холодный ошейник.

— Я заберу его с собой, — сказал маг.

— Ваши полномочия достаточно велики, господин Косталис, — возразил офицер, — но данный случай в них не предусмотрен. Зверское убийство пяти человек — это не тот случай, когда я мог бы отдать вам виновника, взятого практически с поличным. Меня не интересуют ваши магические заморочки, а вот казнить его я просто обязан. И я сделаю это, невзирая на ваши немеренные полномочия.

— Я ценю ваше служебное рвение, — ответил маг, — и если бы дело касалось обычного преступника, я бы и не подумал препятствовать правосудию. Но дело в том, что этот человек одержим демоном. Вспомните события этой ночи! Разве такое возможно было совершить обыкновенному человеку? И в данном случае казнь человека ничего не даст — освобожденный демон может поселиться в вашем городе в бестелесном

облике. Это вам надо? К кому вы потом прибежите за помощью? А?!

Офицер мучительно задумался, потом нехотя согласился:

— Хорошо, забирайте его. Но я отправлю донесение об этом случае.

— Это сколько угодно. Я не стану возражать даже против сопровождения, как для охраны пленника, так и для того чтобы они потом доложили об успешности конвоирования. Четырех стражников, я думаю, будет достаточно. Конных, конечно. А сейчас, будьте любезны, отгоните любопытствующих.

По приказу офицера стражники разогнали народ и выстроились за воротами, чтобы проводить мага с захваченным варваром к воротам города.

— Ты можешь мне не поверить, — обратился Косталис к Конану, — но я не испытываю никакого торжества или злорадства от того, что я оказался прав и ты примешь мою помощь по своей воле или против нее. Сейчас я сниму с тебя заклятье обездвиживания, и ты отправишься вместе со мной в мою башню. Там я смогу провести ритуал изгнания демона. Твое желание теперь уже не играет никакой роли. Даже если бы ты предпочел сгореть на костре как оборотень-убийца, меня такой расклад не устраивает. И не из-за моих переключенных магией мозгов, не из-за извращенных планов, не из наивного стремления показать тебе свое могущество. Просто иначе твой демон будет резвиться по окрестностям, и мне так или иначе придется заниматься этой

проблемой — выслеживать, ловить, связывать, убивать... Ты понимаешь меня?

Под присмотром офицера один из слуг мага обыскал Конана и сложил у его ног все его оружие. Посмотрев на содержимое кошелька, маг приказал положить его в мешок Конана вместе с кинжалом и ножами.

— Я не прощу тебе этот ошейник, — сказал Конан, получив возможность двигаться. — Я поеду с тобой, не сопротивляясь, но ошейник — не прощу.

— Ну вот, начинается, — вздохнул маг, — ты мне еще отомстить пообещай. Ну неужели голова варвара служит только для трансформации эмоций в неразумные поступки? Подумать ты никак не в состоянии? Ошейник даст мне возможность контролировать тебя, но почему ты думаешь, что я хочу получить этот контроль для своего собственного удовольствия? Ты вообще представляешь, что произошло сегодня ночью?

— Я спал.

— Конечно. Так слушай — среди ночи в городе раздался жуткий крик. Визг смертельно перепуганного человека. Крик продолжался достаточно долго, чтобы стражники подоспели на крик. Горожанин на тот момент кричать перестал, потому что уже захлебывался кровью из порванного горла. Стражники увидели человека, описание которого совпадает с твоим силуэтом. Но при этом от человека исходили волны нестерпимого ужаса. Народ, повывскакивавший было из домов на крик того бедняги, кто разбежался, кто на

месте обделался, кто в обморок упал. Кое-кто, говорят, сегодня проснулся не в своем уме. Двое все же превозмогли ужас и попытались напасть на этого монстра. Смелые были мужики. И оружие в руках держать умели. Чудовище убило их так же, как и первую свою жертву, — голыми руками. Потом сбежало, убив по дороге еще двоих. Так это был ты! Вернее, демон, который живет сейчас в твоей душе.

— Косталис, мне приходилось встречаться с демонами, которых вызывали маги. Это были монстры во плоти. Они были сильны и опасны, но уязвимы для меча или огня. Как такой демон может жить в моей душе?

— Есть разные виды демонов, — пожал плечами Косталис, — Для того, чтобы делать что-то в нашем мире, демон должен либо воплотиться в материальное тело, либо подчинить себе тело живущего. Я не говорю, что твой случай — обычный... Ну что, поехали? До моей башни мы должны добраться за три дня.

Они выехали из города — маг с Конаном, четверо слуг мага и четверо стражников в полном вооружении. Ехали быстро, останавливаясь для отдыха по мере необходимости.

— Так когда ты заполучил свое проклятье? — начал расспрашивать Конана маг на первом же привале. — Мне может помочь любая информация о твоём демоне.

Конан поразмыслил над тем, стоит ли рассказывать магу всю правду, и решил, что скрывать ему нечего и незачем. Выслушав всю историю,

маг задумался, потом начал задавать уточняющие вопросы, но Конан при всем желании не мог больше ничего сказать. Потом уже Конан понял, что некоторые вопросы были попыткой выявить ложь в его рассказе.

— Ну что же, — подвел итог Косталис, — по всей видимости, демон был лишен материального тела и прикован к своей пещере. То есть он мог при определенных условиях действовать в окрестностях, забирая для поддержания своих сил жизни случайных жертв. А когда ты сдвинул золотую печать, он вырвался на свободу и проник в твою душу. Видимо, он довольно ослаб в своем заточении, но с тобой он довольно быстро восстановит свои силы, выжрет твою душу и завладеет твоим телом полностью, а не только во сне, как сейчас. А знаки на печати не запомнил?

Конан подумал и нарисовал на земле несколько значков, которые запомнил в пещере.

— Лемурийские письмена... И это все? — оживился маг.

— Нет, конечно. Там много чего было, но я не знаю этих символов.

— А такие были?

Маг изобразил полтора десятка символов. Некоторые из них Конан узнал, так что маг остался в целом доволен.

* * *

На ночлег остановились в небольшой рощице. Маг не пожелал рисковать и ночевать в ка-

ком-нибудь селении, которые попадались им по пути. Поужинали, маг потихоньку распорядился о чем-то своим людям и завалился спать. Конан сидел у костра и размышлял.

Он потихоньку попробовал на прочность ненавистный ошейник — тот был из тонкого металла, но под стальными пальцами киммерийца только слегка прогибался, сломать его Конан не мог. Ошейник был не тяжел, но унизителен. И мало ли что мог потом сделать с ним этот маг? Нет среди магов порядочных людей, не было и не будет!

Конан огляделся по сторонам. Двое стражников постоянно следят за ним — это пустяк. Можно было бы броситься на прорыв, он уходил и от более плотной охраны, но зачем? Нет, от демона надо избавляться, а там будет видно.

Конан улегся спать. Проснулся утром и увидел возле горящего костерка сидящего мага. Никого из охраны рядом не было.

— Как спалось? — поинтересовался Косталис.

— Хорошо... М-м... Шея болит под твоим ошейником.

— Под твоим ошейником! — внезапно озлился маг. — Твой демон снова пытался проявить себя, и я всю ночь не спал, но сдержал его. Правильно я оценил, что демон пока еще слаб. И нельзя дать ему возможность усилиться. Но спать тебе, варвар, больше не придется. Придется тебе две ночи потерпеть, выдержишь. Буду тебе на ночь давать самых болтливых караульчиков, днем можешь подремать, но спать тебе не дадим.

* * *

Маг очень торопился, и отряд двигался очень быстро. К башне добрались к середине второго дня. Башня располагалась в живописной долине у подножия гор. Величественность ее несколько нарушалась какими-то огородами возле нее, ярко зеленевшими на фоне пожухлой травы вокруг, и загонем для скота. Сложена была она из дикого камня, грубо обработанного каменотесами. Камни были положены на раствор, ворота окованы толстыми железными полосами. Ворота были заблаговременно открыты, и двое слуг встречали хозяина.

Маг тут же заявил сопровождавшим их стражникам, что они выполнили свою миссию и могут проваливать восвояси. Один из стражников понаглее попытался намекнуть магу, что им, стражникам, за непомерные труды и опасности путешествия надлежит получить соответствующее величие мага вознаграждение. На это Косталис предложил наградить их почетной службой в подвалах своей башни. Врожденная скромность не позволила стражникам принять столь щедрое предложение, и они ускакали, не дожидаясь других предложений ехидного мага. Они были правы — нотка раздражения в голосе мага сулила лишь приступ еще более мрачного юмора.

— Наглецы, — шипел рассерженный маг, — денег им нужно!

— Какие глупости, не бери в голову! — рассмехался Конан. — Ты им не командир, так что они ведут себя вполне нормально для солдат.

Избавившись от посторонних, маг велел слугам накрепко запереть вход и готовить лабораторию. Конан, которого провели в одно из жилых помещений и оставили без присмотра, задремал. Часа через два один из слуг растормошил Конана и провел его в лабораторию. Там Косталис что-то пил из большой кружки. Увидев Конана, протянул кружку ему:

— На, выпей, взбодрись.

Конан с сомнением посмотрел в кружку — она была наполовину пуста.

— Сними с меня ошейник, — сказал он как можно миролюбивее, — я приехал с тобой добровольно и намерен закончить изгнание демона. Я заплачу потом назначенную тобой цену, клянусь Кромом. Но ошейник — сними.

— Ладно, — сказал Косталис. — Стой смирно.

Он подошел к Конану сзади и разомкнул ошейник. Однако по его знаку слуга у дверей достал заряженный арбалет.

— Выпей же, — сказал маг.

— А это совершенно необходимо?

— Да провались ты! Можешь не пить, это всего лишь отвар, придающий сил и прогоняющий сон!

— Тогда я обойдусь.

— Вот я тебе показываю, что доверяю тебе, а ты меня подозреваешь! Может, тебя обездвигить и провести изгнание без твоей помощи?

— Не надо, — сказал Конан, демонстрируя послушание, — я готов подчиняться.

— Тогда уйми свою гордыню и просто делай, что тебе говорят!

По знаку мага, один из слуг принес меч Кона-на и протянул ему:

— Возьми, — сказал Косталис, — я наложил на него заклятье против демонов. И, чтобы ты знал, заклятье ненанесения вреда лично мне. На тот случай, если ты вздумаешь в очередной раз выйти победителем из поединка с магом... Понятно?

— Понятно, — ответил Конан, с сомнением осматривая свой меч.

— Тогда смотри сюда, — маг показал Конану на пентаграмму из кованых железных полос, покрытых цепочками рун. — Я изгоню из тебя демона. Но изгнание — дело легкое, я мог бы сделать это в любой момент. Мне надо заключить демона в материальную оболочку, из которой он не мог бы вырваться.

— А я потом его зачарованным мечом! — радостно догадался Конан.

— Еще один приступ самодеятельности и будешь принимать участие в изгнании демона в обездвиженном состоянии, — сухо сообщил маг. — Делай только то, что я скажу!

— Ладно, — вздохнул Конан.

Косталис подозрительно посмотрел на Кона-на, отослал слуг, оставив только арбалетчика у выхода, потом отошел в сторону и достал из деревянного ларца фигурку длиннорукого длинно-ногого человечка ростом чуть больше локтя. Он положил фигуру в центр железной пентаграммы и сказал:

— Изгнанный демон должен воплотиться в этого голема. Ты будешь находиться здесь, — он

показал Конану вторую пентаграмму, образованную пятью черными свечами. — Если все пройдет чисто, то ты вообще не должен делать ничего. Но если что-то пойдет не так, ты должен быть готов делать, что я скажу. Понял?

— Понял.

— Настойки точно не хочешь выпить?

— Нет.

— Тогда начинаем! Становись в пентаграмму.

Конан встал в пентаграмму, маг зажег свечи, отошел к столу, на котором была подготовлена жаровня с горящими углями, подсыпал еще угля, надел на шею золотой амулет, придвинул коробки и горшочки с какими-то магическими компонентами и начал произносить заклинание. Несколько минут ничего не происходило, маг добавлял в огонь разные порошки, по лаборатории распространились густые ароматы неведомых веществ, потом маг возвысил голос и закончил заклинание. Слов Конан не понимал, но, по интонациям, заклинание завершилось приказом, а через несколько слов — вторым. С окончанием заклинания раздался идущий ниоткуда стон, полный муки и освобождения — с теми же интонациями, которые Конан слышал в пещере, поднимая золотую печать. Вокруг Конана сплелись два вихря еле заметных искорок — красных и черных. Сначала они были переплетены друг с другом, потом постепенно разделились, красный вихрь втянулся в фигуру голема, а черный начал сгущаться в висящую в воздухе оскаленную пасть. Голем в пентаграмме зашевелился, поднялся на ноги и открыл

сияющие крохотными искрами глаза. Маг спешно передвинул коробки со своими порошками и начал читать новое заклинание. А собравшаяся в воздухе пасть издала наполненный лютой злобой и ненавистью вой и двинулась к магу. Арбалетная стрела прошла сквозь черного демона, не замедлив своего движения, и ударила в стену. Конан мельком взглянул на стрелявшего, но его уже не было в лаборатории, только разряженный арбалет валялся у дверей.

Стрела не причинила черному демону особого вреда, но была ему явно неприятна, он на миг замедлил продвижение и прервал свой ужасный вой.

— Руби его, Конан, — заорал маг, прервав свое заклинание.

Конан прыгнул вперед и несколькими взмахами меча разрубил демона на части. То есть клинок прошел сквозь него, как сквозь медузу — почти не встречая сопротивления. Демон прервал свое движение, черты его исказились, но он быстро восстанавливал форму.

— Не подпускай его ко мне! — снова закричал маг, — Дай мне закончить с другим!

Красный демон тем временем освоился в новом теле, обследовал пентаграмму, из которой выбраться он не мог, вытянул губы и выдувал на железную пластину пентаграммы огонь. Пластина уже раскалилась до ярко-красного цвета.

— О, Нергал! — шипел маг, перебирая свои амулеты. — Это был не один ослабленный демон, это были два демона, которые боролись друг с другом за твоё тело! Вот!

Он нашел то, что искал, произнес заклинание, и пентаграмма покрылась льдом. Голем злобно зашипел и принялся выдувать огонь с удвоенным усердием. Разрубленный черный демон снова сконцентрировался и завыл на Конана. Конан рубанул его мечом, но неожиданно для себя промахнулся, будто что-то отклонило его клинок.

Демон взвыл так, что Конана просто снесло с ног. Если первые удары Конана легко достали демона, то теперь он приспособился успешно отражать киммерийца. Но и Конан почувствовал, что легко с демоном не справиться. Теперь он полностью собрался и двигался с невероятной для обыкновенного человека быстротой, окружая демона сеткой обманных ударов, не давая тому сконцентрироваться и отвести настоящий удар в сторону.

Он дважды доставал демона клинком, и бой застыл в некотором равновесии. Никакой удар меча не был критичен для демона, но достигающие цели удары не давали ему возможности сконцентрироваться. В свою очередь, и демон не мог одолеть варвара, до тех пор, пока тот не выдохнется и не снизит темп своих ударов. Конан почувствовал, что устает, взъярился еще больше и сделал невозможное — увеличил темп ударов еще больше и снова смог располосовать черного демона несколькими ударами.

— Долго еще? — заорал он магу.

— Не получается! — крикнул тот в ответ. — Я не могу взять его под контроль!

— А с черным справишься?!

— Да!

— Тогда прикончи его, я держу голема!

Конан рубанул черного демона напоследок еще два раза, отскочил назад, развернулся и достал мечом голема. Удар по морде сбил голема с его позиции, где он уже наполовину прожест стальную полосу, пентаграммы.

— Не убивай его, — крикнул маг и обратил свое внимание на черного демона.

Тот как раз заканчивал концентрироваться, уже раздался было его душераздирающий вопль, но тут маг взял ситуацию под контроль. Магическая сила расплющила черного демона и отбросила к стене. Здесь Косталис справлялся удачнее. Его магические удары легко доставали демона, сминая его и не давая ему возможности концентрироваться. Потом потерявшее форму черное облако начало заворачиваться в кокон — маг уверенно упаковывал демона в тугой сверток...

И тут демон сделал какое-то сверхъестественное усилие, размотался, вытянул черный отросток к стене и начал быстро втягиваться в незаметную трещинку.

— Уходит! — взвыл маг, поднял руки и выпалил какое-то заклинание.

В остатке кокона вспыхнула белая искра, вокруг нее закрутился крохотный неистовый смерчик и с диким визгом начал всасывать в себя черного демона, явственно вытягивая из стены ту его часть, которая успела было ускользнуть.

Конан тем временем бился с големом. Удары меча отбрасывали тварь раз за разом, но он не-

утомимо продолжал выдыхать пламя. Конан мешал ему, и сильно мешал, но капли расплавленного металла продолжали утекать с пластины. И вот, когда маг уничтожал черного демона, голем прорвался. С торжествующим шипением он шагнул из пентаграммы, выдыхая теперь не узкий пучок раскаленного пламени, а менее жаркое, но большое облако огня.

Конан, чувствуя, как спорают на нем волосы, шагнул вперед и рубанул голема уже во всю силу, не останавливая, а убивая. Удар меча разрубил голема пополам. Взметнулись крохотные красные искорки и следом за черным демоном унеслись в недра визжащего смерчика.

И все кончилось. С последними искрами красного демона смерчик замолчал и свернулся, не оставив и следа.

Конан хлопал себя по лицу и одежде, забывая тлеющие участки, а маг смотрел на него, опустив руки.

— Ты что сделал, недоумок? — спросил маг не столько гневным, сколько усталым голосом. — Я тебе его держать велел, а не убивать!

— Ну извини, — пожал плечами Конан, — не удержал.

— Не удержал! Ах ты, безмозглый варвар, где я теперь еще такого демона найду?! Настоящий осколок лемурийской магии... Такие случаи раз в жизни бывают, и на тебе — какой-то громила своим дурацким мечом... Взять и все испортить!

— Да ладно, Косталис, нет в мире ничего такого, о чем стоило бы жалеть. Мы живы — и это

главное. Ты же не смог одолеть демона, пока он был в пентаграмме, так как бы ты справился с ним, когда он вырвался из нее?

— Тебе что, ведомы все мои возможности, глупец?! Послать тебя, что ли, следом за демонами?.. Вытащить обратно, хотя бы одного... У меня еще оставались неопробованными два могущественных заклинания и один артефакт! — маг начал копаться среди подготовленных предметов. — Где же он?.. Вот!

— Косталис, хватит блажить! Пусть ты наложил заклятие на мой меч, но я тебе сейчас мозги вправлю и без оружия... Хочешь попробовать?

Маг замолчал, с отвращением глядя на киммерийца.

— Ты справился с демонами, — продолжал Конан, — назови теперь свою цену: что я тебе должен за это?

— Ты мне должен? Ты мне должен! Убирайся с глаз долой! Ничтожество! За какие деньги я найду другого такого чистокровного лемурийского демона?! Проваливай лучше, пока цел... Эй, кто там?! Отдайте варвару его коня, его пожитки, и пусть он исчезнет уже с глаз моих! Ну, надо же...

Конан, ухмыляясь, шел за слугой мага к выходу из башни и размышлял о том, что в ближайшей кузнице ему надо будет купить новый меч, а нынешний продать кузнецу для переделки.

Выщербленное в битвах лезвие уже слишком плохо поддается заточке...

Ночная тигрица

*Герцогство Райдор, лето 1285 года
по основанию Аквилонии*

Если вы наивно полагаете, что в таком невероятном захолустье как Полуночная Бритуния не случается неприятностей, то глубоко заблуждаетесь. Конечно, столица Райдорского герцогства выгодно отличается от таких крупных городов как Пайрогия и, тем более, Бельверус — смертоубийств почти не случается, редких разбойников исправно ловит дорожная стража, да и разбойники-то в основном заезжие, но никак не местные. Маленькие города тем и хороши, что все тут друг друга знают, любой чужак всегда на виду, а патриархальные нравы отдаленной провинции не позволяют подданным его светлости герцога нарушать установленные богами и людьми законы.

Но сегодняшнее происшествие было, скажем прямо, из ряда вон... Ни о чем подобном не слышал даже многоопытный сотник «городской гвардии» — отряда обленившихся стражников, чьи обязанности ограничивались поддержанием порядка на рынках да растаскиванием пьяных драк в многочисленных тавернах.

Заметим, что в Райдоре не было даже тюрьмы — особо злостных нарушителей благочиния для острастки либо сажали дней на тридцать в подвалы герцогского замка, либо отвозили в Пайрогию, где самые отъявленные буяны представляли перед королевским судом. Самым же страшным наказанием для особо провинившихся полагалась вовсе не смертная казнь, а ссылка на каторжные серебряные рудники в Граскаале — живым оттуда преступнику не выйти, а герцог Райдорский от каторжников прошения о помиловании не принимал: если уж сосланы, значит заслужили...

Сотника Хольма затошнило немедленно по прибытии на место событий, пускай он за тридцать лет деятельности на поприще Охранения благочиния не один десяток собак съел. Всякое повидал — и детоубийства, и насилия, своими руками попавшую на горячем шайку Торвальда Лысого в живописнейшем порядке на придорожных дубах развесил. Да и вообще, господин сотник полагал себя человеком крепким на желудок — чай в трех войнах участвовал и нежной девицей себя полагать не мог совершенно. Однако же пришлось сотнику вернуть завтрак природе.

Над Хольмом никто из стражей не засмеялся

— и чревато, и радоваться тут абсолютно нечему. Кого хочешь при таком зрелище затошнит, будь ты стократ привычным к крови. Вон, у всех городских гвардейцев бледность с прозеленью на лицах усатых проступила, будто все как один жутчайшим похмельем маются. Лучше бы уж похмелье, право слово, хоть рассольчиком да пивом полечиться можно. От того, что лежало сейчас под ногами месьора Хольма такими средствами не излечишься. И надо всех богов молить, чтоб ночами потом кошмары не мучили.

— В замок человека отправить догадались? — выдавил Хольм, отплевавшись. — Тут, похоже дело не для нашего ума — господина Охранителя короны надо в известность ставить, пусть лучше он разбирается.

— Точно так, отправили, — слабо вякнул десятник, чей караул и обнаружил кровавое непотребство. — Что ж мы, совсем чурбаны деревянные? Ясное дело: о такой жути сразу месьора Атрога предупреждать надо...

— Хоть бы рогожкой прикрыли, — буркнул Хольм, стараясь не смотреть на то, что совсем недавно являлось человеческим телом. — Хорошо хоть разума хватило переулочек оцепить да любопытных не пускать. Но всяко слухи по городу пойдут, без этого не никак обойтись... Место осмотрели? Следы?

— Никаких следов, — помотал головой десятник. — Дождей почти седмицу не было, грязь утоптанная, застыла что твоя глина.

— Кто в соседних домах живет? — Хольм об-

вел взглядом высокие бревенчатые строения, окружавшие проулок, что выводил на широкий Стремянный проезд. Дом справа, дом слева, дальше — некрашенные деревянные заборы да пыльная крапива. Укромный уголок для убийцы. — Опросили хозяев?

— Опросили, — уныло ответил стражник. — Ночью никаких криков не слышали, подозрительного шума тоже. Только жена гуртовщика Вилланда, что вот в этом доме живет, за полночь, я извиняюсь, до ветру выходила... Сказала, будто за забором, в проулке, шебуршился кто-то. На собак бродячих погрешила, да обратно спать пошла.

— За полночь? — Хольм пожевал губами. — Когда «за полночь»? Ближе к рассвету? Или в самую темень?

— Не узнавал...

— Так сбегай узнай, дубина! — рявкнул сотник. — Все что можно вытряси! Впрочем нет, стой. Лучше Атрогу доложить, пускай он свидетеля опрашивает. Сами помните — все необычные дела городская гвардия в управу Охранителя короны передавать обязана.

Хольм покосился на труп и снова отвернулся, поморщившись. Спросил:

— Кто она хоть такая, выясняли? Уж больно подол юбки приметный — слишком вышивка яркая. По такой примете родных сыскать нетрудно будет.

— То-то и оно, — с готовностью закивал десятник. — Узнать кто такова, да с какого двора не-

трудно было. Да и моим парням сия особа знакома. Родных нету. Гуляющая она. Из веселого заведения достойнейшей госпожи Альдерры.

— «Достойнейшей»... — передразнил десятник Хольм и сплюнул. — Значит, из вертепа девка? Вот и гляжу, что одета... была одета слишком ярко, так приличные девицы не ходят. Ничего не пойму: им же ночью работать полагается, а не по закоулкам шастать... Хозяйку уже оповестили?

— Никак нет, ваша милость. Решили начальства дожидаться.

— Вот и правильно.

А начальство — вот оно, тут как тут. Стукнули копыта лошадей, звякнули стремяна. Месьор Атрог с присными явится соблагоизволил.

Увидев высокого худощавого человека спрыгнувшего с седла, сотник Хольм невольно попятился и отбил почтительнейший поклон — Охранителя короны, живую тень великого герцога Варта Райдора в городе побаивались все без исключения, и стража, и купцы, и простые обыватели, не говоря уж о никчемных людишках, наподобие рыночных воров. Человеком он был суровым, цепким и, когда надо, совершенно беспощадным — чего только стоил приказ месьора Атрога немедленно сжечь дома заболевших чумой, когда случилось моровое поветрие. Больных безболезненно умертвили, строения подожгли. Жестоко скажете? Ну да, жестоко. Да только такой жестокостью Атрог остановил начинавшуюся эпидемию и не позволил городу вымереть.

— Что здесь? — господин Охранитель даже по-

здороваться побрезговал. Глядит высокомерно из-под густых бровей, в черных глазах недобрый огонь мерцает — не любит месьор Атрог непорядка. — Убийство? Отчего сами дознанием не занялись? Месьор Хольм, я к тебе обращаюсь!

— Так... это... — сотник заробел: показалось, будто на тебя змея смотрит, а не человек. — Ваша милость, ведь строжайше предписано, если какой случай необычный, немедленно в Охранную управу сообщать. Мы люди маленькие...

— Показывай, — кивнул Атрог.

Следом за его грозной милостью поспешали двое ликторов — такие медведи да мордовороты, что смотреть страшно, человека пальцем задавить могут, будто козявку. На мордоворотных поясах оружия столько навешано, что целой армии хватило бы. И тут же серенький неприметный человечешко в балахоне лекарской гильдии — месьор Патарен, что вроде бы числится на должности личного врачевателя герцогской фамилии, а на деле Атрогу в его многотрудном ремесле помогает.

Рогожу, коей прямо перед явлением Атрога сотоварищи убиенную девку прикрыли, сдернули, явив очам его милости пренеприятное зрелище. Над зрелищем тотчас загудели жирные зеленые мухи, явившиеся урвать у смерти часть поживы.

— Впечатляет, — скрипнул лекарь, месьор Патарен.

Атрог промолчал. Сотник господину Охранитель мельком позавидовал — на точеном горбо-

носом лице вельможи ни единый мускул не дрогнул. А о таких пошлостях, как тошнота в случае с Атрогом и думать-то неприлично.

— Рюдегер? — Атрог, не поворачиваясь, позвал ликтора. Мордоворот почтительно вытянулся, внимая. — Мигом скачи на Волчью улицу. Я хочу посоветоваться с месьором Гвайнардом. — Кажется, прецедент и впрямь исключительный...

Умного слова «прецедент» Хольм не понял, но уяснил главное — если Охранитель короны призывает в помощь оторвиголов с Волчьей, значит в безымянном проулке ночью потрудился не-человек.

Уяснил — и вздрогнул, будто от холода.

* * *

Надо же, господа охотники изволили явиться всей компанией — вчетвером. Сотник мигом узнал предводителя бесшабашной ватаги — Гвайнарда Гандерландского, человека в Райдоре славного своей безрассудной (как казалось многим) смелостью и, что точно известно, пользующегося благоволением его светлости Варта, коему Ночные Стражи не раз оказывали услуги самого деликатного свойства.

Сразу за месьором Гвайнардом шествовал темноволосый верзила с мальчишески-любопытными синими глазами — чужестранец, не так давно вошедший с маленькое сообщество охотников. Конаном, его, кажется, кличут? Родом откуда-то с Полуночного Заката, поговаривают не то из

Нордхейма, не то из загорной Киммерии. Изрядный человечище — высок, косая сажень в плечах, однако рядом с ликторами Атрога все равно смотрится почти мальчишкой. Тут же и единственная девица, ходящая под водительством Гвайнарда — тьфу, срам, одевается как мужик, так еще и целых два клинка за спиной носит... Последний выглядит сущим заморышем — лет восемнадцать, не больше. Худенький, хлипкий, глядит настороженно, будто людей побаивается. И как такая странная ватага умудряется зломерзких ночных чудищ ловить да умерщвлять? Со стороны глянуть — эти четверо и с обыкновенным медведем-то не управятся. Разве что длинный чужестранец с рогатиной на косолапого пойти может, ибо по всему видно — силен да ловок.

Хольм посторонился, пропуская новопривышшую четверку к месьору Атрогу, следившему за лекарем, каковой пристально оглядывал тело убиенной и делал пометочки стилем на вощенной деревянной табличке. Вслушался.

— Доброго утра, месьор Атрог, — чуть даже развязно поприветствовал Охранителя Гвайнард. — Что за паника ни свет, ни заря? Рюдегер нас от завтрака оторвал — сказал, будто у вас тут неизвестным бесовством попахивает...

— Дерьмом у нас тут попахивает, — мрачно отозвался лекарь. — Натуральнейшим, почти свежим дерьмом из разорванных кишок... Взгляните, месьоры, вам будет интересно.

Хольм не сдержал улыбку, увидев как светло-волосый заморыш из отряда Ночных Стражей до-

казал свою хлипкость — едва завидев объект стараний месьора Патарена, зажал рот ладонью и отскочил к забору, где повторил подвиг сотника — изbleвал утренние кушанья из уст своих. И более к телу не приближался, предпочитая стоять за спинами остальных. Гвайнард же раскрыл рот и глуповато осведомился:

— Это что такое?

— Это? — иронично фыркнул Атрог. — Это самый обыкновенный мертвый труп покойного человека, разве не заметно? Как я уже успел выяснить, означенный труп принадлежит распутной девице из дома свиданий госпожи Альдерры...

— Митра Всеблагой, — подал голос длинный, которого Конаном звать. Сказал ошарашенно: — Точно, я ж ее знаю... Хильд из Чарнины, мы с ней... э... знакомы.

— Были знакомы, — хладнокровно уточнил Охранитель спокойствия. — Отлично, следовательно мы тело уже опознали. Предварительно. Рад, что месьор Конан Канах так хорошо знаком с обитательницами единственного на весь Райдор вертепа. А теперь я попрошу вас сказать, какое существо из тех, что обычно выходят на ночную охоту, могло устроить... такое?

Месьор Патарен отошел, дабы Гвайнард и его соратники могли в полной мере насладиться хужожествами упомянутого Атрогом «существа».

— Я сначала предпочту выслушать многоученого врачевателя, — буркнул Гвайнард. — Вы ведь успели выяснить, что именно послужило причиной смерти?

— Успели, успели, — покивал лекарь. — Причиной смерти послужило разрывание живого человека на мелкие кусочки. Устраивает такое оп-ределение? Конечно, есть еще странная полоса на шее, будто жертву душили, но утверждать, что она сначала была задушена, а потом уже... гм... разорвана, со всей ясностью я не могу. Но согла-ситесь, господа, у того, кто *это* сделал, есть худо-жественный вкус.

— Хватит, — прикрикнул на Патарена месьюр Атрог. — Скабрзные шутки сейчас совершенно не к месту. Займитесь делом, у кого дела нет — может идти домой! Итак?

— Странные раны, — Гвайнард, не выказывая никакой брезгливости присел рядом с трупом. — Это не клыки и не когти. Но тогда что же?

— Полагаю, нечто наподобие очень тонкого и острого стилета, — заметил Патарен. — Однако, раны на груди нанесены одновременно и ран це-лых пять — словно пользовались *одновременно* пятью стилетами. Поверьте моему опыту — это невозможно. Вывод: у убийцы на руках... лапах, были очень длинные, очень острые и очень тон-кие когти, которые могут резать, подобно ножам или ланцетам, использующимся в лекарском ис-кусстве.

Гвайнард поднялся, отряхнул от пыли полоса-тые асирские штаны и пожал плечами:

— Я знаю наперечет полторы сотни разновид-ностей как чудовищ-хищников, так и нечистой силы, но ни единая тварь, за которой по уставу гильдии должна охотиться Ночная Стража не

располагает таким странным набором когтей. Нет, не могу припомнить ничего похожего. Эйнар, а ты?

«Нашел у кого спрашивать, — снисходительно подумал сотник. — У пацана сопливого, который в жизни ничего кроме мамкиной титьки и не ви-дел».

— Подходят только жвалы болотной гронга-ды, — слабым голосом ответил бледный Эйнар. — Но тогда ран было бы не пять, а семь, да и от-куда взяться гронгаде посреди города?

— Тут есть поблизости водоемы? — насторо-жился Атрог и метнул взгляд на Хольма. Сотник развел руками:

— Ни единого, ваша милость. Только река, но она за городом.

— Чепуха, — Гвайнард отмахнулся. — Гронга-да никогда не покидает воду — вытащенная на берег она подохнет через половину квадранса. И раны, нанесенные ее челюстями должны идти па-раллельно, а не веером, как здесь. Кроме того, какой гронгаде, существу бессмысленному, при-дет в голову устраивать эдакое безобразие? — предводитель охотников указал на труп. — Дей-ствовала разумная тварь... Или слишком удачно имитирующая разум.

— Демон? — коротко спросил Атрог.

— Не исключено. Только я не слышал про де-монов, устраивающих из частей тела своих жертв эдакую живопись... Загадка, право. Неужели в округе никто ничего не слышал? Судя по тому, как разделали эту несчастную, она должна была

вопить на всю Британию! По меньшей мере, сначала.

— Не обязательно, — отрицательно покачал головой месьор Патарен. — Возможно я ошибаюсь, но первый удар убийца нанес в утробу, под грудь — и захочешь не завопишь, поскольку крик рождается именно в утробе, а не в гортани. Можно предположить, что действовал сумасшедший — я слышал о безумии, которое побуждает людей убивать себе подобных самым зверским образом, но эта версия совершенно не объясняет наличие таких странных ран и последующего расчленения тела.

Месьор Атрог погладил короткую жесткую бородку и сказал, глядя на то, что осталось от гулящей девицы из заведения госпожи Альдерры:

— Действительно, весьма странно. Конечности отделены от туловища, внутренние органы вынуты и разложены вокруг почти правильным квадратом. Возможно, некий магический обряд?

— Исключено, — серьезно ответил Гвайнард. — Какой маг, находясь в здравом уме, устроит черный обряд среди населенного и оживленного города, пускай даже и ночью? Может помешать стража или припозднившиеся прохожие, магия не терпит присутствия посторонних. Я бы поверил в колдовство, обнаружись тело в какой-нибудь уединенной пещере, на худой конец — в обычном доме. Но тут, посреди улицы? Не верю, хоть кол мне на голове тешите!

— Делаем первоначальные выводы, — проскрипел лекарь: — Тут развлекался не монстр, не

хищник, не демон, не маг. Тогда кто? Человек? С пятью когтями-кинжалами? Причем исключительно острыми?

— А что, это мысль, — оживился Конан, который уже начинал скучать, по роже было видно. — Аквилонские оружейники, к примеру, делают для тяжелых кавалеристов особые латные перчатки с выскакивающими лезвиями... Нет, тоже не то! Во-первых, у торговцев оружием в Райдоре таких перчаток попросту нет — я бы знал, благо постоянно по оружейным лавкам шатаюсь. Во-вторых, раны были бы вовсе не веерообразными, а прямыми. Отпадает.

— Мы проверим оружейников, — кивнул Атрог. — Можете быть свободны, господа. Пока ваши услуги не требуются. Патарен, эту... это тело надо немедленно убрать! Хольм?

— Чего изволите, ваша милость?

— Ночные караулы удвоить. По меньшей мере на ближайшую седмицу. Докладывать обо всем подозрительном мне лично. В любое время. Ясно?

— Как не ясно... Исполним, ваша милость.

— Гвайнард, если нечто подобное повторится — я буду вынужден вновь тебя побеспокоить.

— Сколько угодно. Пока что мы сидим без работы.

* * *

Да, увы, Ночные Стражи в последние дни маялись бездельем. Странности связанные с по-

явлением на стыке Кезанкийского и Грасскальского хребтов портала, связывающего Хайборию и невообразимо древнюю эпоху Роты-Всадника, практически прекратились — Врата Времени начали закрываться, исходящая из них чужая магия почти перестала оказывать воздействие на жизнь райдорцев, следовательно нечисть и чудовища исчезли. Обычных монстров, на которых обязаны были охотиться Ночные Стражи в округе замечено не было — по крайней мере кметы и мелкие дворянчики не приезжали в Райдор, чтобы отыскать дом охотников и пожаловаться месьюру Гвайнарду сотоварищи на очередную зубасто-клыкасто-когтистую чуду таскающую из хлева овец или взявшую привычку пить кровь у невинных девиц и младенцев.

Гвай и его друзья терпеть сидеть сиднем не могли, поскольку все как один были натурами деятельными. Особенно скучал Конан — можно, конечно, отоспаться день-другой, потом заглянуть в уже помянутое заведение госпожи Альдерры, за-сим сходить на реку искупаться, поиграть в кости в таверне «Золотой дракон»... Но скромные райдорские развлечения быстро приедались, а безделье киммерийцу было не по нутру.

И вот — настоящее дело.

— Высказывайтесь, — проговорил командир ватаги усаживаясь за обширный стол, стоявший в доме охотников в обширной комнате, служившей одновременно и арсеналом, и трапезной. — Как вам понравилось зрелище, явленное месьюром Атрогом?

— Это отвратительно, — простонал Эйнар, который и впрямь был слаб на желудок, даром что не человек, а воплощенный Дух Природы, брولайхэн. — У меня до сих пор перед глазами стоит...

— Нас мало волнует, что у тебя стоит, а что лежит, — прикрикнул на Эйнара Гвайнард. — Итак, версий пока никаких. Чудовищ способных нанести подобные раны мы не знаем, хотя... Асгерд, принеси-ка гримуар Беренгария Аквилонского, надо кое что проверить!

Нордхеймская воительница молча встала, сходила в свою комнату и притащила почти неподъемный фолиант в переплете бежевой кожи с металлическими застежками. На обложке было вытеснено название: «Общее совокупное описание существ чудесных и таинственных, в землях Закатного материка обитающих, с пятьюстами рисованными миниатюрами». Мэтр Беренгарий из Тарантии, известный ученый муж и преподаватель Обители Мудрости был славен тем, что посвятил жизнь собиранию сведений о многообразных монстрах, как вполне живых, так и имеющих демоническое происхождение. Все, что ему было известно, мэтр записал в сию книгу, списки с которой находились у любого отряда Ночных Стражей, действовавших к Закату от Кезанкийских гор. Надо сказать, что более подробного справочника по демонологии не существовало.

— Ну-с, давайте посмотрим, — Гвай открыл книгу посередине, там, где говорилось о живых тварях, имеющих скверную привычку охотиться

на людей. — Гронгады... Нет, не то, мы уже выяснили, что наши болотные дружки здесь не при чем. Так. Липеры, арфаксаты, инкунабусы, бальбериты... Как ни жаль, ничего не подходит, даже близко не похоже! Признаться, я в затруднении.

— Давай, как ты любишь говорить, подумаем логически, — вмешался Конан. — Эйнар, возьми стило и пергамент, будешь записывать! Итак, что мы знаем о предполагаемом чуде, выпотрошившем бедняжку Хильд?

— Действует ночью, — внес первую запись Эйнар.

— Не обязательно, — покачала головой Асгерд. — Пока это первое убийство, но могут последовать и другие. И, возможно, тварь убьет следующую жертву днем.

— Согласен, — кивнул Гвай. — Один случай — это вовсе не показатель. Далее. У монстра есть пять острых и длинных когтей, похожих на ножи. Вероятно, только на одной лапе — заметили, все удары наносились справа?

— А еще у него очень болезненное воображение, — дополнил киммериец. — Зачем было вытворять такое с трупом? Может, действительно замешана черная магия?

— Это мы выясним, когда поймем убийцу, — отозвался Гвайнард. — Придется подключать Рэльгонна и его родственничков-упырей. Пусть следующей ночью полетают над Райдором в облике летучих мышей — глядишь, заметят что-нибудь необычное...

Размышления охотников прервал громовой

стук в дверь — казалось, по доскам молотили кулаками каменные големы. Ночные Стражи переглянулись, и Конан пошел открывать.

Каменного голема на пороге не обнаружилось. Зато на крыльце стоял взмыленный сотник Хольм, который и бил по двери рукой в латной перчатке. За спиной почтенного сотника белели унылые физиономии троих городских гвардейцев, напряженно сжимавших короткие пики с ржавыми наконечниками.

— Пошли с нами, — выдохнул Хольм, едва заведя киммерийца. — Второй труп! На этот раз — мужчина!

— Где? — скрупулезно уточнил Гвай, выглядывая из-за плеча Конана.

— В доме купца Эвервульфа, на Цветочной улице. Быстрее! Месьор Атрог за задержку нам головы поотрывает!

— Вам, может, и поотрывает. Как существам насквозь бесполезным, — огрызнулся Конан, снимая со стойки перевязь с клинком. — А Ночные Стражи его милости еще пригодятся. Идем... По дороге расскажешь, что случилось.

Случилось же вот что: достопочтеннейший торговец Эвервульф, человек в Райдоре известный своей зажиточностью, а заодно и невероятной скупостью, нынче днем приехал из Пайрогии, куда возил товар — драгоценные меха пушного зверя. Поскольку купец был не женат, его дом в отсутствие хозяина охранял приказчик, который, заодно, днем надзирал за лавкой месьора Эвервульфа. Вроде бы приказчик приходился

купчине каким-то дальним родственником. Господин торговец, явившись после полудня домой, обнаружил, что дверь заперта, а приказчик на стук не отзывается. Заподозрив неладное, испуганный торговец кинулся в кордегарию стражи — он был почти уверен, что злодей ограбил дом и скрылся. Городские гвардейцы не без труда вскрыли дверь, запертую изнутри на тяжеленный засов, проникли в дом, и обнаружили там... В общем, это надо видеть, месьюры охотники!

— Воображаю... — процедил Гвай. — Эйнар, хорошо что ты не пообедал! Иначе опять рубаху заблужешь!

— Да отцепись ты, — пискнул броллайхэн, заранее побледнев.

На Цветочной улице вновь собралась прежняя компания возглавляемая злым, будто голодный волк, Атрогом. Охранитель спокойствия не припоминал ни единого случая, когда в тихом-мирном Райдоре за день случались подряд два убийства, да еще настолько жутких, а потому во всем винил нерадивую стражу, собственную мягкость и герцога, совершенно распустившего своих гвардейцев, способных только пьянствовать да бегать за юбками. Словом, Атрог метал громы и молнии.

— Явились? — господин Охранитель уставился на охотников так, словно они были его кровными врагами. — Попрошу ознакомиться. Тело... Точнее, то, что от данного тела осталось, находится в спальне.

— Я останусь тут и поговорю с хозяином дома,

— решительно заявил Эйнар и направился к трясущемуся от страха толстяку Эвервульффу, сидевшему на лавке у стены гостиной комнаты. — Итак, почтенный, расскажи, что ты знаешь...

Конан, Гвай и Асгерд отправились вслед за Атрогом.

— Митра Всеблагое! — присвистнул Гвайнард, непроизвольно морщась из-за ужасного запаха, стоявшего в небольшой спальне, где обитал подручный купца. — Это даже интереснее, чем утренняя находка!

— Ты находишь *это* интересным? — ледяным тоном поинтересовался Атрог. — У меня по данному поводу совершенно противоположное мнение. Патарен, что скажешь?

— Его убили глубоко ночью, прямо в постели, — откомментировал низенький лекарь. — Это понятно потому, что свечи, которые могут гореть всю ночь, прогорели лишь на четверть, а их обычно зажигают вечером. Видимо, убийца, закончив свое дело, потушил огонь. В остальном все выглядит почти так же, как и в случае с распутной девицей. Выпотрошили, будто свинью на бойне. И весьма живописно украсили комнату.

— Да уж, живописнее не бывает, — процедил Конан, слотнув сяюну. — Зачем только кишки на стены вешать?

— Ничего поумнее нельзя было спросить? — бросил Гвай и подошел к телу убиенного, лежавшему на пропитанных кровью льняных простынях. — Так-так... Асгерд, посмотри! Теперь удары наносились и справа, и слева! Двумя руками!

Следы такие же, как и на теле Хильд — тонкие глубокие порезы. Голова отделена от туловища... Только зачем было класть ее на тарелку с зеленью?

— Кто тут говорил о глупых вопросах? — невинно поинтересовался киммериец. — Слушайте, у меня такое впечатление, что он был не один! С ним кто-то ночевал! В одной постели! Видите, вторая подушка тоже смята! А ну, зовите сюда хозяина!

— Не пойдет, — покачал головой Атрог. — Эвервульф при виде этого кошмара едва удар не хватил, он человек полнокровный, впечатлительный.

— Ничего, потерпит, — бессердечно заявил Гвай. — У месьора купца в городе репутация изрядного скряги, а такие люди обычно замечают любой непорядок в собственном доме. Кстати, ничего не пропало?

— Пропало, — кивнул Охранитель короны. — Сундучок со сбережениями приказчика, это Эвервульф заметил в первую очередь. Эй, десятник! Привести сюда хозяина! Патарен, накрой чем-нибудь тело, а то выглядит слишком уж не потребно!

Стражники едва ли не насильно приволокли владельца дома. Эвервульф заикался, трясся как в ознобе, но говорить мог достаточно связно. Попутно выяснилось, что убийца покинул дом через окно, выходящее на задний двор — Эйнар тоже не сидел сложа руки и обследовал апартаменты купца от подвала до конька крыши, отыскав

открытые ставни и капельки крови на подоконнике.

— Есть, есть зацепочка! — воскликнул Атрог, получив это сообщение. — С заднего двора, как я понимаю, можно выйти только на Стремянный проезд? А первая жертва была обнаружена как раз в проулке возле Стремянного? Следовательно, безумный убийца — или кто он там? — направился отсюда к Полуночной части города и по дороге убил гулящую девуку! Хольм, немедленно поезжай в тамошнюю кордегардию, встряска из гвардейцев любые сведения о том, что необычного заметила стража ночью или под утро! Пусть расскажут все, до мелочей! Кого видели, какие повозки проезжали! Клянусь честью дворянина, к вечеру мы его поймем!

Конану подумалось, что Атрог погорячился с обещаниями, но столь опытного цепного пса вряд ли могло подвести чутье.

Гвай тем временем расспрашивал купца. Эвервульф, сбиваясь с пятого на десятое, поведал, что его приказчик был человеком порядочным и тихим, бережливым и внимательным, из чужих людей общался только с братьями по ремеслу.

— Один момент, — перебил Эверфульфа предводитель Ночных Стражей. — Ты, почтенный, говоришь, будто пропал сундучок убитого?

— Пропал, ваша милость, — всхлипнул толстяк. — Вот тут стоял, у кровати. Небольшой такой, с медными накладками. На крышке чеканка в виде маленького дракончика.

— Не знаешь, сколько денег там было?

— Как не знать ваша милость, у Барга от меня секретов не было, все-таки единственный племянник, сын покойной сестры моей... Говорил, скоплю пять тысяч шеллинов, собственно дело заведу, женюсь... Там до пяти тысяч монет триста не хватало, все в бритунийском серебре или немедийских ауреях.

— Четыре тысячи семьсот шеллинов? — Атрог понимающе выпятил нижнюю губу. — Изрядный куш. За такие деньги можно пойти и на убийство. Что еще необычного заметил в доме?

— В шкафу с посудой непорядок, — с готовностью ответил торговец. — У меня все в полнейшей аккуратности содержится, а тут — серебряные стаканчики для вина сдвинуты.

— Такие? — мигом отреагировал Гвай, взяв со стола невысокую чарочку из серебра с чернением.

— Именно, ваша милость...

— Хорошо, можешь идти, — сказал Атрог и повернулся к охотникам. — Что же это получается, а, месьоры? Картина начала проясняться. Этот самый Барг совершенно точно ночью находился в доме не один, возможно, с кем-то из знакомых. Искомый «кто-то» пил с ним вино и ужинал, причем не в комнатах для гостей, а в спальне. Засим племянник нашего брюхана был убит самым зверским образом. Сундучок со сбережениями исчез. Заодно убийца попытался весьма небрежно замести следы — убрал из спальни лишнюю посуду, поставив ее в шкаф в трапезной. Не мог же он знать, что господин Эвервульф

окажется столь внимательным хозяином! Вслед за этим наш «некто» вылез через окно на двор, перебрался через забор и отправился в сторону Полуночи по Стремянному проезду. По пути, наткнувшись на девицу Хильд, он прирезал и ее, повторив подвиг, совершенный в доме купца. Это все, что мы знаем.

— Но зачем было превращать трупы в эдакие произведения искусства? — вновь задал набивший оскомину вопрос лекарь Патарен. — В конце концов, все убийства с целью примитивного ограбления совершаются куда проще — нож в спину, топором по голове... Зачем?

— Сбить с толку дознавателей, — пожал плечами Конан, за последние годы успевший ознакомиться со многими представителями власти разных государств, расследовавших противозаконные действия не слишком добропорядочных киммерийцев. — Постойте-ка! Гвай, Атрог, сойдите с ковра! Эт-то что еще за чудеса?

Киммериец совершенно случайно заметил, что край потертого туранского ковра, украшавшего спальню, был словно нарочно измазан углем, которого здесь просто быть не могло — лето стояло жаркое, камин в комнате не топили с весны и он был как следует вычищен. Конан отбросил ковер в сторону и взорам производивших дознание людей предстала весьма странная картина, изображенная углем на добела выскобленных досках пола.

— Магия, — уверенно сказал Патарен. — Точно, магия!

— Десятник! — взвыл Атрог. — Немедленно в замок! Взять за шиворот придворного алхимика и притащить сюда! Откажется — сковать по рукам и ногам и все равно притащить!

Охотники понимающе улыбнулись. Все обитатели Райдора, а особенно люди, приближенные к двору его светлости, отлично знали, что господин Охранитель короны и полусумасшедший герцогский алхимик ненавидели друг друга столь искренне, что если бы можно было направить энергию, которую они затрачивали на козни друг против друга в мирное русло, то за одну ночь в Райдоре, самое меньше, воздвигся бы еще один замок короны или другое, не менее впечатляющее строение... Алхимик, месьор Аделард, являлся откровенным шарлатаном, но, как ни крути, разбирался в магии куда лучше всех присутствовавших в доме торговца мехами. И сейчас Атрогу и Ночным Стражам настоятельно требовался его совет.

...Некто, предположительно убийца, довольно небрежно изобразил на полу вписанную в круг пентаграмму, каковая является символом некромантии. По окружности были вырисованы непонятные магические символы, перемежаемые буквами самого распространенного на Закате аквилонского алфавита, которым пользовались и в Бритунии.

Конан сбегал за Эйнарм, владевшим магией Равновесия, как и полагается всем Духам Природы. Броллайхэн, стараясь не смотреть на стены и кровать, бросил краткий взгляд на рисунок, од-

нако отказался что либо объяснять — нарочно магии Эйнар не учился, его умения были изначальными, врожденными. Потом позеленевший от мерзкой вони броллайхэн отбыл обратно, в гостиную комнату.

Спустя два квадраса королевские гвардейцы привезли месьора Аделарда — вздорного низенького старикашку со взглядом безумца и клочковатой седой бороденкой. На его прожженную во многих местах синюю мантию, украшенную таинственными символами и высокий колпак со звездочкой на верхушке смотреть без смеха было невозможно — никакой уважающий себя маг не таскает столь дурацкое облачение, предпочитая одеяния соответствующих магических конклавов или обычную одежду.

— Прокляну! — тоненько завизжал Аделард едва увидев господина Охранителя. Ночные стражи, не сговариваясь, поморщились: голос алхимика напоминал скрип давно проржавевших дверных петель. — До тысячного колена прокляну тебя и весь твой род! Проклятые головорезы оторвали меня от важнейшего опыта, результатов которого ожидает сам светлейший герцог! Да я...

Тут Аделард осекся, увидев то, что находилось в комнате. Вперед вышел Гвай, решив, что следует немедленно предотвратить назревающий скандал — Атрог уже набрал в легкие воздуха, чтобы дать шумливому алхимику достойную отповедь.

— Месьор Аделард, это я позвал тебя, — вежливо сказал Гвайнард, отлично зная, что алхимик

кое-чем обязан Ночной Страже, блестяще разрешившей загадку «Короля крыс», виновником появления которого был как раз полоумный старикан, не столь давно недоглядевший за своей коллекцией артефактов и вызвавший к жизни странное существо, поселившееся в катакомбах под герцогским замком. — Мы опасаемся, что столкнулись с опаснейшей черной магией. Видимо, в этом доме был совершен чудовищный обряд поклонения Тьме с человеческим жертвоприношением... Нам необходим твой мудрый совет. Что это такое?

И Гвайнарда эпическим жестом указал на изображенное углем непотребство.

Алхимик надулся, будто гусак — любил лести и громкие слова. Аделарду всегда хотелось прослыть великим борцом с Тьмой, но пока никак не получалось, ибо всех порождений означенной Тьмы в Райдоре с успехом изводили охотники на монстров под водительством Гвайнарда.

— Давайте взглянем, — высокомерно проговорил алхимик и нагнулся над рисунком. Долго изучал, беззвучно шевелил губами, бормотал непонятные словеса — короче говоря, набивал себе цену. Наконец Аделард поднял взгляд на Гвая, показно игнорируя месьора Атрога, наблюдавшего за «придворным магом» с откровенной брезгливостью.

— Ничего не понимаю, — пожал плечами старик. — Бред, бессмыслица. Пентаграмма — это всем известный символ, используемый в темной магии. Символы означают все что угодно — зна-

ки планет, звезд, обозначения государств Заката, принятые в тайнописи, несколько аквилонских букв не складывающиеся в слова... Данное изображение ровным счетом ничего не означает.

— Неужели? — озадачился Гвай. — Но как же так?..

— Человек рисовавший это, совершенно не разбирается в колдовстве, — уверенно сказал алхимик. — Неосмысленный набор символов, большинство из которых вообще не имеет отношения к магическому искусству. Если бы автору рисунка требовалось вызвать из Черной Бездны демона, совершив при этом кровавое приношение, то лучи звезды должны быть расположены по другому — вершина, на которой должен быть начертан знак «алеф» обязана смотреть на Полночь, а кроме того...

— Все понятно, — сквозь зубы процедил Атрог, перебивая. — Избавь нас от лекций по некромаггии. Можешь быть свободен.

Алхимик метнул на господина Охранителя такой взгляд, что им можно было прожечь лист стали, пошевелил кустистыми бровями, раскланялся с Гвайнардом и отбыл домой, в свой провонявший серой и купоросом флигель, пристроенный к замку герцога.

— Похоже, нас действительно попытались сбить с толку, — заключил Атрог. — Убийца знал, что когда найдут тело, стража обязательно обратит внимание на рисунок под ковром и начнет подозревать какого-нибудь мага. Но поскольку в Райдоре маг всего один, и тот умалишен-

ный, мы делаем вполне естественный вывод — колдовство тут не при чем. По счастью дознанием занялись не туповатые бездельники из здешней кордегардии, а я и Ночные Стражи, у которых мозгов тоже хватает с избытком. Что будем делать дальше, месьоры?

— Ищите женщину... — задумчиво сказал Конан, прервав затянувшуюся паузу. — Месьор Барг не был одет, надеюсь это вы заметили? Только исподнее, нижние штаны. Ночная рубаша снята. Вино, ужин в постели... Если он не страдал предосудительными пристрастиями, то вывод один — к Баргу приходила женщина. Или все-таки мужчина?

— У нас в Райдоре такой вид сожителства запрещен, — напомнил Атрог. — Здесь вам не распутная Стигия. Давайте осмотрим подушки... Есть! У месьора Барга волосы короткие и светлые, а вот на второй подушке...

Господин Охранитель спокойствия короны двумя пальцами поднял с окровавленной подушки длинный темный волос. Несомненно, женский.

— Конан, бросай ремесло охотника на чудовищ и иди на службу ко мне в управу, — усмехнулся Атрог. — Жалованием не обижу. Впрочем, это изначально было почти очевидно — в гостях у Барга была женщина.

Киммериец промолчал.

— Женщина... — с сомнением покачал головой Гвай. — Не верю я, что женщина способна на такое.

— А друг мой, любое человеческое существо способно на многое, очень многое, уж поверьте старику, — просипел месьор Патарен и обратился к Атрогу: — Ваша милость, мне кажется, что следует незамедлительно допросить всех знакомых Барга, не исключая и господина Эвервульфа. Может быть, убитый кому-то рассказывал о своей сердечной привязанности, возможно, соседи видели, как в дом приходит некая... Э... прекрасная незнакомка?

— Незнакомка, у которой на руках есть когти-лезвия длиной в половину локтя? — вздернул бровь Атрог. — Отлично, так и поступим.

Разговор с купцом ничего не дал — Эвервульф заявил, что его племянник был человеком благочинным и посторонних девиц в дом не водил, а постоянной сердечной привязанности у него не было. Допрос, учиненный соседям купца, живших в близлежащих домах тоже не дал результатов — покойного Барга считали тихим и застенчивым человеком, которого никак нельзя было назвать волокитой. Одно время он «дружил» с дочерью лавочника Атаульфа с соседней улицы, но она два года назад вышла замуж за гуртовщика и теперь живет в Чарнине.

— Все это весьма странно, — недовольным тоном сказал Атрог, барабанив пальцами по столу. — Так или иначе я распоряжусь, чтобы стража проверила, действительно ли дочурка этого Атаульфа находилась в Чарнине минувшей ночью — придется в столицу провинции гонца посылать. Вот интересно, а куда Хольм запропастился? Неу-

жели так сложно было проверить кордегарию полуночных кварталов? Уже целых полтора колокола копаются! Можно подумать, что у нас не провинциальный городок, который можно пройти пешком из конца в конец за два квадранса, а огромная столица великого королевства вроде Аквилонии!

Однако, сотник был легок на помине: пожилой служака с грохотом вломился в дом. Глаза у Хольма были совершенно шалые.

— Что такое? — подался вперед Атрог, мигом почуяв неладное.

— Еще один труп, ваша милость, — единым духом выпалил сотник. — То же самое... В веселом заведении госпожи Альдерры!

— Любопытно... Крайне любопытно! — пробормотал месьор Охранитель, в чьем взгляде появился азартный блеск. — Месьор Гвайнард, ты со своими друзьями не откажешься меня сопровождать? Кажется, мы взяли след, причем настолько отчетливый, что добыча окажется загнанной не позже заката солнца!

Сейчас Конан был склонен поверить словам Атрога. След и впрямь был четким!

* * *

Единственное дозволенное герцогской властью ночное увеселительное заведение, носившее легкомысленное название «Синяя розочка», располагалось в большом двухэтажном доме, окрашенном в нежный голубоватый цвет. Над входом,

как и предписано законом, красовались два огромных кхитайских фонаря затянутые красным стеклом.

«Розочка», само собой разумеется, днем закрывалась — девочки должны были отдыхать от праведных ночных трудов, то же самое касалось поваров и прислуги.

Но сегодня размеренная жизнь владений госпожи Альдерры была грубейшим образом нарушена: в обширном и украшенном с пошлой роскошью холле толпились городские гвардейцы, причем значительная их часть с неприкрытым любопытством рассматривала обстановку и gobелены с вытканными рисунками весьма фривольного содержания — Райдор город с патриархальными нравами, большинство стражников являются людьми семейными, немолодыми, степенными и совершенно чуждыми подобным развлечениям. При одном упоминании о «Розочке» моментом получишь от благоверной женушки скалкой по голове!

Гремя подкованными сапогами месьор Атрог, за которым спешили Ночные Стражи и ликторы его милости, ворвался в заведение подобно вихрю. На месьора Охранителя было страшно смотреть — не человек, а воплощение карающей длани правосудия. По его приказу были незамедлительно перекрыты все входы-выходы, поставлена Охрана возле окон и на лестницах.

Привели перепуганную хозяйку — пышнотелую госпожу средних лет с завитыми золотистыми волосами, коровьими ресницами и блеклыми

сероватыми глазами. Атрог только губы поджал, осмотрев ее полупрозрачное воздушное одеяние резких радужных цветов, отороченное, вдобавок, бесценными офирскими кружевами.

— Девоч по комнатам заперли, — отрапортовал Хольм. — На каждом этаже поставлено по три городских гвардейца, второй десяток — во дворе. Мышь не проскользнет!

— Хотелось бы верить, — хмуро буркнул Атрог. — Где тело, показывай.

— Так это... — сотник неожиданно смутился. — Убиенная, извиняйте, в нужнике.

— Тогда пойдем в нужник, — бесстрастно сказал господин Охранитель. — Веди.

Весьма необходимая деревянная пристройка находилась во дворе дома, справа от конюшни и представляла собой довольно внушительно дощатое сооружение, разделенное на четыре части: две «для дам», еще — две для посетителей «Розочки» противоположного пола. Обустройство нужника было вполне приличным. Никаких тебе вульгарных дырок в грязных досках, вовсе даже наоборот — над отверстиями поставлены медные начищенные вазы без днища, на крючках — полотенца и губки, тут же рукомойники наполненные водой. Неброская роскошь.

— Как в лучших домах Султанапура и Ианты, — фыркнул опытный в подобных делах киммерец. — Вот помню, заглядывал я в веселый дом «Врата Ста Наслаждений»...

— Оставь воспоминания при себе, — нахмурился Атрог. — Хольм, я что-то не вижу тела.

— В соседней будочке, ваша милость, — вздохнул сотник. — Извольте взглянуть.

Но и за соседней дверью труп тоже не обнаружилось. Только стены, пол и потолок были залиты подсохшей кровью — ни дать, ни взять, маленькая скотобойня. Конан подумал о том, что в человеке наверняка не может помещаться столько крови — здесь, скорее, упитанного быка забили.

— Где? — сдвинул брови Атрог косо взглянув на сотника.

— Внизу, — тяжело вздохнул Хольм. — В яме, ваша милость.

— Ну знаете... — тут даже невозмутимого Охранителя короны проняло. — Доставайте!

— Как — «доставайте»? — заикнулся Хольм.

— Руками. И, желательно, побыстрее. Гвай-нард, нам пока следует допросить хозяйку, это ведь она первая сообщила об убийстве?

Вернулись в дом. Госпожа Альдерра затопила своей тушей кресло в главной зале и прикладывала к мокрым глазам пестрый шелковый платочек. На Атрога и возвышавшихся за его спиной охотников хозяйка воззрилась с нескрываемым страхом, и было непонятно, боится ли она таинственного убийцы, или опасается, что после столь ужасного происшествия «Розочку» закроют, лишив саму владелицу заведения и ее развеселых девочек источника доходов.

— Так-так... — надменный Атрог скрестил руки на груди и сверху вниз посмотрел на залитую слезами хозяйку. — Госпожа Альдерра, она же

Берта Лорн из Пайрогии. Одного не понимаю, почему все представительницы вашего древнего ремесла берут себе вымышленные имена? Впрочем, к дознанию это не относится. Итак, я... Мы хотели бы узнать, что здесь случилось. Во всех подробностях.

— Ох, ваша милость, — глубоко вздохнула госпожа. — В жизни ничего подобного не видела, кошмар-то какой! А наша репутация...

— Хватит! — рявкнул Охранитель. — Отвечать на вопросы! Кто первым обнаружил труп?

— Я, ваша милость! — по лицу Альдерры-Берты потекли крупные слезы. — Утром, когда заведение закрывается и посетители расходятся, я всегда сама обхожу дом и пристройки, поглядеть, нет ли где беспорядка.

— Даже нужники? — вздернул бровь Гвай.

— Конечно. Нужно, чтобы там чисто было, и вообще... Вот с утра захожу, а там...

Хозяйка не выдержала и по-бабьи зарыдала в голос. Лишь спустя квадранс от нее удалось добиться более или менее внятных объяснений. Со слов Альдерры выходило, что сразу после рассвета она обнаружила в будке на дворе кровавый потоп, причем кровь была свежая, еще алая. Гости дома свиданий к тому времени ушли, да и было-то их за ночь всего ничего — двое наемников, сопровождавших задержавшийся в Райдоре караван, молодой купец из этого же каравана и двое постоянных посетителей — стряпчий Гуго с улицы Кузнецов, да неженатый владелец шорной мастерской, живущий в Полуденном квартале.

Атрог взглянул на одного из своих ликторов, верзила понял приказ без слов, молча кивнул и исчез — управитель жаждал видеть названных персон самолично и незамедлительно.

— Наемники были вооружены? — спросил Конан. — Я имею в виду, было ли при них какое-нибудь необычное оружие?

— Только кинжалы, — не раздумывая ответила хозяйка. — Город у нас спокойный... был... Так зачем же людям по Райдору с мечами или арбалетами разгуливать? Теперь, видать, придется.

— Могу заверить, что Райдор так и останется спокойным городом, — хладнокровно парировал Арог. — Никто из твоих девиц на ночь не уходил?

— Вроде бы нет, — на сей раз неуверенно ответила госпожа Альдерра. — Когда посетителей мало, я за свободными от работы девочками не слежу.

— Как еще можно выйти из заведения? Кроме парадного входа? Незаметно?

— Через калитку, со двора. Но она запирается на ночь.

— На замок, или на засов?

— Только на засов, изнутри ее можно открыть. Утром я проверила, калитка была закрыта.

— Криков или чего-нибудь необычного никто не слышал?

— Н-нет.

— Какая-нибудь из девушек пропала прошлой ночью?

— Не знаю... Городские гвардейцы не пускают меня в комнаты наверх, сказали, что ожидают распоряжения вашей милости.

Атрог выразительно посмотрел на охотников. Ночью была зарезана по меньшей мере одна из красоток «Розочки», а хозяйка ничего не знает! Хороша! Дура старая...

Тут в разговор влез Гвай, которому пришла в голову очередная дельная мысль:

— Госпожа, ответь, в доме есть библиотека? Книги?

— Совсем немного, девочками книги не интересны, а уж гостям тем более. Они сюда не ученые трактаты изучать приходят!

— Мы хотим их осмотреть. Можно?

— Извольте.

Хозяйка проводила всю честную компанию в свои покои. Обычный будуар не слишком молодой, но все еще привлекательной дамы — пышная постель, множество занавесей, балдахин, безделушки на полочках, перед огромным серебряным зеркалом коробочки с пудрой, белилами, румянами и прочими необходимыми всякой женщине предметами вроде гребней, заколок для волос и драгоценностей.

На отдельной полке громоздилось восемь больших книг в разноцветных кожаных и деревянных переплетах. Именно они и интересовали Гвайнарда.

— Поглядим, что у нас тут есть, — бормотал командир Ночных Стражей. — Вендийский трактат «О любви». Не то... «Жизнеописания величай-

ших и знаменитейших куртизанок со времен Сигиберта Великого и по наши дни с миниатюрами и комментариями». Тоже отбрасываем. Так! А это что за книга?

— Один из гостей забыл, когда-то давно, — пожала плечами хозяйка. — Я и положила к себе — мало ли, вернется однажды и вспомнит о потере?

Гвайнард держал в руках не слишком большой, но увесистый том с нарисованным на черной обложке багровым глазом внутри треугольника. Название на первой странице гласило: «Все, что нужно знать обычному человеку о магии, колдовстве, демонах и опасностях, кои они представляют».

Быстро пролистав книгу, Гвай продемонстрировал всем присутствующим картинку, очень похожую на ту, что была вырисована на полу в доме купца Эвервульфа. Такая же пентаграмма, только без лишних символов. На следующей странице, кстати, был приведен список много-различных значков, применяемых в магии с разъяснениями. Но самое интересное было в другом. На плотном пергаменте, под взятой в круг пятилучевой звездой, был ясно виден отпечаток женского ногтя, будто неизвестная читательница хотела запомнить именно этот символ и отметила его вполне обычным для женщин способом.

— Похвальная внимательность, — одобрил Гвайнарда месьор Охранитель, развернулся на каблуке и устремил грозный взгляд на Альдерру:

— Кто из твоих распутниц мог читать эту книгу? Кому ты ее давала?

— Никому, ваша милость, — испугалась хозяйка «Розочки». — Хотя, мои комнаты всегда открыты, я девочкам доверяю, мы все живем как одна семья! Они могут взять у меня белила или украшения, но потом всегда возвращают! Что такого предосудительного в этой книжице? Трактат по черному колдовству?

— Месьор Атрог? — с порога комнаты донесся грустный голос сотника Хольма и тотчас по будуару Альдерры начал распространяться тонкий, но весьма недвусмысленный запах, забивавший густой аромат благовоний хозяйки. — Достали тело... Девица, из здешних.

— Иштар Добросердечная! — пискнула Альдерра, готовясь упасть в обморок.

— Идем! — воскликнул Атрог и первым выбежал на лестницу. Сердобольный Эйнар вел под руку задыхающуюся от подавляемых рыданий хозяйку.

Описывать извлеченные из недр выгребной ямы останки смысла не имеет — труп имел примерно такой же вид, как и первые два мертвеца. По счастью кто-то из десятников городской гвардии догадался вылить на тело и сложенные в кучку отдельные части одного десятка-другой ведер воды, чтобы хоть немного очистить от мерзостного субстрата, в коем они доселе пребывали. Несколько городских гвардейцев, втихомолку сквернословя, отмывались возле бочки с дождевой водой.

— Узнаешь? — безжалостный Атрог указал на тело и слегка подтолкнул владелицу «Розочки»,

которая находилась на грани истинно женской истерики, которую уже ничем не остановишь. — Имя?

— Ха...Ханна-а... из Нумалии... — взывала госпожа Альдерра, царапая лицо ногтями. — Работала у нас пять ле-ет...

— Хольм, уведи хозяйку в дом. Пусть ей нальют вина, — сквозь зубы процедил Атрог. — А заодно заberi у нее ключи от всех дверей! Господа охотники, нам придется самым тщательным образом обыскать дом. Каждый уголок! Перетряхнуть личные вещи всех девиц и прислуги! Даже мышиные норы обшарить! Меня интересуют две вещи. Во-первых, оружие убийства, если таковое существует, во-вторых, похищенный у убитого Барга сундучок с деньгами. Начнем немедленно.

— Комнаты девиц пусть осматривают Асгерд и Эйнар, — предложил Гвай. — Асгерд — человек внимательный, кроме того, она все-таки женщина, ее будут меньше стесняться.

— Согласен, — кивнул Охранитель. — Госпожа Асгерд, возьмите с собой двоих городских гвардейцев, пусть стоят у дверей, пока вы будете обыскивать комнаты.

Осмотр начали с пристроек и конюшен — пусто, никаких следов. Затем Атрог, Конан и Гвай переместились в дом и предводитель охотников предложил устроить последовательный обыск «снизу вверх», сиречь сначала изучается подвал, затем первый этаж зданий, потом второй, и в финале — чердак. Охранитель вновь согласился.

«Сейчас «Розочка» более всего походила на

осажденную крепость. По распоряжению Хольма дом взяли в плотное кольцо оцепления городские стражи, согнанные сюда почти со всего Райдора, постепенно на улице перед фасадом начала собираться толпа — по городу уже пошли слухи о кошмарных убийствах и обыватели, видя строгости, с которыми Охранялся веселый дом госпожи Альдерры немедленно сделали вывод, что убийца скрывается именно там. Среди праздных райдорцев, глазевших на «Розочку» уже начали раздаваться возгласы о том, что этот вертеп давно следовало сжечь, а через ограду даже перелетело несколько увесистых камней, один из которых попал в окно. Атрог, как человек жесткий, немедленно приказал конной страже разогнать толпу — никаких беспорядков в городе месьор Охранитель спокойствия короны терпеть не собирался!

Подвал оказался всего лишь обычной подвалом. Здесь, как и полагается, хранились бочки с вином, продукты на леднике, старая мебель и всяких хлам, от картин в разбитых рамах, до грязных простыней, еще не отданных прачкам. Первый этаж дома осматривали почти до шестого полуденного колокола — комнаты для гостей, кухня, помещения для слуг — пусто!

А вот наверху Атрога и сопровождавших его Ночных Стражей ждал сюрприз. Для начала, к ним подошла Асгерд и сообщила, что они вместе с Эйнарсом общарили все девичьи комнаты и говорили со всеми подчиненными госпоже Альдерре красотками — всего их было двадцать во-

семь, но после ночных событий осталось двадцать шесть. Само собой, все девицы клянутся именами Митры, Иштар и прочих богов, что минувшей ночью «Розочку» не покидали и об убийствах ничего не знают.

Комнаты убитых тоже осмотрены — ничего особенного.

— Мы только в одно помещение не могли попасть, — сказала Асгерд. — Комната в самом торце коридора, причем, как я понимаю, довольно большая. Заперта на ключ.

— Конан, ты ведь частенько бываешь в «Розочке»? — повернулся к киммерийцу Гвай. — Что там такое?

— Не имею ни малейшего понятия, — пожал плечами варвар. — Ни разу туда не заходил. Обычно я развлекаюсь внизу или... гм... вот тут, с прелестницей Даирой. Она родом из Турана.

Киммериец указал на ближайшую дверь с нарисованным розовым сердечком.

— Согласен, очаровательная девушка, — кисло сказал Эйнар. — Только — дура душой.

— При ее ремесле умной быть вовсе не обязательно, — огрызнулся Конан. — Пойдем глянем, что за пещеру дракона скрывает госпожа Альдерра.

Атрог долго подбирал надлежащий ключ, вернее ключи — дальняя дверь, оказывается, запиралась сразу на два хитроумных шемских замка. Наконец, варвару надоели неосмысленные действия Охранителя, он вежливо, но непреклонно отобрал у Атрога ключи и вспомнил азы искусств-

ва «ночных цирюльников», коим в славном городке Шадизаре много лет назад обучал невежественного киммерийского дикаря развеселый ворипка Ши Шелам.

— Пра-апу! — замки быстро сдались и Конан, явно рисуясь, толкнул створку двери. — Ого! Ничего себе!

— Крайне, крайне любопытно... — повторил свою любимую фразочку месьор Атрог, входя в мрачную комнату с наглухо затворенными ставнями. — Эй, десятник! Быстро сюда лампу или факел!

Доставили затянутый слюдой зажженный фонарь с зеркальцем, усилившим свет фитиля. Атрог так и замер на пороге. Гвай замысловато присвистнул, Конан выругался по-киммерийски, Эйнар охнул, Асгерд поджала губы.

Ни дать, ни взять — пыточная. Шикарно обставленная пыточная со всеми надлежащими инструментами, дыбой, и, почему-то широкой кроватью у стены. К спинке кровати у изголовья зачем-то приделаны металлические кольца с цепями наподобие кандалов. Стены увешаны экзотическим оружием и совершенно непонятными железяками, больше похожими на морских ежей. Как разительный контраст — белейшие шелковые простыни на постели и шикарный, очень дорогой иранистанский ковер на полу.

— Альдерру сюда, быстро... — очень нехорошим голосом проговорил Атрог. — Боюсь, теперь простым закрытием «Розочки» ожиревшая стерва не отделается. Самое меньшее — два года заклю-

чения в Гайрогийской тюрьме! Это я ей могу пообещать твердо!

Явилась владелица заведения, слегка отошедшая от первого потрясения. Но глаза у нее все равно были красными, а веки распухли. Атрог налетел на хозяйку, будто коршун на цыпленка:

— И как прикажете такое понимать? — тоном балаганного злодея из представления наподобие «Красавица и колдун» прошипел месьор Охранитель. — Что это значит? Его светлость Великий герцог Райдорский дозволил открыть в своем городе твой вертеп, но с *соблюдением всех правил приличия!* Если, конечно, я правильно помню эдикт светлейшего... А на память я обычно не жалею! Жду развернутых объяснений!

— Ваша милость, так это... — Альдерра запнулась на полуслове, но собралась с силами и продолжила. — Понимаете ли... Некоторые посетители такое любят.

— Что — любят? — грозно рявкнул Атрог.

— Пласти там, например, хотят чтобы их много поладили хлыстиком, к постели приковали... Ничего необычного, ваша милость! Подобные кабинеты есть во всех домах свиданий в Аквилонии и Немедии, так я и подумала, что и нам не след отставать от цивилизованных государств!

— Под хвостом у Сета я видел такую цивилизацию! — сказал месьор Охранитель, постепенно остывая. — И что же, все эти клещи и зингарские сапоги используются?

— Де нет же! — в сердцах воскликнула Альдерра. — Я собрала в этой комнате инструменты

и оружие только для создания, так сказать, антуража! Чтоб красивее было!

— Весьма странное понятие о красоте, — холодно заметил Гвай. — И что, твои красотки с радостью... кхм... работают здесь?

— Нет-нет, никакого членовредительства не допускается! — залебезила хозяйка. — Я берегу здоровье девочек, а если мы обидим гостя — будет еще хуже! И потом, посетители, которым требуются подобные услуги появляются довольно редко. С ними проводят время только двое из моих девиц — Ханна и Юнь-Ши, кхитайнка, великая искусница, у них в Кхитае куртизанок учат многому...

— Ханна? Которая была найдена убитой в нужнике? — уточнил дотошный Атрог.

— Она самая, ваша милость, да будет вольготно ее душе на Серых равнинах...

Разговор сей, надобно заметить, происходил не в самой «пыточной», как немедленно окрестил мрачную комнату варвар, а на пороге. Альдерра, Гвай и Конан стояли в коридоре, Атрог под дверным проемом, сразу за его спиной — Асгерд с Эйнармом. Таким образом, видеть то, что происходило в темной комнате, освещенной лишь тусклым фитилем фонаря могла лишь хозяйка, да и той мешали Охранитель и двое охотников, загораживающие обзор.

Только внимательному Конану показалось, что за спиной Атрога мелькнула неясная тень, но он тотчас списал свое видение на неровный свет лампы, дающий блики на стены.

Бурные события начались тогда, когда в «пыточной» послышался металлический звук, очень похожий на щелчок язычка замка.

* * *

— В чем дело?..

Атрог мгновенно развернулся и успел заметить, что одна из деревянных панелей, коими была покрыта стена комнаты слева закрылась, подобно двери — тогда же и прозвучал второй щелчок. Потайной ход?

— Отсюда есть выход в другие помещения? — Охранитель сгреб ладонью кружева на легкомысленном платье Альдерры и с ненавистью задышал ей в лицо. — Отвечать, тварь!

— К-конечно... — пискнула хозяйка. — Только в комнату Юнь-Ши, она соседняя! Прямой проход!

Конан в один прыжок преодолел расстояние, отделявшее его от следующей двери (она украшалась замысловатым иероглифом) и толкнул притвор плечом. Створка не поддавалась, было заперто изнутри.

— Именем герцога и закона — открыть! — оглушительно взревел Атрог, но ответом на его громоподобный возглас стал лишь приглушенный звук бьющегося стекла.

— В окно сиганула, — моментально понял Гвай и стремглав ринулся к лестнице в ведущей вниз. За его спиной грохотали сапоги быстрого киммерийца. Все остальные, не исключая владелицу «Розочки», побежали за ними.

Гвай с Конаном вылетели на высокое крыльцо дома, будто два камня, выпущенные умелым пращником. Со стороны фасада, от стен здания до ажурной ограды, располагался пышный цветник, стражу здесь не выставили — отчасти потому, что было жаль топтать такие красивые цветы, частично оттого, что на улице за оградой стояли в оцеплении хмурые городские гвардейцы.

В тот самый момент, когда киммериец и Гвай-нард появились на крыльце, невысокая гибкая женщина уже перемахнула через изгородь и тотчас на улице раздались сначала изумленные, а потом и яростные крики. Громыкнули копыта лошади.

— Что здесь? — выдохнул Гвай, выскочив на широкий, мощеный камнем проезд и сразу увидел двух подчиненных сотника Хольма, валявшихся в лужах собственной крови — первого гвардейца мерзавка располосовала их своим страшным оружием от шеи до пупка, второму почти снесла голову — она болталась только на кожном лоскуте.

— Демон, ей-ей демон! — орал десятник, отвечавший за оцепление. — Месьоры, она в какой-то миг убила копейщика, потом стянула конного гвардейца с лошади и башку отрубила! Лошадь забрала... У нее сплошные железные когти на руках, страшные — жуть!

«Нет, демоны тут не при чем, — молнией пронеслось в голове киммерийца. — Это оружие, неизвестное нам, но все-таки оружие! Надо дого-

нять, а то уйдет! Через открытые ворота городской крепости стерва проскочит беспрепятственно, а дальше — ищи ветра в поле!»

Конан молча рванул к коновязи, возле которой перетапывался с ноги на ногу его верный Гнедой — зверь, имевший полнейшее сходство с конем, однако, таковым совершенно не являвшийся. Эти чудовища водятся в мире Аурус, в который человек может проникнуть через Врата, находящиеся в дебрях Полуночной Бритунии. Сартак значительно умнее, выносливее и быстрее любого породистого коня, он может запоминать слова человеческого языка и произносить некоторые из них, а самое главное — является плотоядным хищником с пастью, полной острейших зубов, каким любой тигр позавидует. Кроме того, у сартаков великолепное чутье. А с виду и не скажешь: лошадь лошадью.

Варвар не запрыгнул, а буквально взлетел в седло и шлепнул Гнедого ладонью по шее. Никаких других команд можно было не отдавать — понятливый скаковой монстр мигом взял с места аллюр «в три креста» и, едва не сшибив собравшихся вокруг погибших товарищей городских стражников, стремглав бросился вслед за беглянкой.

Нельзя сказать, что Райдор — город запутанный, это вам не древняя Тарантия или величественный Бельверус. От возвышающейся над Райдором скалы, увенчанной трехбашенным замком Великого герцога, веером отходили три главных проезда, ведущие на Закат, Полуночный и Полу-

денный Закат соответственно. Прочие улицы лишь соединяли меж собой главные «перспективы», ведущие к воротам крепости, окружавшей город.

Что-то, а два несущихся во весь опор всадника навели в благочинном Райдоре такую панику, что о ней вспоминали и десять лет спустя. Падали лотки уличных торговцев, лошади сбивали с ног прохожих, подкованные копыта высекали из камней мостовой синие искры... В значительном отдалении от первых двух конников гроыхала основная погоня, возглавляемая Гвайнардом и Атрогом — еще полтора десятка всадников, включая конную гвардию.

Как Конан и предполагал, девица миновала городскую заставу без каких-либо трудностей — ворота были открыты, стража маялась игрой в кости и, вроде бы, даже не поняла, что за страшный ураган пронесся мимо караулки. Далее начинался тракт, ведущий на Чарнину, и далее к столице королевства.

Беглянка, однако, была не так проста. Поскольку сразу за стенами Райдора начинались густые полуночные леса, она повернула коня на близлежащий проселок, надеясь затеряться в чаще. Это и стало фатальной ошибкой. Лесная дорога через треть лиги выводила к реке с глуповатым названием «Быстротечная». Как и полагается, через поток был наведен деревянный мост, однако, провинция есть провинция — мост не подновлялся лет эдак десять и предназначался для телег кметов, а вовсе не для бешеной скачки.

Лошадь девицы из заведения госпожи Альдерры пробила копытом подгнившие доски и со всего размаху упала. Всадница вылетела из седла, но жизнь ей спало то, что она упала в воду, у самого берега Быстротечной.

Киммериец остановил сартака и побежал вниз — видел, что непотребная девка выбирается из реки и хочет спрятаться в густейших ивовых зарослях. Конан успел перерезать ей дорогу.

— Милая, кажется мы уже виделись? — пока варвар не спешил обнажать меч, хотя те штучковины, что были надеты на руки кхитайнки ему абсолютно не нравились. — Помнится, дней пять назад ты даже предлагала мне свои услуги, но я предпочел свою старую любовь — Наиру...

— Уйди по-хорошему, — с присущим подданным Поднебесной хладнокровием сказала Юнь-Ши. — Уйди, и останешься жив!

— Не понимаю, почему у такой хорошенькой девушки, столь кровожадные наклонности, — улыбнулся Конан, стараясь потянуть время. Гвай и остальные должны были скоро подъехать, если, конечно, свернули на нужную дорогу. — Резать на кусочки девиц из собственного борделя, убивать любовников из-за жалких четырех тысяч шеллинов, угрожать Ночному Стражу, находящемуся при исполнении... Ай-ай, как скверно!

— Я предупредила, — бросила Юнь-Ши, прищурился и без того узкие глаза.

А дальше началось такое, что у Конана в глазах потемнело.

Он и прежде заметил, что на руки кхитайнки

было надето нечто вроде весьма необычных латных перчаток, не сковывавших, однако, движения пальцев. Юнь-Ши вдруг быстро подогнула оба указательных пальца и из покрывавших предплечья наручей вдруг выскочили по пять острейших тонких лезвий, действовавших в точном соответствии с движениями пальцев. Вот вам и оружие убийства, получите, месьор Атрог, искомое!

Но более всего варвара поразило не это. У странного оружия был куда более странный блеск — металл походил на серебро, но таковым не являлся. А если учесть способность лезвий рассекать даже человеческие кости... Митрил это, вот что! Редчайший металл, ценящийся в десять раз дороже золота или платины! Его добывают только гномы Эйглофиата, клинки изготовленных из митрила можно пересчитать по пальцам! Теперь все понятно! Эти перчатки являются работой гномов Полуночи!

Как видно, Юнь-Ши обучали не только искусству любви. Старый приятель Конана, Мораддин из Турана, ставший теперь не более и не менее, как немедийским графом, лет десять назад пытался обучить варвара основам кхитайского боя без оружия, но тяжеловесный киммериец не слишком подходил для этой благородной науки — она куда легче давалась людям худощавым и невысоким, Конан же был изрядным здоровяком. Но всю опасность кхитайской борьбы варвар отлично осознавал, а уж если человек владеющий ее основными приемами еще и вооружен такими

вот перчаточками с выкидными митриловыми лезвиями длиной с человеческое предплечье...

Словом, Конану пришлось довольно туго. Его клинок оказался бессилен против металла, выкованного на Изначальном подгорном огне, а Юнь-Ши была куда проворнее варвара — от ее кульбитов так и рябило в глазах. Кхитайка даже умудрилась рассечь кожаный колет варвара, но, по счастью, до тела не достала. Киммериец медленно отступал к реке, защищаясь только тем, что постоянно вращал меч перед собой, не подпуская опасного противника на расстояние смертельного удара.

Юнь-Ши, увлекшись поединком, который она не без оснований надеялась выиграть, не заметила как сзади к ней неслышно подобрался высокий конь гнедой масти под мягким гирканским седлом. Сартак и тут не упустил случая доказать то, что монстры его породы обладают зачатками разума. Зверь остановился прямым за спиной девушки, а заметивший маневры Гнедого варвар неожиданно отпрыгнул в сторону и опустил меч, на несколько мгновений приведя Юнь-Ши в замешательство.

— Привет! — раздался над головой кхитайки незнакомый и явно не-человеческий голос. Она обернулась. Перед ней стоял... стояло... Вроде бы оно было лошадей, но из-под поднятой верхней губы выглядывали белоснежные клычищи длинной с человеческий палец. — Покатаемся?

Произнеся эти два слова сартак встал на дыбы и мгновенным движением ударил Юнь-Ши копы-

том правой передней ноги точно в темя. Кхитаянка рухнула на прибрежный песок, как подкошенная.

— Ф-фу... — выдохнул Конан. — Спасибо, дружище. Иначе она бы меня уделала. И не смотри на меня так! Я знаю, что тебе хочется мяса, но сожрать человека я тебе не дам! Ее надо отвезти в Райдор, а там уж пускай Атрог и герцогский суд разбираются. Давай глянем, что за чудо надето на ее руки, никогда ничего похожего не встречал! И потом, а где же наши друзья-товарищи?

Тут варвар услышал приближающийся грохот многих копыт и из-за поворота дороги появились всадники...

* * *

Несколько дней спустя

— Столь уникальный случай надо непременно занести в анналы управы дознания, — лениво говорил месьор Атрог, восседаая в «гостевом» кресле, стоявшем у стола в трапезной дома «Ночной Стражи». — Вроде бы изначально это могло выглядеть лишь простым ограблением, но как исполнено! Не ждал от женщины столь ужасных зверств!

— Рассказывайте, ваша милость, — Гвай подлил в бокал Атрога ежевичной настойки и, подперев подбородок кулаками, уставился на господина Охранителя. Все прочие охотники тоже расположились за обширным столом и приготовились внимать.

— А чего рассказывать? — вздернул плечи Атрог. — Все просто, как кружка с пивом. Начнем с того, что Барг боялся гнева своего дядюшки, приверженного древнему благочинию, и наведываться в «Розочку» не решался даже тогда, когда Эвервульф бывал в отъезде по торговым делам. Вдруг его заметят и по городу пойдут слухи, которые обязательно достигнут ушей старого купца? Предпочитал звать девиц оттуда домой, на ночь. Разумеется, только в отсутствие дяди. После того, как мы в управе... э... слегка надавили на Юнь-Ши, она призналась, что очень нравилась Баргу. Этот болван раскрыл девице тайну своего «золотого сундучка». За что и поплатился — кхитаянка давно мечтала бросить свое ремесло и уехать на родину. Признаться, судьба у нее сложилась скверно. В двенадцать лет отец Юнь-Ши продал дочь в наложницы правителю провинции, во время какой-то войны она стала обозной шлюхой у наемников, разграбивших поместье правителя, потом сменила несколько увеселительных домов, пока причуды богини по имени Случайность не загнали ее в Бритунию... Наверное, это и послужило причиной такого огрубления ее души, не всякий выдержит подобное. План преступления созрел довольно быстро. Убить владельца сундучка, выставить все происшедшее, как магический обряд, проведенный каким-нибудь некромантом, а когда суматоха уляжется — незаметно покинуть город.

— Но откуда у нее появилось такое уникаль-

ное оружие, как перчатки гномов? — поинтересовался Конан.

— Тут следует благодарить госпожу Альдерру, — спокойно проговорил Охранитель. — Когда хозяйка «Розочки» начала оборудовать свою «пыточную», ей встретился совершенно спившийся наемник, распродававший за сущие гроши свое снаряжение. Понятно, что они оба не имели ни малейшего представления о том, насколько ценная вещь находилась в их руках — ювелир герцога оценил перчатки в пятьдесят тысяч золотых немедийских ауреев. Митрил, все-таки, а не вульгарное железо! Вот Альдерра и украсила сим артефактом кабинет для жестоких утех... А Юнь-Ши, которая трудилась там на поприще доставления болезненных ощущений слишком требовательным посетителям, быстро поняла, что никто и не поймет, каким именно оружием был убит Барг. Той ночью она взяла перчатки с собой, зарезала Барга, нарисовала виденную в книге пентаграмму — причем совершенно безграмотно, прихватила деньги и отправилась в «Розочку».

— Тогда откуда взялся труп Ханны? — спросил Гвай. — Удивительное дело: две девицы, которые вместе обслуживали гостей «Розочки» в пыточном кабинете встречаются под утро посреди города!

— Эта самая Ханна тоже бывала у погибшего приказчика, — пояснил Атрог. — Как я понимаю, он являлся большим любителем кнута и кандалов. В тихом омуте, как говорится... Подозреваю, он говорил ей то же, что говорит всякий мужчи-

на, всякой шлюхе — что женится, озолотит. Она верила. А когда заподозрила, что Барк пользуется не только ее услугами, но и приглашает к себе Юнь-Ши, проследила за конкуренткой, поймала ее на улице и устроила сцену. Кхитайнка, уяснив, что Ханна после получения известия о смерти Барга может ее выдать, повторила свой подвиг — убила девицу в темном проулке и снова попыталась изобразить «магический обряд».

— Но почему тогда никто ничего не слышал?

— А как вы думаете, месьоры, что подумают горожане, услышав среди ночи громкоголосую свару двух гуляющих девиц? Юнь-Ши сообщила, что они ругались шепотом, да и первый удар перчаткой был нанесен в утробу, подавив крик. Месьор Патарен оказался безупречно прав.

— Ну, а третья жертва? — спросил Конан.

— Девушка всего лишь оказалась в плохое время и в плохом месте. Вышла в нужник как раз тогда, когда Юнь-Ши отмывалась там от крови. Увидела. И погибла. Поскольку рассветало, то заметить следы не было времени — труп был быстро расчленен и выброшен в выгребную яму. Юнь-Ши уже тогда догадалась, что ее могут быстро найти — след слишком уж очевиден. Сундучок с деньгами она спрятала в тайнике «пыточной», а когда дом наводнила стража и пришли мы, в панике стала действовать необдуманно. Хотя, замечу, у нас тогда не было никаких улик, доказывающих ее виновность. Кхитайнка решила незаметно взять столь понравившееся ей оружие, а затем бежать. Последствия мне и вам известны.

Кстати... Конан, его светлость Великий герцог просил передать как тебе лично, так и всем доблестным Ночным Стражам искреннюю благодарность за помощь в дознании и захвате преступницы. А это — материальное воплощение слов нашего повелителя!

Атрог снял с пояса и выложил на стол увесистый кожаный кошель.

— Пойду на мясной рынок, куплю Гнедому отборной баранины, — усмехнулся варвар. — На этот раз все получилось наоборот: не мы охотились на монстров, а мой собственный монстр поохотился на человека. Хорошо, хоть не убил на месте! Кстати, а что будет с Юнь-Ши?

— Герцог имеет право суда в своих ленных землях, — ответил господин Охранитель короны. — И минувшим вечером своим рескриптом приговорил кхитайянку к повешению за тройное убийство. Церемония завтра — если хотите, можете присутствовать. Между прочим, это будет первая смертная казнь в Райдоре за последние двенадцать лет, а это кое о чем говорит... У нас спокойный город!

— Постойте-ка! — вдруг обеспокоился Конан. — «Розочку» закроют?

Месьор Атрог откровенно фыркнул.

— Герцог посчитал нецелесообразным закрывать сие увеселительное заведение, хоть я и настаивал. Госпоже Альдерре запрещено лишь содержать в доме всякие непотребства наподобие виденной нами «пыточной». Все оружие и инструменты оттуда мы отобрали в пользу казны. Но

так или иначе я далеко не в восторге от наличия в Райдоре подобного вертепа. Месьоры, вы же отлично понимаете, что это претит патриархальным правам нашей отдаленной и мирной провинции!

— Хвала Иштар, уберегла от гибели! — облегченно вздохнул киммериец. — Надо будет вечером навестить милашку Даиру...

Гробница Скелоса

Конан, опустившись на одно колено, внимательно изучал труп. Лежащее перед ним тело несомненно принадлежало мужчине-стигийцу из полуночных провинций. Однако, что заставило его забраться так далеко на Полдень в почти необитаемые районы Великой Стигийской пустыни, где человек мог выжить только при очень большой удаче?

Второй вопрос, который, честно говоря, мучил киммерийца гораздо сильнее, относился к причине смерти несчастного.

Убило его вовсе не солнце, жажда или голод. И даже не укус ядовитой змеи, которых тут было великое множество.

Стигийца попросту искромсали на куски, причем когтями, которые, судя по ранам, были длинной не меньше человеческого локтя и на удивление острыми. После чего убийца сожрал печень и

сердце человека а затем, проломив череп, и весь мозг.

За многие годы странствий Конан видел много разных хищников-животных, но никто из них не обладал столь огромными когтями. Впрочем, среди разной колдовской дряни, которую варвар искренне ненавидел, но по несчастливому стечению обстоятельств постоянно с оной сталкивался, встречались демоны с когтями и побольше. Однако, магией здесь не пахло — ни черной, ни белой, ни серо-буро-малиновой. Это Конан, обладавший как и всякий нецивилизованный человек обостренным, прямо-таки звериным чутьем, понимал превосходно.

Спутник киммерийца, неподвижно сидевший на низкорослом мохноногом коньке стигийской «пустынной» породы, медленно и лениво проговорил:

— Да наплюй ты на эту пададь! До оазиса еще не меньше пяти дней пути...

Киммериец обернулся к нему:

— Успокойся, Кемал, солнце все равно заходит. А лучшего места для ночлега и не придумаешь...

Кемал мигом растерял свою невозмутимость:

— Ты что с ума сошел, да? Ночевать рядом с мертвецом, которого неизвестно кто разделал как барана? Вай! Зачем Кемал связался с такой дырявой башкой...

— Не причитай как баба! — отрезал Конан. — Мертвец как мертвец, кроме того он валяется здесь уже не меньше недели, а тут, между про-

чим, кустики есть, чахлые правда, но для костра сгодятся. Остаемся на ночевку. И потом, это ты потащил меня сюда, когда их заметил...

— Но я же не знал, да, что тут такое? — снова заныл Кемал. — Вай! Ну поехали, да?

* * *

...Конан нанял Кемала в одном из безымянных оазисов недалеко от границы с Кешаном. Киммерийцу требовался человек, который хорошо знает Великую Стигийскую пустыню — варвар хотел пробраться в Туран, минуя крупные города. После того как он вместе с Белит изрядно накуролесил в Птейоне и Луксуре, стигийцы с радостью посадили бы на кол некоего нахального дикаря с Полуночи. Если бы смогли поймать, разумеется!

Кемал являлся загоревшим до черноты кочевником, низкорослым, но широким в плечах, с длинными жилистыми руками. На плоском широкоскулом лице блестели хитрющие карие глаза, в глубине которых Конану все время чудилась хорошо скрываемая насмешка. Пересыпая свою речь бесконечными «вай» и «да», он легко согласился провести Конана по нужному маршруту всего за пятьдесят стигийских семохов, что было, конечно, баснословно дорого, но киммериец решил не торговаться. Кажется, этим он даже немного сбил Кемала с толку. Видимо кочевник не ожидал такой легкой победы и предполагал торговаться до упора, как это принято на восходе. В благодарность он тут же помог Ко-

нану купить двух превосходных выносливых коньков, на взгляд киммерийца немного мелковатых. Впрочем, других все равно не было. Да и не выжил бы в здешних условиях какой-нибудь нумалийский рысак или шамарский тяжеловоз.

На мертвое тело они наткнулись на десятый день пути, под вечер.

* * *

Конан тщательно и профессионально обыскал труп, но кроме довольно тощего кошелька на поясе ничего ценного в одежде не нашел. Зато на полуоторванной правой руке киммериец обнаружил серебряный перстень с очень тонким ободком и массивной круглой печаткой. Варвар попытался его снять, но палец сильно распух. Тогда Конан вынул кинжал и попросту отрезал мешающий палец. На печатке обнаружился непонятный рисунок: некая неправильная фигура из множества тонких линий, причудливо переплетенных между собой. Конан повертел перстень и так и этак. Примерил, но он оказался слишком мал даже для мизинца варвара, поэтому он просто убрал его в свой кошель, куда уже пересыпал деньги мертвеца.

Кемал тем временем, видя, что Конан не собирается двигаться дальше, вытащил кривую саблю и медленно объехал кусты саксаула, то и дело озираясь по сторонам и бормоча проклятия на своем шипящем языке. Его удивленный вскрик заставил киммерийца моментально забыть о тру-

пе. На ходу выхватив меч из ножен, Конан подбежал к застывшему и напряженному кочевнику.

Плита. Черная, похоже обсидиановая, со сторонами примерно пять и десять локтей. Гладко отполированная и слегка присыпанная песком.

Убедившись, что непосредственной опасности нет, Конан убрал меч в ножны, висевшие за правым плечом и с укоризной сказал Кемалу:

— Ну вот что ты орешь? Камней, что ли, никогда не видел?

— Вай! — Кемал возмущенно взмахнул обеими руками. — Ты умный, да? Скажи дураку-Кемалу, откуда в сердце пустыни черный камень? Вай! Смотри: люди делали, да?

Конану уже порядком надоела импульсивность кочевника, который мог долго ехать не проронив ни слова, с каменным лицом и практически не шевелясь, а потом вдруг ни с того ни с сего начать громогласно сыпать словами, при этом размахивая руками и дико вращая глазами. Лучше бы он вел себя менее противоречиво!

Киммериец усмехнулся, слегка приподняв уголки губ:

— Хватит вопить! Чего тебе опять не нравится? И впрямь люди делали, ну и что? Скорее всего, это просто старая гробница, в которой валяется пара истлевших мумий. А может... — Конан слегка прикрыл глаза и мечтательно причмокнул, — может там груда золота и всяких драгоценностей!

Кемал недоверчиво посмотрел на попутчика:

— Ты что, собираешься туда лезть?

— А ты как думал? — хмыкнул Конан. Он уже внимательно осматривал камень, осторожно счищая песок с нагретой солнцем поверхности.

— А вдруг там оно? — осторожно спросил кочевник, весь как-то даже съеживаясь.

— Какое еще «оно»? — весело передразнил киммериец, хотя веселиться пока было нечему: на камне не обнаружилось никаких надписей. — Лучше слезай с лошадки, да помоги мне. Попробуем сдвинуть плиту.

— Там наверняка живет зверь, — раздраженно ответил Кемал, тем не менее спешиваясь, — который стигийца прикончил...

— Это вряд ли, — отрезал Конан. — Следы, конечно, за неделю пустыня съела, но чутье мне подсказывает, что его убило обычное чудище, обитающее в здешних барханах. Живи эта тварь в гробнице, она утащила бы тело с собой, чтобы подкрепиться в спокойной обстановке, без лишних свидетелей.

— Надеюсь, ты прав, — к Кемалу возвращалась его немногословность. Он убрал саблю, и они вдвоем попытались сдвинуть камень. Однако, сколько ни мучились, обсидиановая плита даже не шелохнулась.

— Кром! — злобно крикнул киммериец, утирая обильно выступивший пот. Теперь он точно знал, что любопытство не позволит ему спокойно заснуть. — Ладно, — проворчал он, немного подумав, — я еще раз как следует ее осмотрю, а ты прогуляйся по окрестностям. Я уверен, где-то рядом отыщется кострище, а может быть, даже сле-

ды лагеря. Мне кажется, тот стигиец был не один.

Кемал молча кивнул и прыгнул в седло.

Конан начал очищать край плиты от песка. Скоро ему стало ясно, что подкопаться под камень невозможно. Плита закрывала верхушку колодца, сделанного из точно такого же материала. Причем закрывала очень плотно — в тонкую, почти невидимую щель нельзя было вставить даже кончик лезвия кинжала. Киммериец крепко выругался и еще раз осмотрел крышку по периметру, очищая ее от песка до линии соединения с колодезем. Все-таки удача улыбнулась варвару — на полуденной стороне камня он обнаружил небольшое углубление. Тщательно очистив его от песка, киммериец обнаружил выгравированный на камне рисунок, который, оказывается, в точности повторял гравировку на кольце, обнаруженном у мертвого стигийца! Неужели это ключ?

Конан вынул из кошелья перстень и вставил в углубление. Каменная плита тотчас сдвинулась, медленно и беззвучно, примерно до половины. Конан отскочил и выхватил меч, но ужасные демоны вовсе не спешили выскакивать из открывшегося провала. На всякий случай немного подождав, киммериец спрятал меч, а потом заглянул в дыру. Колодец был глубиной локтей в сорок пять или пятьдесят. Солнце уже почти зашло, но гладкий каменный пол было видно. Ничего больше киммериец не заметил.

Из-за бархана появился Кемал, подстегивающий плетью лошадку, но увидев, что все в по-

рядке, придержал коня и неспешной рысью подъехал к киммерийцу.

— Я нашел на восходе полужасыпанные песком кострище и шатер. В шатре два бурдюка, один с водой, один с очень крепкой аракой. Еще немного лепешек и вяленого мяса. Я все взял с собой.

— Отлично! — обрадовался Конан. — Давай обустроим лагерь, а потом попробуем спуститься вниз, в колодец.

Кемал пожал плечами и начал устанавливать маленький походный шатер. Конан в это время рубил кустики на хворост и устраивал кострище.

Они утолили голод найденными продуктами. Их как раз хватило на один плотный ужин. Затем киммериец с Кемалом сделали по доброму глотку араки. Она сильно обжигала горло, но скоро по телу разливалось мягкое тепло. Солнце зашло внезапно, как всегда в пустыне. Конан разжег костер и хлебнул еще, на этот раз немного. Сейчас варвару расхотелось лезть в подземелье — лучше будет это сделать с утра, при свете. С другой стороны, оставлять колодец открытым на ночь ему тоже не хотелось — всякое может случиться.

Преодолев собственную лень, киммериец нехотя встал с попоны, расстеленной у костра, выбрал из кучи дров ветку потолще, обмотал ее старой тряпкой и зажег факел.

— Эй! Ты куда собрался? — всполошился Кемал

— Попробую закрыть гробницу, а если не получится — полезу внутрь, посмотрю, что внутри... Поддай мне веревку!

Для начала Конан вынул перстень-ключ из углубления. Ничего не произошло. Тогда он попытался задвинуть крышку обратно. С таким же успехом варвар мог бы двигать скалу. Плита не поддавалась ни на дюйм. Конан ожесточенно почесал в затылке и вздохнул.

— Ладно... Придется лезть внутрь. Надо же убедиться в том, что оттуда никто не вылезет посреди ночи? — Киммериец привязал веревку к крышке, бросил факел вниз. — Ну я пошел, а ты тут карауль. Кричи, если что...

Кемал молча кивнул.

Конан легко скользнул вниз по веревке. Подобрал свой импровизированный факел и поднял его повыше, стараясь рассмотреть гробницу во всех подробностях. Помещение, в которое он попал имело квадратную форму со стороны локтей в тридцать и высотой не меньше двадцати двадцати. Дальняя стена едва угадывалась в полумраке. Киммериец вынул меч и начал медленно, крадучись, двигаться вперед.

Вскоре он увидел высокую арку и направился прямо к ней. Возле прохода, в углу, неподвижно лежали два человеческих тела. Точнее, два полулежали, опершись на стену, а еще один труп распластался на животе посреди комнаты.

Конан подошел к иссушенным временем мертвецам и осторожно посветил в проход, стараясь рассмотреть, то что находилось за аркой.

Он увидел начало длинного коридора — оттуда не доносилось ни звука, не чувствовалось даже дуновения сквозняка. Киммериец убедился, что опасность ему пока не угрожает, и решил осмотреть покойников. Нет сомнений, они погибли совсем недавно, тела еще не тронуты разложением. Конан сразу определил причину смерти человека, лежавшего на животе — у бедняги между лопаток торчала рукоятка кинжала. Убитый был кочевником, видимо, из родственного Кемалу племени — такое же широкоскулое лицо, овечья безрукавка на голое тело, связка каких-то костяных амулетов на шее. Двое других явно были родом с полуночи Стигии — бритые головы, крючковатые носы, узкие тонкие губы. Оба одеты в черные хламиды от шеи до пяток. Один держал на коленях посох с большим кристаллом в наверху. Рядом со вторым валялись обнаженный меч-гладиус и пустой бурдюк.

— Все понятно, — сказал киммериец, хотя ему вовсе не было ничего «понятно».

И услышал слабое шипение. Варвар бросил быстрый взгляд в проход, но там было чисто. Шипение повторилось. Киммериец присел на корточки рядом со стигийцем, возле которого лежал меч и увидел, что иссохшие почерневшие губы слегка шевелятся. Не надо было быть семи пядей во лбу чтобы понять, что пытался произнести человек.

Конан в два прыжка оказался у колодца:

— Кемал! — заорал он. — Кинь мне бурдюк с водой! Тут, кажется, живой человек!

Очень скоро в руки киммерийцу свалилось требуемое. Кочевник не произнес ни слова.

Варвар так же быстро вернулся к проходу. Аккуратно придерживая голову стигийца, он осторожно влил ему немного воды. Она оказала поистине волшебное действие. Стигиец обхватил бурдюк обеими руками и начал судорожно глотать, давясь и сотрясаясь всем телом.

— Хватит, хватит, — Конан выдернул сосуд из смуглых рук. — Хватит, я сказал! Надо подождать, нельзя так много пить сразу, это убьет тебя!

Стигиец откашлялся и хрипло сказал:

— Я знаю. — Потом вздохнул и добавил: — Но очень хочется...

* * *

Жуткий крик Кемала, эхом отразившийся от каменных стен, заставил стигийца вздрогнуть. Да и Конан с трудом удержался от испуганного возгласа. В следующее мгновение варвар уже карабкался вверх по веревке. В неверном свете убывающей луны и отблесках костра он увидел настолько странное существо, что сначала даже не понял, что оно такое. Круглая безногая, безухая и безголовая голова с красными горящими глазами и широкой лягушачьей пастью полной длинных, тонких зубов росла прямо из неимоверно худого, почти прозрачного торса. Зато руки были потолще варварских и раза в три длиннее. Это если не считать когтей. («А в когтях как раз пол-

ный локоть и будет», — мельком подумал Конан.) Ног у существа не было. Торс заканчивался... бревном! Здоровенной корягой длиной шагов в пять. И притом замшелой! Перед корягой лежал растерзанное, все еще содрогающееся тело Кемала.

— Сволочь! — заорал киммериец и бросился в атаку.

Существо угрожающе зашипело, оскалилось и подняло руки, слегка шевеля когтистыми пальцами.

Конан атаковал яростно, но не безрассудно, помня о длине конечностей непонятной твари. Он сделал ложное движение вправо, а затем резко метнулся влево. Рубанул клинком. Тварь поймалась на уловку и дернулась, но каким-то непостижимым образом сумела парировать удар киммерийца. А затем уже Конану пришлось отбить два очень быстрых удара. Он едва сумел отпрыгнуть на безопасное расстояние. Однако, удивительному чудищу удалось слегка зацепить киммерийца по накидке. Качество порезов заставило Конана поежиться — когти были острее самого лучшего кинжала, вышедшего из кузен Пуантена! Кроме того тварь работала руками со сверхъестественной скоростью. Киммериец решил не лезть на рожон и начал медленно обходить «бревно» по кругу. Существо неотрывно следило за варваром и злобно шипело. Когда Конан зашел за спину монстру, он внезапно исчез. Осталось лишь бревно.

Киммериец остановился и от удивления про-

тер глаза. Перед ним было обычное, сильно замшелое бревно, абсолютно спокойно лежащее на песке. «Что за дерьмо?» — подумал Конан и начал очень осторожно приближаться. Внезапно он увидел на ближнем оконечье коряги два горящих красных уголька. «Ага, — подумал варвар. — Заманивает». Он подошел к бревну на пять шагов, а затем издал боевой клич и прыгнул вперед. Конан рассчитывал вогнать свой меч прямо между светящихся глазок или разрубить тварь пополам, если она вдруг снова начнет вылезать из бревна.

Но не тут-то было! Чудище моментально среагировало на нападение и выпросталось из коряги в единый миг. Конан ударил тварь мечом — безнадежно, наотмашь, не заботясь о собственной безопасности. Ударил, понимая, что не попадет...

Одна лапа твари отбила меч настолько сильным ударом, что далеко не слабый киммериец не удержал рукоять. Другой лапой существо с размаху ударило Конана, отшвырнув его на добрый десяток шагов в сторону. Киммериец с размаху, всем телом, шлепнулся на песок и не смог сдержать крика — живот пронзила резкая боль. Он быстро перевернулся и сел, уже чувствуя, как горячие струйки текут вниз к паху и ногам. Конан посмотрел на свою грудь. Когти твари порвали двойную аквилонскую кольчугу, как гнилую тряпку. Киммериец, стиснув зубы, рывком сбросил с себя кольчатый доспех и тут же ошупал грудь и живот. Повезло, хвала Крому и Митре... Пять не очень глубоких резаных ран протяну-

лись от бока до бока. Кровь текла ручьями, но когти монстра рассекли только кожу, не добравшись до внутренних органов.

Конан тут же оторвал широкую полосу от плаща и быстро себя перевязал. Повязка быстро начала набухать, но киммериец по опыту знал, что теперь от потери крови не умрет.

Он поднялся, аккуратно обошел чудище, которое снова выглядело как обычное бревно, нашел и подобрал свой меч. Ему было вполне ясно, что в старой доброй рукопашной тварь из коряги ему не одолеть.

Конан, постоянно оглядываясь на существо, подошел к шатру. Лошади, привязанные возле палатки, недовольно фыркали, но не выглядели слишком испуганными.

* * *

«Во имя девяти кругов царства Нергала, — зло подумал Конан, — что же это такое? Выглядит как демон, нечисть или порождение тьмы, а кони его не боятся? Да и я не чувствую никакой черной магии...»

Киммериец сел у шатра и какое-то время ругался в голос, поминая как само существо, так и его предков и потомков. Проклятия не возымели результата. Бревно продолжало спокойно лежать в отдалении. Хотя, Конану показалось, что оно вроде бы очень медленно приближается. Но утверждать это с уверенностью варвар не мог — слишком мало света.

Наконец киммерийцу надоело отводить душу крепкими наемничьими словечками. Он залез в шатер за бурдюком с аракой, уселся перед входом, скрестив ноги и, сделав хороший глоток, стал размышлять вслух:

— Если ты не демон и не порождение черной магии, то тебя можно убить обычным оружием, которое опасно и для других животных... Ну и людей, наверное. Один Сет знает, на что ты вообще похоже! Помесь лягушки и тигра с бревном! Это ж надо такое придумать! В пьяном сне такая страхолудина не привидится! А если и приснится — седлом не отмашешься! Может, ты само сдохнешь, а? Слышь гадина, я с тобой разговариваю?! Молчишь? Молчишь... Ну молчи, пока можешь! Старина Конан все равно тебя прикончит! Вот только араку допьет. Бр-р... Ну и гадость! Как огнем жжет!

Тут Конан вдруг замер с открытым ртом. Затем прикрыл его ладонью и тщательно вытер. Хлопнул себя по колену и нараспев произнес:

— Ого-онь! Какой я болван!

Некоторое время он сидел почти неподвижно, пристально разглядывая то корягу, то костер, уже начавший угасать, то бурдюк с аракой, который сжимал левой рукой.

— Ладно, — пробормотал киммериец себе под нос, медленно поднимаясь. — Это мой единственный шанс. В рукопашной мне его не одолеть.

Конан подошел на минимальное безопасное расстояние к проклятой коряге. Взвесил в руке бурдюк:

— Хе-хе, фунтов на двенадцать будет. Ну, лови!

С этими словами киммериец срезал бурдюку горлышко и, тщательно прицелившись, швырнул в бревно. Тварь никак на это не отреагировала, оставшись неподвижной. Бурдюк упал удачно, как раз на то оконечье бревна, где горели багровые глазки. Большая часть араки тут же вытекла. Конан сходил к костру. Подпалил свежую ветку. Вернулся и молча бросил на бревно.

Арака мгновенно вспыхнула бледным синеватым пламенем. Коряга зашипела и задергалась. В ее шипении довольному Конану слышались боль и страх.

— Ага! — заорал он. — Не нравится? Гори, паскуда! Польшай! Кром!!!

Он начал приплясывать от удовольствия, не обращая внимания на боль в ранах.

Тварь судорожными рывками начала отползать. Ее шипение становилось тише. Уползала она довольно быстро, пока не скрылась в темноте. Конан не стал ее преследовать. Раз убегает, значит, плохи дела. А загнанный в угол или раненный зверь опасен вдвойне. А то и втройне. Убралась — и славненько. У нас и других дел навалом. Араку вот только жалко...

Как киммериец и предполагал, Кемал был мертв. Тварь разорвала ему живот и горло аж до позвоночника. В мертвых глазах застыли ужас и недоумение. Конан горестно вздохнул. Не то чтобы варвару было сильно жаль кочевника, но кто теперь проведет его до туранской границы?! Мо-

жет быть, стигиец? Если это Сетово отродье еще не подошло в подземелье...

По правде говоря, Конан в пылу схватки совсем забыл про спасенного стигийца. Если этот дурень просидел там целую седмицу без воды и жратвы, то он, наверно, весьма голодный. А значит, слабый. Наверное, поэтому он не вылез по веревке сам.

Киммериец сходил за сумкой с едой и полез в колодец, предварительно швырнув туда горящую ветку. Как потом выяснилось, это было очень большой ошибкой.

Едва лишь Конан сделал пару шагов вперед, как крышка гробницы медленно начала возвращаться на свое законное место. Конан бросился назад, но было уже поздно. Стигиец издал горестный вопль, полный такой безнадежности, что варвар вздрогнул.

Киммериец молча сел на каменный пол и обхватил голову руками.

Он оказался в ловушке.

* * *

Конан просидел так довольно долго, не меньше колокола. Только швырнул стигийцу сумку с едой. Тот, жадно давясь, чавкая и всхлипывая сожрал целую лепешку и кусочек вяленого мяса тут же заснул, свернувшись калачиком в углу.

Бездеятельность и уныние были не в характере киммерийца, поэтому он решил бороться дальше, хотя еще и не знал с кем. Но что бороть-

ся придется, варвар чувствовал, что называется, нутром.

Так как стигиец дрых как сурок, на которых варвар насмотрелся в джунглях Черных королевств, Конан решил не трогать его, но и на разведку пока не ходить. Он улегся поудобнее на весьма жестком полу и мгновенно заснул.

Пробуждение варвара нельзя было назвать приятным. Он замерз, мускулы затекли, и сильно болел раненый живот. Вдобавок киммерийцу сильно хотелось пить. «Не надо было хлебать вчера это дурацкое пойло», — печально подумал Конан и с удивлением отметил, что прекрасно видит не только всю комнату, но и изрядную часть коридора. Правда, свет был неестественно-зеленым, но это уже мелочи.

Стигиец до сих пор спал. Конан вволю напился из бурдюка, с огорчением заметив, что тот пуст почти наполовину, и съел лепешку с куском копченой баранины. Громко рыгнув, пнул стигийца. Тот сразу вскочил и вжался в угол. Но, увидев киммерийца, слегка расслабился и потянулся к воде.

— Но-но, — пригрозил Конан, убирая бурдюк подальше. — Вода нынче дорога. Я человек практичный. Докажи, что ты полезнее живой, а не мертвый!

Стигиец с ненавистью уставился на варвара и забормотал по-стигийски. Конан понимал язык Птейона очень плохо, в основном ругательства, ну а этот диалект был ему вообще неизвестен. Он различил только пару особо злобных бого-

хульств, да и то шемитских. Тем не менее, он не стал перебивать стигийца, дав ему выговориться.

Наконец стигиец сказал на ломаном аквилонском:

— Я маг, не очень сильный, но все же... Кроме того, я кое-что знаю об этом месте.

— Ненавижу магов, — скривился Конан и показательно сплюнул, едва не понав стигийцу на одежду. — Все беды в нашем мире от магов, будьте вы прокляты! А что может быть хуже стигийца-мага, я вообще не представляю!

— Ты, хайборийская свинья! Да как ты смеешь? — стигиец побледнел от гнева и начал орать брызгая слюной: — Ты, мерзкое грязное животное с мозгами верблюда, что ты можешь знать о магии? О-о-о, сын шлюхи и крысы, даже не смей болтать своим вонючим языком о тех силах, которые даже не можешь представить. Ты...

Маг осекся, потому что Конанов клинок уперся острием ему в кадык. Владелец клинка ухмылялся крайне паскудно. Стигиец судорожно сглотнул и отодвинулся к стене.

— Вот что я тебе скажу, змееныш, — спокойно проговорил киммериец. — Ты в полной моей власти. Поэтому не стоит оскорблять меня и моих родителей. Иначе запросто голову отрублю, уяснил? Кроме того, нам придется держаться вместе. Вдвоем у нас больше шансов выбраться отсюда живыми. А вообще-то ты храбрец! — Конан улыбнулся и убрал меч. — Не каждый рискнет после недельной голодовки, вот так в лицо оскорбить киммерийца.

— Да катись ты! — отрезал стигиец, к которому тут же вернулась его прежняя самоуверенность.

— Я-то с удовольствием покачусь, — ухмыльнулся Конан. — А что тогда будешь делать ты?

— Ладно, — вздохнул стигиец, — давай поговорим спокойно.

— Давай, — легко согласился варвар. — Как ты сюда попал и зачем?

— Это долгая история, — начал стигиец...

* * *

...Его звали Тутмос. Учился магии у отца. Однажды, роясь по просьбе отца в огромных архивах луксурской библиотеки, он наткнулся на странный манускрипт. Манускрипту на первый взгляд было больше тысячи лет. С трудом продираясь сквозь древнестигийский жреческий диалект с его «семью слоями смысла» Тутмос понял, что во-первых это поздняя копия с гораздо более древнего источника; во-вторых пергамент содержит то ли пророчество, то ли сказку, то ли легенду.

— В общем, откровенно говоря, Конан, ничего я тогда не понял. Но решил пергамент припрятать. До поры, до времени. Потому что на обороте имелась четкая и подробная карта.

— То есть ты попросту украл ценный документ из библиотеки?

— Именно. А ты бы на моем месте не украл?.. Прошло несколько лет. Манускрипт ждал сво-

его часа в надежном месте. Тутмос спокойно учился магии. Но вот однажды он случайно подслушал разговор отца с главой Черного круга Тот-Амоном...

— Ага, заливай дальше, — Конан в восторге хлопнул себя по коленям. — Насколько я знаю Тот-Амона, он тщательно бережет свои тайны!

Стигиец скромно промолчал и продолжил:

Беседа двух магов вертелась вокруг одной легендарной, скорее даже мифической личности и связанных с ней артефактов, не менее, впрочем, мифических. Тутмос долго не мог понять, о ком и о чем идет речь. В основном вспоминались Книга и Меч, причем отец напирал на то, что Тот-Амон, по слухам, владеет Книгой. Тот-Амон яростно отнекивался, утверждая, что и в глаза Книгу не видел, а находится она, опять же, так говорят, в библиотеке кофийского колдуна Тсо-та-Ланти, сына демона. Они спорили долго, упоминали множество имен и легенд, пока отчаявшийся Тутмос не услышал имя.

Скелос!

— А-а, проклятье! — буркнул Конан. — Пять лет назад я знал одного мага, который заколдовал меч этим именем. И меч убивал по его приказу!

— Для того, чтобы заставить меч слушаться тебя, вовсе не обязательно трепать на ветру имя Великого, — благоговейно прошептал стигиец

— А ты, можно подумать, владеешь таким колдовством? — недоверчиво скривился киммериец.

Стигиец замаялся:

— Ну, пока нет...

— А вот тогда нечего трепать на ветру свой язык. Рассказывай дальше!

Скелос. Не успело прозвучать это имя, как Тот-Амон начал излагать легенду о похоронах Скелоса. Во время этого обряда было совершено чудовищное количество человеческих жертвоприношений. Глава Черного круга даже назвал предполагаемое местоположение гробницы: Великая Стигийская пустыня близ границы с Кешаном...

— Не хочешь ли ты сказать, змееныш... — начал Конан, но маг варвара перебил:

— Именно это я и хочу сказать, варвар неотесанный! Ты слушай, слушай!

Названное Тот-Амоном показалось Тутмосу странно знакомым. Он несколько дней ходил как в тумане, пока его не осенило. Манускрипт! Он вытащил его из тайника и тщательно изучил карту. Действительно, граница Стигии и Кешана!.. Однако, надо было расшифровать текст. Отца втягивать не хотелось...

— Естественно! Папаша отобрал бы у тебя пергамент, да еще и всыпал как следует за воровство. А сам бы кинулся сюда и внаглую захватил все артефакты! Так ведь ты размышлял, а змееныш?

...Тутмос начал сам учить древний язык. Примерно через два года он уже начал кое-что понимать: открыть гробницу мог любой перстень священника первого круга, но вот для того, чтобы

попасть в сам склеп, нужно было победить трех Хранителей ключей. Победитель получал всё.

— Как я понимаю, перстень ты тоже украл?

— Пришлось...

— Ну и как? Трудно было?

— Давай не будем об этом.

— Ладно, а что значит: «Победитель получает всё»?

— Я и сам до конца не понял, но, видимо, Книгу Скелоса и прочие древние предметы.

Обрадованный Тутмос тут же подговорил двух своих приятелей — не магов, к сожалению — отправится с ним. Наобещал им много золота и сказал, что по дороге не будет практически никаких опасностей. Они наняли проводника из кочевников и довольно быстро нашли гробницу. Открыть ее тоже не составило особого труда. Посоветовавшись, заговорщики решили, что проводник и один из воинов будет сторожить вход наверху, а Тутмос и второй воин отправятся в подземелье. Сначала все шло хорошо. Они легко очистили первую комнату...

— Эту, что ли? — перебил Конан

— Нет. Видишь коридор? Если пройти по нему, увидишь две больших комнаты по бокам и тупик с порталом.

— Это с каким еще порталом? — удивился киммериец.

— Мы не выяснили, но я думаю, он ведет к третьему Хранителю. В первой комнате мы нашли трех воскрешенных магией скелетов-личей. С ними я легко справился. В центре оказался

гроб, в котором лежала мумия с огромным двуручным мечом и истлевших руках. На шее мумии мы и нашли первый ключ...

— Значит, один ключ у тебя уже есть? — заинтересовался киммериец.

— Да, вот он, — подтвердил стигиец и протянул Конану кристалл горного хрусталя толщиной с мизинец, густо покрытый письменами и висевший на тонкой золотой цепочке.

Конан повертел его в руках и отдал обратно:

— А куда его вставлять?

— Скважина для ключа прямо за тобой, в той же стене, где и проход, только слева. Видишь?

Конан пригляделся, но ничего не увидел. Тогда он встал и, следуя указаниям стигийца, подошел к стене. Только подойдя совсем близко, он обнаружил дверь. Точнее, он увидел три углубления в стене и несколько тонких щелей. Дверь была пригнана также плотно, как и злополучная крышка колодца.

— Ну и что было дальше? — спросил он, возвращаясь.

...Едва Тутмос с первым ключом вернулся в коридор, как из портала толпой хлынули скелеты. По одному они не представляли особой опасности, но их было так много, что скоро и маг и воин порядком выдохлись и были вынуждены отступить обратно в «прихожую». Скелеты не стали — или не смогли? — переступать порог своей обители. Они постояли немного за чертой и отступили вглубь коридора. Стигийцы решили подняться на поверхность, так как близилась

ночь. И тут-то все и произошло. Сверху раздались вопли ужаса. Тутмос с напарником подбежали к колодцу, и на них свалился насмерть перепуганный проводник, прижимающий к груди бурдюк...

— Проклятый кочевник сбил нас с ног. Я сильно ударился головой и потерял сознание, а когда очнулся сделать ничего уже было нельзя. Открыть гробницу изнутри невозможно. Тотмантор убил Алибека, как только это стало ясно всем нам. Моего друга можно понять, он был в дикой ярости, к тому же Алибек совершенно обезумел от страха, — так сказал мой друг.

— Что ж, друзьям надо верить, — согласился Конан, — кроме того у вас был всего один бурдюк с водой, и третий рот был совершенно лишним.

— Ты прав, — кивнул стигиец, — я и сам так подумал, когда вода стала кончаться. Дальнейшее можно описать в двух словах. Мы еще несколько раз пытались прорваться сквозь армию скелетов, пока вконец не обессилели и не убедились в бесполезности наших действий. Тогда мы сели рядом у стены и стали ждать. Мы до последнего глотка воды надеялись, что Масуртеп жив, что он вернется и спасет нас. Потом вода кончилась, и я испытал самые страшные мучения в своей жизни. А потом, когда я уже плохо сознавал, кто я и где я, пришел ты и спас меня. За что тебе огромное спасибо!

— Не за что! — мрачно буркнул Конан и быстро рассказал, как он попал в гробницу. — Ты мне лучше вот что скажи: магичить сможешь?

Стигиец замялся:

— Ну-у... Немного смогу. Наверное.

— Ты не мнись! — гаркнул Конан. — Надо магические ключи собирать. По-другому отсюда все равно не выбраться. Если колдовать не можешь, то сиди тут. По крайней мере под ногами путаться не будешь.

— Я смогу, Конан. — твердо сказал Тутмос и поднялся, опираясь на посох. — Да у меня тут хорошая мазь завалялась, — он порылся где-то под робой, — обработай раны, заживут почти моментально!

Конан взял у Тутмоса небольшую золотую коробочку, стиснул зубы крепче и сорвал присохшую повязку. Перед глазами поплыли разноцветные пятна, но киммериец даже не пикнул. Раны сразу стали кровоточить. Варвар, не разжимая зубов, быстро намазал их густым составом. Боль была адская, однако спустя четверть квадранса Конан с удивлением обнаружил, что раны полностью закрылись и стремительно перестают болеть.

— Вот это славно! Ну, пойдем скелетов крошить! Кстати, Тутмос, а сколько тебе лет?

— Двадцать один!

— Эх, молодежь, молодежь! Всему-то вас учить приходится...

* * *

Конан обнажил меч и бегом рванул вперед по коридору. Стигиец едва за ним поспевал. У раз-

вишки бессмысленно слонялись туда-сюда штук десять оживших костяков, в проходе одновременно могли биться только трое. С громовым боевым кличем — Кром! — киммериец врубился в костяное воинство. К его несказанному удивлению все прошло быстро и просто — скелеты почти не оказали сопротивления и даже, как будто, не были готовы к его, варвара, появлению. Киммериец в два счета изрубил их в мелкое крошево.

Тутмос был потрясен, с какой легкостью варвар преодолел эту опасность, но вскоре времени удивляться просто не стало. Со стороны портала слышались шаркающие и скрежещущие звуки, неопровержимо свидетельствующие о приближении нового войска мертвецов.

— Давай-ка проверим для начала, что находится в правой комнатухе, — сказал Конан. — Насколько я понимаю, там вы побывать не успели?

Они быстро нырнули в проход и оказались в огромном зале, построенном, впрочем, все из того же обсидиана и по тому же принципу равно-стороннего квадрата. Никаких украшений, статуй, колонн или саркофагов. Только огромный бассейн с невысоким парапетом прямо по центру, наполненный зеленоватой, протухшей водой. Скелеты за Конаном и Тутмосом не пошли, остались ждать в коридоре.

— Ну и что ты думаешь? Где здесь искать ключ? — саркастично спросил киммериец. — В водичку тухлую нырять?

— Да ничего я не думаю! — зло бросил стиги-

ец. — Может, и в водичку придется. Давай как следует осмотримся.

Внезапно в бассейне громко булькнуло, и у киммерийца создалось впечатление, что в воде плеснула хвостом здоровенная рыбина. Конан и Тутмос тут же остановились, готовясь к самому худшему. Конан ожидал появления монстра наподобие коряги с глазами, но с рыбьим хвостом, а среди вихря образов, пролетевших в голове стигийца, много раз повторялась помесь кракена с кашалотом, почему-то с гигантским фаллосом наизготовку. Фаллос был длиной и толщиной с баобаба.

Однако их ожидания не оправдались: вместо коряг и жутких крако-кашалотов на парапете появилась... Появилась обычная женщина. Впрочем, далеко не обычная! Сказать, что она была ослепительно красива, значит ничего не сказать. И у Конана, и у Тутмоса рты открылись одновременно. Киммерийцу внезапно стали слишком малы его кожаные штаны, а Тутмос, заметивший это краем глаза, ехидно порадовался, что на нем такая хорошая и, главное, не сковывающая хламида.

Женщина уселась на парапете, величаво закинув ногу на ногу, и томно зевнула, деликатно прикрыв рот ладонью.

Кром Великий! Какие это были ноги — длинные стройные... Одним словом, идеальные! Боги! Незнакомка являла собой идеал красоты, ей наверняка и Иштар позавидовала бы! Какая фигура! Какая грудь! Большая, упругая, с аккурат-

ными сосочками... А эта шея! А эти волосы! Золотистый водопад до... до... Стоп, туда лучше не смотреть. Держись, Конан, держись... Лучше смотри ей в лицо...

Женщина на парапете была великолепна. В ней невозможно было найти хоть малейший изъян. Настоящая богиня во плоти. И кроме того, от незнакомки исходили такие волны ничем не скрываемого вожделения, что даже выдавший вид воин не смог справиться с собой. Меч выпал из его ослабшей руки, когда женщина веселым звонким голосом крикнула гостям:

— Привет вам!

Конан, подсознательно чувствуя, что на него действует некая доселе невиданная магия все же рухнул на одно колено и хриплым голосом произнес, чуть заикаясь:

— Я счастлив приветствовать тебя, прекрасная богиня!

Тутмос рядом упал на оба колена сразу. Говорить он не мог, поэтому просто трижды стукнулся лбом о каменный пол.

— Ну уж и богиня! — засмеялась женщина, кокетливо накручивая на палец один из своих замечательных локонов, — Какая же я богиня, если такие красивые и могучие мужчины боятся ко мне подойти? Вот ты, киммериец, скажи... — Ее изумрудные глаза встретились с синими льдинками варвара, и лед растаял. — Ты боишься меня?

Конан некоторое время не мог говорить — его трясло и лихорадило. Варвар не понимал, что с ним происходит.

— Н-нет, о великолепная, — шепло прошептал он. В этот момент оставшейся незамутненной частью разума он понял, что погиб, попал в сети сладострастия. Варвар догадывался, что сидящая женщина перед ним — нежить, и что она убьет его, как только он подойдет к ней поближе. С другой стороны, тут же подумал киммериец, лучше уж умереть от руки *такой* женщины, чем погибнуть в лапах какой-нибудь кошмарной твари. И всяко лучше, чем загнуться от голода и жажды в затхлом подземелье.

— Что-то, мальчики, вы плохо себя ведете в обществе дамы. Никакого понятия о галантности! Даже не представились! — женщина прищурилась и гневно уперла кулачки в бока. — Может быть, вас наказать?

— Прошу прощения, госпожа, меня зовут Конан, Конан из Киммерии. — На удивление самого варвара он произнес это хоть и хрипло, но без запинок и заикания.

Тутмосу удалось лишь выговорить свое имя, после чего он, не в силах оторвать взгляд от роскошной груди, снова замер с широко разинутым ртом.

— Так-то лучше, — улыбнулась дама. — А меня зовут Сельвия. Что привело в мое скромное жилище двух таких отважных героев?

— Мы ищем второй ключ, госпожа. — Конан понял, что если говорить быстро, то не успеешь заикаться.

— Уж не этот ли? — Сельвия изящно вынула из ложбинки меж грудей изумрудный кристалл

на золотой цепочке, удивительно похожий на тот, что лежал в кошеле Тутмоса.

Конан судорожно сглотнул, а стигиец сдавленно охнул:

— Это он, госпожа.

— Ну что ж, мальчики, думаю, я смогу вам помочь. Идите сюда, присядьте рядом со мной, я так соскучилась по живым людям!

Конан и Тутмос, как им самим показалось, в мгновение ока оказались сидящими на парапете по бокам Сельвии. Их колотило от возбуждения. Вблизи она выглядела раз в сто привлекательней.

Некоторое время они просто сидели рядом, вдыхая совершенно странный аромат ее кожи и волос, ни на что не похожий, но невообразимо приятный, чувствовали ее ласковые руки на своих плечах, не теплые, но и не холодные. Человеческий разум утонул, растворился в божественной красоте. Сельвия весело и хитро поглядывала то на одного, то на другого. Потом вздохнула и покачала головой:

— Эх! Мужчины, мужчины... Немного женских чар, и делай с вами что хочешь! Я легко могу вас сожрать, а вы даже сопротивляться не будете... Ладно, вы, двое, неплохо меня развлекли. Но делу время, а потехе час! Того и гляди вы оба превратитесь в сущих идиотов. Вы свободны. Я отпускаю вас!

Ее слова не произвели ни на стигийца, ни на варвара ни малейшего впечатления. Они даже не шелохнулись. Сельвия ругнулась весьма неприличным манером и тряхнула головой:

— М-да... Крепко же я вас приворожила! Хорошо, что есть испытанное средство... — с этими словами она резко опрокинула обоих в бассейн.

Грязная ледяная вода оказалась мигом привела в чувство и Конана, и стигийца — они выплыли на поверхность, очумело мотая головами и отфыркиваясь; способность мыслить здраво постепенно возвращалась к ним. А вожделение осталось — оно просто стало осознанным.

Стигийцу и варвару все равно куда не хотелось уходить. Оба знали, что женщины прекраснее им не найти.

— И все-таки позволь задать тебе один вопрос, госпожа, — вежливо наклонив голову, попросил Конан. Тутмос все равно пока был не в состоянии говорить.

— Спрашивай, конечно, — Сельвия засмеялась, словно горсть серебряных колокольчиков по полу рассыпала. — Хотя я знаю, что ты хочешь узнать. Кто я? Или — что я, так?

Конан только медленно склонил голову — хоть он пока и сдерживался, но с каждым мгновением около нее делать это становилось все труднее и труднее.

— Я — нежить. Ты правильно подумал. Нечто среднее между вампиром и русалкой. Я заманиваю мужчин как русалка, используя свое обаяние, которое вы уже имели возможность оценить по достоинству... Кстати, Конан, не сдерживай себя. Я отпустила твою волю, но влияние своей магии я остановить не в силах. Не сдерживайся, тебе будет только хуже... Так вот, я заманиваю лю-

дей в бассейн как русалка, а потом выпиваю их кровь как самая заурядная вампирша, которая и понятия не имеет о красоте. А ведь когда-то я была красивейшей женщиной Полуночи... — Сельвия мечтательно закусил губку. Конан застонал, как раненый бык. — Впрочем, не будем о прошлом. Скажу лишь, что было это несколько тысяч лет назад. А потом меня похитили и принесли в жертву этому мерзавцу Склосу! Ну, а Хранительницей Гробницы я стала потому, что обладала при жизни хорошими магическими способностями. Долгие века я скучала здесь, питаюсь несчастными путниками решившимися осмотреть гробницу. А сейчас я очень хочу выйти на волю. Туда, к солнцу! — она запрокинула голову, и крупные слезы покатались по ее щекам.

Конан и Тутмос мигом бросились утешать не-живую красотку.

Сельвия рыдала недолго. Извинившись перед гостями, она продолжила говорить, смахивая пальчиками слезы со щек:

— А теперь, мальчики, переходим к самому главному. Вы мне нужны для двух дел. Во-первых, благодаря вашим чувствам я практически ожила: любовь обладает чудовищной силой! Не хватает одной малости, а именно — мне нужен Хранитель третьего ключа, тот, что за порталом. Причем нужен живым.

— А кто он, этот хранитель? — спросил Конан, не отрывая взгляда от Сельвии.

— Он — правая рука Склоса. Такая же дрянь! Он добровольно превратил себя в лича,

чтобы охранять покой хозяина. Он же похитил меня и убил на алтаре. Ни я, ни он не можем выходить за пределы своих залов. Поэтому мне до него не добраться. Это за меня сделаете вы. Я дам вам одну вещицу. Ее надо будет бросить как можно ближе к скелету, желательно под ноги. Мое заклятие временно оглушит его и тех, кто будет рядом с ним. Хватайте мерзавца и несите ко мне, а я отдам вам свой ключик! Чтобы вам не мешали другие скелеты, заманите их сюда. Свой магический барьер я временно сниму. Мертвецы войдут в залу, а уж я о них позабочусь. Ну что, согласны?

— Конечно, госпожа! — хором отозвались Конан с Тутмосом.

— Тогда вот, возьмите, — в руке Сельвии появилась золотистая сфера размером с яблоко.

— Теперь второе: как я уже сказала, я практически жива... — Сельвия обняла киммерийца за шею и поцеловала. — Идите ко мне!

Все, что произошло потом, невозможно описать словами.

...Конан и Тутмос очнулись в «прихожей» гробницы примерно через трое суток с дикой жаждой и ноющей болью в паху. Они не помнили, как сюда добрались. Они вообще мало что помнили, кроме неземного блаженства.

Жадно напившись из бурдюка, варвар со стигийцем, почувствовали такой голод, что смели

подчистую все оставшиеся припасы. И не наелись.

— Вот дерьмо! — печально буркнул киммериец. — Я сейчас, кажется, целого быка слопал бы!

— А я двух! — подхватил Тутмос

— Да не ври ты, — вяло отмахнулся Конан. — Двух! Да ты и половины не съешь!

— Это я-то не съем?! — взвился стигиец. — Да я, да я...

Варвар точно, хотя и ругательно, указал зарвавшемуся магу на его ошибки и велел сделать соответствующие выводы. Причем немедленно.

Так они вяло переругивались, пока киммериец, наконец, решительно не прекратил это безобразие. Он просто поднялся и вяло побрёл в коридор, как он сказал, на борьбу с «недогилью». В минуты усталости в Конане просыпался на удивление едкий сарказм. Стигиец потопал вслед.

Едва они доковыляли до развилки, со стороны портала появилась целая толпа неупокоенных. Штук пятьдесят, не меньше. Они целеустремленно направились к усталым расхитителям гробниц, которые, заметив их, свернули к Бассейну Страсти. Скелеты, не задумываясь, потащились следом. Едва первый из них перешагнул порог, как тут же превратился в груды костей. Остальных постигла та же судьба. Прежде чем незадачливый Хранитель догадался отозвать свое туповатое войско, погибли почти все. Лишь пять костей вдруг замерли у черты, развернулись и побрели обратно.

Конан и Тутмос устало смотрели на груды костей. Им было нестерпимо скучно и тошно. Из бассейна неслышно вынырнула Сельвия. Оглядев стоящих неподалеку героев, она нахмурилась и почесала в затылке.

— Похоже, я увлеклась, — пробормотала она, — Придется действовать поскромнее. Эй, мальчики! Подойдите ко мне!

Конан и стигиец обернулись. Даже Сельвия вызвала у них эмоций не больше чем груды костей у входа. Однако они послушались ее и медленно подошли к бортику.

Русалка вздохнула и крепко поцеловала сначала Конана, потом мага. Засмеялась и исчезла под водой. Некоторое время они стояли не двигаясь, а потом дружно затрясли головами, словно отгоняя наваждение. Усталость и скуку как рукой сняло.

— Вот так-то лучше! Теперь я готов порубить этого лича в мелкий фарш! — заявил киммериец и обнажил меч

— Ага! — подтвердил стигиец. — А потом зажарить и съесть!

— Я в этом не участвую, — с отвращением сказал Конан. — Но считаю, если тебе нравятся глотать тысячелетние кости — то пожалуйста! Я не против. — С этими словами варвар, гордо задрав нос, пошел к portalу. За ним семенил слегка оторопевший Тутмос.

К portalу пугливо жалась последняя пятерка оживших мертвецов. «Последняя с этой стороны», — напомнил себе Конан. Скелеты были

уничтожены пятью точными ударами. Варвару не понравилось, что они вели себя с истинно людской обреченностью, но он тут же отогнал от себя эту глупую мысль.

Некоторое время Конан и Тутмос потоптались у портала, ожидая еще каких-нибудь гостей и немного побаиваясь идти в неизвестность. Наконец, Конану надоело ждать. Он достал из кошелька золотистую сферу, подаренную Сельвией. Киммериец хорошо владел обеими руками, но правой все-таки получше. Поэтому он перекинул меч в левую руку, а правой ладонью поплотнее обхватил чуть теплый шарик.

— Ну что, пошли? — спросил он. — Ты, надеюсь, не боишься?

— Нет, конечно, — отозвался стигиец, — я думал это ты трусишь...

Конан набрал побольше воздуха и с излюбленным воплем: «Кром!» ворвался в синеватую, клубящуюся дымку портала.

Он не почувствовал момента перехода. Сначала ему показалось, что он перепрыгнул портал и сейчас со всего размаху врежется в обсидиановую стену. В следующее мгновение туман исчез, и варвар оказался в очередном квадратном зале размерами вполтину меньше помещения, которым владела Сельвия. А по убогости оформления они были почти равны — вместо бассейна посреди зала стоял невысокий каменный трон. На нем восседал сам Хранитель — маленький усохший мертвец, обтянутый серой пергаментной кожей. В правой руке он сжимал непомерно длинный

посох с белым черепом вместо навершия. Кроме того, на шее, на поясе и на всех пальцах рук и ног лича болталось огромное множество разнообразных амулетов, колечек и прочих старинных украшений! Казалось, эта куча золота просто придавила малютку к трону и самостоятельно от нее избавиться он не в силах. Как не в силах он был оставить свое, без сомнения неудобное, кресло. По бокам трона неподвижно стояли зомби с двуручными секирами в руках. Еще две таких же твари караулили в непосредственной близости у портала.

Зомби были как на подбор — ни дать, ни взять, королевские гвардейцы! Все почти на голову выше отнюдь не маленького варвара, да и в плечах пошире. По их плавным движениям, нарочито неторопливым и величественным, киммериец понял, что в создании этих зомби участвовал очень сильный маг, И справиться с ними будет не так-то просто — это вам не примитивные кучи гниющего мяса, которых заставляет нападать на человека страшный неутолимый голод, злоба и зависть ко всему живому.

Конан был готов поклясться в этом своим мечом — зомби двигались как разумные существа! Ну, или как почти разумные...

Стража у трона осталась на месте, а вторая двойка плавно двинулась к незванным гостям. Хранитель вяло махнул посохом в сторону Конана и начал еле слышно шептать древнее заклинание. Закончить ему не удалось — киммериец метнул сферу, и она легла точно к ногам лича.

Тот поперхнулся на полуслове. Сфера раскололась пополам, а в следующее мгновение Хранитель обмяк на троне. Рядом медленно повалились его телохранители.

Двое других зомби остались невредимы, и они с низким рычанием атаковали непрощенных гостей.

— Разбегаемся! — крикнул Конан и по широкой дуге помчался к трону. Тутмос рванулся вправо, набегу читая нараспев заклинание на стигийском языке.

Конан забежал зомби за спину и атаковал, прежде чем неупокоенный успел развернуться. Он надеялся горизонтальным ударом снести твари голову, но мертвец оказался неожиданно ловким. Он присел с разворотом и попытался перерубить варвару ноги. Киммериец подпрыгнул и ударил сверху. Зомби перекатом выпел из-под удара, вскочил и тут же попытался достать спину врага ударом сверху. Конан прыгнул вперед, развернулся. Зомби ударил снизу. Варвар мгновенным прыжком ушел вправо. Ударил наотмашь, в шею, уже замечая, что противник не успевает защититься...

Голова неупокоенного громко стукнулась об камень, подпрыгнула и откатилась в угол. Обезглавленное тело тяжело рухнуло рядом. Только секира звякнула.

Конан сделал глубокий вдох и обернулся. Тутмос, зажатый в дальнем углу, громким, и с каждым слогом все усиливающимся, гортанным голосом продолжал читать заклинание. Кристалл в

навершии посоха стремительно разгорался неприятным багровым пламенем...

Зомби уже поднимал секиру, когда маг вдруг резко выдохнул. Посох нестерпимо сверкнул. Громыкнуло так, что у киммерийца заложило уши. Когда зрение и слух к нему вернулись он увидел Тутмоса, бережно, как грудного ребенка, несущего старого лича к portalу. Бедолаге-зомби начисто оторвало голову. Причем вместе с верхней частью торса. Конан не стал спрашивать, как Тутмос умудрился победить живого мертвеца не мечом, а какой-то презренной магией, и просто шагнул вслед за магом в мерцающую муть.

Сельвия была очень довольна «подарочком». Она тут же отдала оставшиеся ключи.

— Ну, давайте прощаться, мальчики! — она быстро поцеловала Конана и Тутмоса в губы и, пока они стояли, блаженствуя, спихнула лича в бассейн и тут же сама спрыгнула в воду.

Когда к Конану вернулся разум, он недоуменно посмотрел на кристаллы. Потом на улыбающегося стигийца.

— Эй, Сельвия! Вернись пожалуйста! — внезапно заорал варвар, припомнив забытую в суматохе мысль.

— Да-да, Сельвия... Вернись! Пожалуйста! — с хриплым придыханием прошептал Тутмос, улыбаясь еще шире.

Конан начал серьезно опасаться за разум мага.

Сельвия вернулась довольно быстро и весьма недовольная:

— Ну что вам еще надо? — нелюбезно спроси-

ла она, постукивая ладонью по бортику бассейна. — Я же с вами попрощалась?

— Извини, пожалуйста, а где все-таки выход? — как можно более вежливо спросил киммериец.

— Я ж тебе сказала, болван! В склепе! Где же еще? — с этими словами она тут же нырнула обратно.

Конан обиделся на «болвана». Стигиец только тяжело вздохнул — он не понял ругательства, произнесенного на чужом языке Хайбории.

— Пошли, нечего стоять столбом, пора выбираться из этой Нергаловой могилы! Будь она трижды проклята! — Конан решил применить новое ругательство к Тутмосу и, не дожидаясь пока он окончательно придет в себя, потащил в «прихожую». По дороге маг мечтательно сказал:

— А «болваном» она именно тебя назвала... — Тутмос вздохнул так тяжело, как могут вздыхать только безнадежно влюбленные. — Болван — это, наверное, какой-то очень могучий зверь из древних времен... Наподобие льва или тигра, только побольше и страшнее. Так что, спасибо, друг, за столь лестный для меня отзыв, но, по моему скромному убеждению, я недостойн носить это гордое и страшное имя — Болван!

Дальше стигиец понес такую ахиню, что у варвара уши свернулись. Тутмос продолжал разглагольствовать, мечтательно покачиваясь у стены, в то время как киммериец, злобно ругаясь, вставлял ключи в углубления.

Наконец, все совпало. Ключи вспыхнули и тут же погасли. Огромная плита со скрежетом ушла

вверх. Конан подумал, что лучше бы она ушла вниз. Так ему было бы спокойнее.

За дверью оказался очередной квадратный зал. Только на этот раз он не пустовал — по углам стояли огромные, высотой до потолка, каменные статуи, изображавшие воинов в полном латном доспехе, но без шлемов. Двое опирались на зазубренные двуручные мечи, а еще двое держали на локте шипастые булавы. Злобно оскаленные бородатые физиономии воинов вызывали омерзение.

Надо заметить, что все они смотрели на большой обсидиановый склеп, расположенный точненько в центре зала. Склеп, как и все в этой гробнице, был равносторонним, точнее, представлял из себя обсидиановый кубик.

Вид склепа слегка отрезвил стигийца. Он перестал молоть чепуху и глупо хихикать.

— Ну что, змееныш? Похоже, мы в конце пути. Пойдем дверь выносить, — нарочито бодро сказал Конан и широко зашагал к склепу. Стигиец медленно двинулся за ним. Оказавшись возле гробницы, киммериец как следует осмотрел цепи и их крепления. Толщина и тех, и других привела варвара в уныние. Его меч явно не справлялся. Даже пробовать не стоит!

Тутмос внимательно осмотрел дверцу на саркофаге, покосился на статуи, потом взглянул на Конана:

— Слушай, варвар, а ты уверен, что нам сюда? Там, за дверью, явно находится что-то скверное!

— А куда же еще идти? — возмутился Конан.

— Ты что, не слышал, как Сельвия сказала, что выход в склепе? Наверно не слышал...

— Сельвия! — пропел стигиец, и на его лицо опять полезла улыбка

— Забудь на время о Сельвии! — скомандовал киммериец и хорошенько встряхнул мага. Это сразу принесло положительный результат.

— Ладно, раз она сказала, значит, будем ломать! Отойди!

Конан отошел на всякий случай поближе к двери в «прихожую». Стигиец начал читать заклинание. Читал он его так долго и так нудно, что варвар, прислонившись к проему, умудрился задремать.

Проснулся он от вспышки и грохота. Дверь в склеп исчезла вместе с цепями. Тотчас статуи слегка засветились, а в комнате послышался легкий, почти неуловимый вздох.

Конан подбежал к магу, но уже на полпути его окатило волной такой злобы, что варвар едва не исторг из желудка скудный завтрак. Чем ближе он приближался к открытому склепу, тем хуже ему становилось: перед глазами поплыли черные пятна, мускулы свело судорогой, сердце бешено застучало в рваном ритме... Несколько раз он чуть не упал, но все-таки добрался до Тутмоса. Маг болезненно шурился и тяжело опирался на посох, но выглядел лучше варвара.

— Слушай, а может, я все-таки ошибся? — пробурчал Конан, то и дело судорожно сглатывая слюну.

— Даже если ты ошибся, я все равно пойду

туда, — холодно отрезал стигиец. — Мне очень любопытно, какая тварь может исторгать такую черную злобу...

— А мне совершенно не любопытно, — простонал киммериец, обеими руками хватаясь за живот.

— Тогда жди здесь или в «прихожей», — стигиец слегка пригнулся, словно при сильном ветре, и вошел в склеп. Сжав зубы до скрежета и похрустывания, за ним вошел и Конан.

Внутри оказалось поспокойней, Конан даже смог распрямиться и с облегчением заметил, что желудок из горла опустился обратно, на свое привычное место.

К огромному разочарованию варвара, внутри не оказалось сундуков с сокровищами. Только обсидиановый гроб, против обыкновения, весь опутанный тонкой вязью неизвестных письмен. Тутмос направился прямо к нему

— Давай, Конан, сдвинем крышку, Мне кажется, что легендарная Книга Склоса, переплетенная в кожу девственниц и написанная их кровью, лежит прямо под ней!

Конану совершенно не хотелось трогать гроб. Ну совершенно не хотелось! Кроме того, он не верил, что легендарную книгу могли спрятать в таком простеньком саркофаге! Но показывать свою боязнь, да еще перед стигийцем, варвар не мог. Пробормотав: «Кром...» он уперся в крышку и неожиданно легко наполовину сдвинул ее.

Статуи вспыхнули резким белым светом и загудели так, что киммериец перестал слышать все

остальные звуки. В довершение всего он встретился глазами с человеком, лежащим в гробу... И глаза его были открыты!

Сразу бросился в глаза его огромный рост — не меньше восьми локтей. Человек сильно зарос густой черной бородою, а вот череп был совсем лыс. Бешеные черные глаза гневно смотрели на незваных гостей.

Человек открыл рот, полный одинаковых треугольных зубов и что-то выкрикнул — звуков киммериец не различил. И тотчас Конана тут же вывернуло наизнанку. Только тогда варвар заметил, что обитатель склепа весь опутан толстыми серебряными цепями.

...Киммериец с трудом, в полубреду, выбрался из склепа в слепящий свет и почти ползком добрался до ставшей такой домашней «прихожей». Всю дорогу его рвало так, что казалось, наружу вот-вот вылетят все кишки. В эти моменты Конан страстно хотел умереть.

Когда тошнота отпустила, варвар мешком упал на бок, скрючился и провалился в кошмар сна. Из болезненного забытья его вырвал звонкий серебряный колокольчик. Колокольчик танцевал и звал киммерийца, подталкивал его, пока не превратился в Сельвию. Русалка весело и немного грустно смотрела на него и, увидев, что он очухался, покачав головой сказала:

— Мальчик мой, я немного ошиблась. Ты не просто болван, но болван из болванов! Уму непостижимо, зачем было лезть в охраняемый и запечатанный склеп, когда за склепом есть малень-

кий проход? В котором — уютная винтовая лестница, ведущая прямо на поверхность.

— Как — на поверхность? — страдальчески прохрипел Конан

— А вот так, на поверхность! Именно о нем я тебе дважды вчера и говорила, — она снова вздохнула и махнула рукой. — Ладно, теперь уж точно — прощай.

И прежде чем варвар успел сказать хоть слово, прекрасная Сельвия скрылась в глубине склепа.

Велики были душевные муки Конана. Он был бешеным волком и в отчаянии катался по каменному полу. Он, опытный воин и взломщик, не осмотрел весь зал, а, как пятилетний мальчик бросился к первой попавшейся двери! Позор! Позор стократ!

Безумие Конана длилось весьма продолжительное время. Очнувшийся от его воплей стигиец забился в самый дальний угол и со страхом следил за потерявшим человеческий облик киммерийцем. Он боялся, что варвар набросится на него и разорвет на куски.

Безумие прекратилось внезапно. Варвар вдруг резко остановился. Огляделся в некотором недоумении, потом плюнул под ноги, поднял с пола меч, который — хвала Крому! — не выронил в склепе, и, угрюмо посмотрев на стигийца, коротко бросил:

— Пошли!

Они по стеночке обошли злополучный склеп. Статуи светились довольно ярко, но темных волн

таинственной магии, изливавшейся из склепа, почти не было. Конан легко нашел винтовую лестницу и застонал в бессильной ярости. Но зачем махать кулаками после драки?

На вершине лесенки нашелся портал, который перенес измученных гробницей людей под заходящее солнце, в заросли тех самых кустов, которые киммериец столь недавно рубил на дрова.

Конан по-прежнему молча осмотрел остатки лагеря. Лошади само собой убежали, шатер наполовину засыпало песком, но в нем нашлась сумка с едой и три бурдюка, полные воды. Третью еду и воды киммериец отдал Тутмосу.

— Вот что, змееныш... — сквозь зубы процедил киммериец. — Здесь наши дороги расходятся. Тебе надо идти в Луксур, на Закат. А мне в Замбулу, на Восход. Будь здоров!

Варвар закинул бурдюки на плечо, повернулся и, не оглядываясь, зашагал по зыбкому песку. На душе у него было по-прежнему мутно и скверно. Но не успел он сделать и десяти шагов, как сзади раздался негромкий хлопок и удивленный вскрик Тутмоса. Конан мгновенно сбросил бурдюки и развернулся, хватаясь за рукоять клинка.

Рядом с Тутмосом из пустоты возникли два стигийца, возрастом гораздо старше змееныша. Судя по радостной улыбке, Тутмос их знал.

Конан пожал плечами и, повернувшись, нагнулся за бурдюками.

— Киммериец, подойди к нам, — раздался сзади хриплый властный голос. — Думаю, тебе бу-

дет интересно послушать то, что я собираюсь сказать сыну.

Конан замялся. Один молодой стигийский маг это еще куда-куда, но два старых и опытных? Нет уж, хватит приключений!

— Если ты, конечно, не боишься, — с издевкой добавил тот же голос.

«Они меня подначивают! Как мальчишку неразумного! — с горечью подумал киммериец. — Впрочем, почему бы и нет?»

Варвар подошел к чужакам и встал в трех шагах, с независимым видом скрестив руки на груди. Стигийцы переглянулись и усмехнулись. Один из них, выглядевший постарше, начал говорить, сперва обратившись к Тутмосу:

— Начнем с того, мой сын, что я и уважаемый глава Черного Круга, известный под именем Тот-Амон, поздравляю тебя с успешным прохождением испытания на зрелость. Отныне я могу гордиться тобой! Ты успешно преодолел все трудности как своим умом, так и благодаря счастливой случайности и помощи посторонних людей. Ты выбрался из гробницы живым, а значит, теперь можешь получить звание Младшего Мастера!

— Но отец... — удивленно спросил Тутмос. — Откуда ты узнал? Неужели?..

— Сын мой, — усмехнулся пожилой стигиец. — Я и почтенный Тот-Амон прошли в свое время подобные испытания. Провалившему экзамен путь в Черный Круг заказан! Поздравляю! Ты первый прошел через так называемую «гроб-

ницу Склоса» и со временем займешь достойное место среди нас! Да ты прав, манускрипт был сделан и подброшен в библиотеку так, чтоб ты его увидел. И наш спор с благороднейшим Тот-Амоном о наследии Склоса, который ты подслушал, мы затеяли специально для тебя.

— И гробницу, что ли, ты построил? — с издевкой спросил Тутмос.

Конан боялся, что молодой маг расплатится, но стигиец плотно, в ниточку, сжал губы и пытался показать остальным свое хладнокровие. Сам киммериец удивился подобному повороту событий, но, в общем-то, не слишком — у них в Киммерии практиковалось нечто подобное, например, когда на мальчишку, первый раз участвующего во «взрослой» охоте, выгоняют матерого волчицу, медведя или кабана...

— Нет, — усмехнулся старик. — Гробницу я всего лишь нашел, тщательно исследовал, забрал кое-какие интересные вещи и договорился с Сельвией о содружестве.

— О каком таком «содружестве»? — спросил Тутмос, бледнея.

Его отец почти незаметно улыбнулся:

— Она помогает молодым магам пройти испытание, а я — помогаю ей вернуться к жизни. Насколько я понял, у нее все получилось?

Конан молча кивнул.

— До тебя, сын, в гробнице побывало не менее двадцати молодых магов, но никто не собрал все ключи. Из этого числа в гробнице погибли только трое: один как-то сумел убить первого Храни-

теля, но и сам умер рядом с ним. Двух других уничтожил лич...

— И что, каждый раз тело лича таскали Сельвии?

— Нет, только тебе выпала такая честь. Раньше Сельвия помогала только советом. Впрочем, большинство проходящих испытание так или иначе уносили ноги из гробницы. Полную победу одержал лишь ты.

— Если это не гробница Склоса, то чья же? — упрямо продолжал спрашивать Тутмос.

— Да понятия не имею! — ответил отец. — Там есть слабенькая магия, подвластная любому посвященному первой ступени, что еще нужно? Пройти подобное испытание может каждый!

Конан и Тутмос быстро переглянулись, и киммериец решил спросить:

— Достопочтенные, а вы не знаете, что это была за тварь? В виде бревна...

Оба мага пожали плечами:

— Первый раз о таком слышу, наверно, какое-нибудь местное животное... — ответил Тот-Амон. А это был именно глава Черного Круга!

Второй маг обнял Тутмоса за плечи:

— Ладно, сын, нам пора возвращаться домой...

— И оба тотчас исчезли в синеватом дымке.

Тот-Амон подошел к Конану и сказал бесстрастно:

— Ты сильно напакостил у нас в Стигии, киммериец. Многие хотели бы видеть тебя сидящем на колу перед золотыми воротами Луксура, но ты

помог сыну моего друга, и я не отдам тебя суду магов. Куда ты направлялся? В Замбулу? Очень хорошо, эту трудность я могу разрешить немедленно. Можешь отправляться! И лучше никогда не возвращайся в Стигию! Считаю это маленькой услугой, которую я оказал тебе в благодарность за помощь!

Маг щелкнул пальцами и скупой улыбнулся. Конан моргнул.

* * *

Пустыня исчезла. Киммериец стоял на обочине дороги. Впереди, в полулите, возвышались знакомые башни замбулийской столицы. Конан хмыкнул, почесал в затылке и сказал вслух:

— Как знать, а может, меня все-таки стошнило на самого Склоса?

Конан засмеялся и быстро зашагал по дороге к городу.

Рыжая Кошка

Краткое вступление от Халька Юсдаля

Представляя потомкам свою «Синюю хронику Аквилонского королевства», я никак не мог обойти вниманием некоторые, совершенно неизвестные подробности жизни государя Конана Канах, о коих он не соизволил поведать ни близким друзьям, ни жаждущим новых сплетен о жизни короля придворным.

Случилось так, что в лето 1299 от основания Аквилонии я и король Конан остались наедине в охотничьем домике, что в Руазельском лесу — тогда Его величество был погружен в бездеятельную хандру, и даже Большая Королевская охота не могла его развлечь. С тем мы отбились от основной свиты, предупредив о нашем исчезновении только герольдмейстера двора, барона Ортео, который и был обязан предупредить королеву Зенобию вкупе с вице-королем Просперо Пуантенским о том, что Хальк Юсдаль и Конан Канах будут отсутствовать до утра.

Я, как человек полагающий, что у короля нет от меня тайн (ибо уже много лет являюсь тайным советником короны и личным другом Конана) превесьма изумился, когда киммериец провел меня звериными тропами в затерянный среди чащоб Руазеля охотничий домик, который, по словам Конана, предназначался для «секретных встреч с людьми, о которых никто не должен знать». Я так и не понял, имел ли в виду король «людей» или «встречи».

Мы разожгли камин, киммериец откупорил небольшой бочонок драгоценного нектара — красного вина, именуемого в Шеме «Либнумские холмы» и погрузился в размышления. Мыслил он вслух, невольно заставляя меня внимать его излияниям. Королевская хандра — ужасная болезнь! Конан изливал на меня свои мысли о государстве и троне, прошлом и будущем, о налогах и морском флоте, а затем...

Затем короля слегка развезло. И он, на радость мне, равно как и потомков, кои прочтут сию летопись, рассказал весьма прелюбопытную историю, относящуюся к 1285 году по аквилонскому счету. Веной и осенью того года беспокойный Конан пристал к ватаге знаменитых «Ночных Стражей», сиречь — охотников на монстров, с коими делил тяготы и трудности их жизни в течении нескольких лун. Но после его вынужденного ухода из отряда, возглавляемого неким Гвайнардом из Гандерланда, киммериец умдрился влипнуть в историю, о которой он мне и поведал.

Все, что я описываю ниже, является пересказом слов короля Конана Канах в моем изложении. История рассказывается от лица самого Конана (единственно, я несколько облагородил речи короля, изредка срывавшие-

гося на неоптребную в благородном дворянском обществе брань в адрес своих врагов...) Возможно, сию рукопись можно полагать апокрифом, но супротив истины я не погрешил, в чем клянусь свои гербом и дворянской честью.

Смею так же приписать, что имя главной героини я нарочно изменил, дабы не бросить на эту благороднейшую даму даже тени подозрения...

К сему руку приложил — Хальк Юсдаль, личный библиотекарь и тайный советник короля Конана I Аквилонского, из Канахов в день Преполовения, лета 1299 по счету нашего королевства.

Видя у костра, я точил меч. Вообще, необходимости в этом не было, он и так рассекал подброшенный в воздух волос. Просто, полезная это привычка — каждый вечер точить и полировать меч. Дисциплинирует. И еще — помогает думать.

Мечей через мои руки прошло не один и не два, но этот я ценил, пожалуй, больше других. Легкий, чуть изогнутый, с навершием, украшенным темно-красным рубином, с тонкой вязью неведомых мне рун на клинке. Трофей, которым я гордился по праву. Трофей, который когда-то едва не стоил мне головы.

Время тогда выдалось мирное, что, разумеет-

ся, хорошо для всех, кроме наемников, вроде меня. Ни войн, ни стычек. Даже разбойники шалили меньше обычного, даже степняки откочевали куда-то — за шесть лет ни одного набега. Я бродил из города в город в поисках дела, и те немногие сбережения, что мне удалось скопить за предыдущие годы, постепенно таяли.

Тут-то мне и предложили работу: выследить и уничтожить предводителя шайки головорезов. Шайку-то накрыли и всех повязали, а вожак их ушел. Я взялся за это дело с радостью, и не только ради звонких монет, хотя платили за него щедро. Просто — не могу долго жить без риска. Кровь киснет, и жизнь становится пресной и бессмысленной. Такой уж я уродился: на одном месте задержаться долго не в состоянии, да и без приключений обойтись не могу.

Парня этого — Голтаргон его звали — я выслеживал месяца три. Осторожен он был и хитер, как зверь матерый. Да зверем же и оборачивался. Когда кабаном, а когда волчарой огромным. Подвела его, пожалуй, самоуверенность. Отчаявшись до него добраться, я начал совершать тщательно продуманные «оплошности», стараясь не оставить у него сомнений, что я на него охочусь. То останавливался в трактире и вечером, прикинувшись захмелевшим, начинал приставать ко всем с расспросами о Голтаргоне. Хвастался во всеулышание, что скоро приволоку его на праведный суд на цепи, словно медведя на ярмарку. И подробно расписывал, где и как я устрою для него очередную ловушку. Стараясь, разумеется, чтобы

услышало меня как можно больше народу. Затем, ясное дело, проваливалась, и я начинал свое представление сызнова, рассчитывая, что в конце концов, моему противнику это надоест. Не может не надоест.

Конечно, он мог уйти, но он отчего-то считал те места своими и не желал покидать их. То ли зазноба у него там была, то ли держало что-то, а только не захотел он в чужие земли податься. Это его и стубило.

Голтаргон, надо отдать ему должное, попался на приманку не сразу. Хотя наблюдал за мной, думаю, очень внимательно. И осторожно. Кто другой, может, и не заметил бы, но у меня сызмальства чутье на опасность. Словно холодные пальцы сжимают виски. Уж сколько раз этот дар спасал мою жизнь — не сосчитаешь. Правда, действует он по-разному. Когда за мгновение до беды, а бывает, что и за несколько часов. Не угадаешь.

Так вот, когда Голтаргон надумал превратить меня из охотника в добычу, мне недели три казалось, что я ношу на голове ледяной обруч. Ощущение не из приятных, конечно. Зато я был настороже.

Я прикидывался беззаботным, хотя к концу нашей с Голтаргоном игры начал терять терпение. К счастью, он, наконец, поверил в мою глупость. Да и я в тот вечер разошелся вовсю — с отчаяния. Орал песни, приставал к девчонке, что разносила вино в трактире, обещал подарить ей голову Голтаргона на золотой цепочке, продетой

через уши. А виски ломило от холода, и озноб медленно расплзался по всему телу: я чувствовал, что время пришло, и Голтаргон вот-вот нанесет удар.

Я вышел из трактира глубоко за полночь, едва не своротив по дороге стол, и побрел по улице, путаясь в собственных ногах и словах очередной песни. В руках я нес ополовиненный бурдюк с вином и время от времени прикладывался к нему. Есть у меня еще одно свойство: хмельное на меня действует слабо. Почти вовсе не действует. Прежде я считал это недостатком, не без зависти глядя на тех, кому вино помогало забыть о невзгодах, боль унять или просто повеселиться вволю. Теперь то, что я привык считать своим проклятием, обернулось даром судьбы.

Я углубился в лес. Несмотря на оранжевый диск луны, висящий в небе, вокруг было темно, хоть глаз выколи. Я с треском и громогласными проклятиями продрался сквозь заросли, наверняка распугав все зверье, как минимум, на лигу вокруг. Плюхнулся под дерево, поерзал, устраиваясь поудобнее, хлебнул еще вина, неразборчиво, но с чувством выругался, уронил бурдюк и звучно захрапел, привалившись к стволу.

Я ждал нападения — и все же едва не пропустил его. Мой противник сумел подкрасться совершенно беззвучно. В голову мне словно ледяные иглы впились — я инстинктивно откатился в сторону и вскочил, выхватывая оружие, прежде, чем успел сообразить, что происходит. Услышал свист воздуха, рассекаемого клинком, уви-

дел темный силуэт — судя по всему, Голтаргон рассчитывал отрубить мне голову.

Он повернулся ко мне мгновенно — глаза у него светились желтым, словно у зверя. Меч снова запел в воздухе, но я отбил удар, хотя и не без труда. Противник мой двигался быстро, пожалуй, слишком быстро для человека. Да и силицы у него хватало.

Мы бились молча, и у него было преимущество: он явно неплохо видел меня, мне же приходилось сражаться почти вслепую. Мы бились, и я вынужден был медленно отступать под его натиском. Если бы там было чуть-чуть светлее! Я знал заранее, что предстоит иметь дело с оборотнем, но этот оборотень был необычным. Те, которых я встречал прежде, или о которых мне приходилось слышать, не имели никаких особенных способностей, находясь в человеческом облике. Перекидываться могли, это верно. В лисицу или даже в медведя. Но не более того.

Я ожесточенно отбивался, постепенно отступая в том направлении, где — я помнил — была поляна. Только бы не споткнуться!

До спасительной поляны оставалось, по моим прикидкам, не более двадцати шагов, когда мне под ноги подвернулся-таки какой-то корень. Я чудом сумел удержаться равновесие и едва не пропустил удар, направленный прямо мне в грудь. И тут вспыхнул свет. Яркий и теплый. Казалось, множество факелов внезапно осветило непроглядный мрак ночного леса.

— Ах, сожри тебя лягушка! — раздался до-

нельзя раздраженный девичий голосок откуда-то сверху. — Перестаралась!

Я не позволил себе зажмуриться, несмотря на резкую боль в глазах. Годы тренировок и скитаний не прошли даром. А вот мой противник такой выдержкой не обладал. Приостановился. На мгновение только, но мне хватило. Мой клинок ударил по кончику его меча, выбивая оружие из рук. Я мог бы убить Голтаргона, но это было бы слишком просто.

Зазорно мастеру искать легких путей. А я считал себя мастером. Мастером клинка. Мастером выживания. Не-ет, я скручу этого негодяя и доставлю его в город живым. И по дороге ни одной деревни не пропущу — пусть видят, чем закончил тот, кто не один десяток лет наводил ужас на всю округу. И на пленника пусть полюбуются, и на своего избавителя тоже.

Я приставил меч к горлу оборотня пониже короткой светлой бороды. Тот замер, шуря золотистые волчьи глаза и хрипло дыша: все-таки, поединок со мной дался ему не так уж легко, несмотря на все его преимущества.

Свет, между тем, стал мягче. Впрочем, теперь, когда глаза привыкли, это было уже неважно.

— Так лучше? — заботливо спросил все тот же звонкий голосок.

— Если ты спрашиваешь меня, — отозвался я, прижимая острие клинка к шее Голтаргона, — то я не очень-то привередлив. А если... хм... этого, то ему уже, думаю, все равно.

— Тебя, — весело подтвердила невидимая по-

ка девушка. — Мне понравилось, как ты дрался, и я решила помочь.

— Я запомню это, колдунья, — ненавидяще процедил сквозь зубы разбойник. — Сочтемся.

— Это вряд ли, — я покачал головой.

А вот нельзя отвлекаться, даже если противник обезоружен, и лезвие твоего клинка упирается ему в горло. И я тут же поплатился за свою самоуверенность. Голтаргон перекинулся мгновенно — ни один оборотень на моей памяти не умел такого. Приземистый человек в кожаной одежде исчез, и кончик моего меча, только что приставленный к его шее, беспомощно повис в воздухе. Здоровенный кабан с места рванулся вперед и неминуемо выпустил бы мне кишки, если бы я чудом не успел отскочить в сторону. Клык прошел вскользь, распоров на мне куртку и рубаху и располосовав кожу. Вепрь-оборотень развернулся, готовясь снова кинуться на меня — хорошо еще, что деревья росли слишком густо, чтобы у него было достаточно места для разгона.

Не-ет уж, голубчик, я решил тебя взять живьем и возьму. Я надавил пряжку пояса, и в ладонь мне удобно легла метательная игла, густо намазанная сонным зельем. Пользовался этим оружием я крайне редко, предпочитая полагаться на меч и свое воинское умение. Но с собой на всякий случай носил. Вот и настал тот случай.

Кабан помчался ко мне — я отпрыгнул и метнул свое оружие вслед пронесшейся мимо туше. Игла глубоко вошла в бок зверя.

Все. Теперь ему не уйти. Испытанное снадобье

валило с ног через несколько ударов сердца — зверя ли, человека, без разницы.

Вепрь опять развернулся ко мне, и вдруг замер, уставившись на меня крошечными глазками. Но вместо того, чтобы осесть на землю, как я ожидал, кабан неожиданно припустил прочь. Я не поверил своим глазам.

— погоди, я с тобой, — раздался шорох, и с дерева с беличьей ловкостью соскользнула давешняя девушка. — Этому-то свет без надобности.

Мы мчались за кабаном через лес, причем моя неожиданная спутница и не думала от меня отставать. У нее не было никакого светильника — казалось, свет исходил от нее самой. Впрочем, меня на тот момент мало занимало ее колдовство. Меня тревожил кабан, который продолжал упорно ломиться сквозь заросли, не собираясь ни останавливаться, ни засыпать.

Я мог бы сократить расстояние, но пока не спешил. Должен же он когда-нибудь выдохнуться, в конце-то концов! Впрочем, Голтаргон, хотя и не выглядел усталым, вел себя беспокойно. Метался из стороны в сторону, словно желая свернуть, но невидимая преграда не позволяла, и он неслся дальше.

Я покосился на свою спутницу. Она поймала мой взгляд, широко улыбнулась и неожиданно подмигнула:

- Все продумано, охотник за оборотнями...
- Куда ты ведешь его? — выдохнул я.
- Увидишь.

Это мне совсем не понравилось, но возразить я не успел. Раздался истошный визг, и вепрь исчез.

— Остановись, — девушка вцепилась в мой рукав. — Не то улетишь вслед за ним.

Мы перешли на шаг и остановились у кромки обрыва. Внизу шумела река.

— Там дальше пороги, — сказала девушка. — Он не выберется.

— Зачем? — сердито спросил я. — Он был мне нужен живым.

— Тебе? Не рассказывай мне сказки, охотник.

Я свирепо посмотрел на нее и встретил безмятежный взгляд светло-зеленых, словно весенняя листва, глаз. Росточком моя спутница едва дотягивала мне до груди, и все же у нее каким-то образом получалось смотреть на меня, словно бы сверху вниз.

Только сейчас я смог разглядеть девушку. Золотисто-рыжие кудри до плеч, в которых запутались еловые иголки. Чуть вздернутый нос, острый подбородок, лукаво приподнятые уголки рта. Не красавица, отнюдь не красавица. И все же было в ней что-то такое, отчего у меня тут же прошла вся злость.

— Ладно. Не мне. Тем, кому я обещал разделиться с этим разбойником.

— Им — да. Но мне — мне, охотник, совершенно не нужно, чтобы Голтаргон был схвачен живым.

— Так ты его знаешь... знала?

— Пф-ф! — она фыркнула, забавно сморщив

нос. — Он мой ученик, — сдвинула светлые брови. — Бывший.

— Так это ты...

— После все объясню, — она решительно тряхнула кудряшками. — У тебя весь живот в крови. А клыки у нашего общего знакомого были, вообще-то, ядовитые, чтоб ты знал.

— И что?

— Ну, у тебя есть на выбор два варианта, — она принялась деловито выбирать из волос хвостик. — Или пару дней погостить у меня в замке, здоровье поправить. Или пожить самостоятельно... еще пару часов.

— В замке?

— Пф-ф! Решайся, что ли, охотник. Недосуг мне полночи в лесу торчать. Дела, между прочим.

— А где...

Договорить я не успел. Девушка закатала рукав куртки, коснулась пальцами широкого серебряного браслета на запястье, быстро пробормотала несколько слов, и прямо в воздухе перед нами возникли призрачные очертания открытой двери. Моя спутница нетерпеливо дернула подбородком, предлагая мне войти. Судя по всему, в моем выборе она нисколько не сомневалась.

* * *

— Ну, вот, теперь ты выглядишь намного лучше, — без церемоний заявила хозяйка замка, когда на следующий день я, умытый и причесанный, спустился в гостиную.

— Ты тоже, — ухмыльнулся я.

И ничуть не покривил душой. Изумрудно-зеленое платье шло моей спасительнице гораздо больше, чем мужской наряд, в котором я видел ее накануне. А глубокий вырез поневоле притягивал взгляд. Девушка заметила это и лукаво улыбнулась:

— Кстати, я так и не представилась. Кештиора Арнамагелльская, волшебница в пятом поколении, магистр Ордена Рубинового Трезубца и победительница трех подряд ежегодных магических турниров в Замке Единорога.

Она замолчала, явно ожидая, что ее слова произведут на меня должное впечатление. Вот только я отродясь ничего не слышал ни о Кештиоре Арнамагелльской, ни об Ордене Рубинового Трезубца, ни о Замке Единорога. Не то, чтобы я не любил колдунов, иной раз и от них польза бывает. Просто — старался держаться от них подальше, полагаясь на честную сталь безо всех этих магических выкрутасов.

Похоже, великая волшебница Кештиора догадалась об этом и обиженно поджала губы.

Я вежливо улыбнулся:

— Конан из Киммерии. Для друзей — просто Конан. Ты спасла мне жизнь, Кештиора, и я теперь твой должник.

В ее глазах промелькнула ласковая и чуть печальная усмешка: так взрослый мог бы ответить на предложение ребенка помочь ему в битве. Что ж, улыбайся, всесильная чародейка. Я не в обиде. Как знать, быть может, когда-нибудь ты пой-

мешь, что простая сталь порой побеждает там, где бессильна магия.

— Ты можешь называть меня Кешт.

— Благодарю, Кешт. Могу ли я спросить тебя кое о чем?

— Спрашивай, — она пожала точеными плечиками, наполнила два хрустальных бокала золотистым вином из тяжелого бронзового кувшина, протянула один мне и указала на кресло.

— Ты сказала, что Голтаргон — твой ученик. Как такое могло случиться? На его совести десятки загубленных жизней, а ты...

— А я не произвожу впечатления злодейки, — закончила она за меня. — Но ведь все очень просто, Конан-охотник. Видишь ли, я не учила его ни воевать, ни разбойничать. Я учила его магии... пыталась учить.

Между светлых бровей залегла сердитая складочка. Я отметил про себя, что гнев очень идет Кешт. Впрочем, улыбка ей шла не меньше.

— Особыми талантами он не блистал, — сказала волшебница, покачивая бокал в изящных пальчиках и любясь игрой янтарных бликов. — И трудиться не желал тоже. Хотел всего и сразу. А так в нашем ремесле не бывает.

Я подумал про себя, что так не бывает ни в каком ремесле, но говорить ничего не стал. Не хотел ее прерывать.

— В конце концов, я так ему и сказала: попробуй, мол, себя в каком-нибудь другом деле, потому что здесь ты только теряешь зря время.

— А он?

— Он попросил наделить его способностью к оборотничеству. На прощание и в память о его жизни в Арнамагелле. У самого-то получалось через раз, в лучшем случае.

— И ты наделила? — против воли, в моем голосе прозвучал упрек.

— Наделила, — она приподняла брови. — А почему бы и нет? Я не отказываю просящим. К тому же, я опробовала на нем новый метод, который как раз пришел мне тогда в голову. И согласись, получилось неплохо. Очень и очень неплохо.

Она улыбнулась, откровенно гордясь своим мастерством.

— Да уж, неплохо. Полагаю, жители деревень, вокруг которых хозяйничал твой любимчик, премного благодарны тебе, — съязвил я. — Их-то ты за что ошастливила?

— Я ничего им не сделала, — она раздраженно дернула уголок рта. — В Арнамагелле Голтаргон мухи не обидел. А потом... потом он уже не имел ко мне отношения.

— Но почему ты не уничтожила его? Ведь это ты дала ему силу! Твой долг...

— Я волшебница, Конан-охотник, — перебила меня Кешт. — У меня нет обязательств перед людьми. Я помогаю тем, кому мне заблагорассудится и так, как я захочу.

— Но ведь это...

— А ты, — ее высокий голос зазвенел сталью, и я подумал, что Кешт далеко не такая хрупкая девочка, какой выглядит. И далеко не такая

юная. — Ты сам разве не поднимаешь свой меч в защиту того, кто заплатит? Я-то хоть делаю выбор, руководствуясь собственными предпочтениями, ты же продаешь свою силу и воинское умение.

Я отвел взгляд. Возразить на это мне было нечего.

— Каждый из нас живет так, как может и хочет, — тихо сказала Кешт. — Я не могла убить Голта. Я помню его мальчишкой. Восторженным, неуклюжим, наивным. Но я дала себе слово, что помогу тому, кто остановит его.

— А говорить с ним ты не пыталась? — Я не смотрел на нее. Уставился в камин, где плясал огонь.

— Пыталась, — она вздохнула. — О результате можешь догадаться.

— Он сам по себе, ты сама по себе. Понимаю.

Вино внезапно показалось мне горьким.

— Ему долго не находилось достойного противника, — задумчиво сказала Кешт.

— Но разве ты не могла помочь тем, кто пытался ему противостоять? Наделить их тоже какими-нибудь... способностями? — Я снова поглядела ей в лицо.

— Я не отказываю *просящим*, — Кешт спокойно выдержала мой взгляд. — Никто не *просил* моей помощи, Конан-охотник.

— Но мне ведь ты помогла.

— Не удержалась, — щеки волшебницы чуть порозовели. — Ты мне понравился.

— Понравился?

— Мне нравилась твоя отвага, — Кешт, не отрываясь, смотрела на меня внезапно заблестевшими глазами. — Знаешь, немногие решались встать Голтаргону поперек дороги. А из тех, кто решился, не выжил никто. И то, что ты не кинулся в бой очертя голову, как твои предшественники, а старался усыпить бдительность Голтаргона, чтобы ударить наверняка, мне понравилось тоже. Я не хотела, чтобы ты погиб, Конан-охотник. Ты слишком умен для этого. И слишком, — уголок ее алого рта лукаво изогнулся, — красив.

— Но зачем ты убила его? Зачем помешала мне исполнить задуманное?

— Затем, что он все равно сумел бы освободиться. Да не хмурься, я не говорю, что его упустил бы ты. Не-ет, ты, конечно, доставил бы его к месту назначения в лучшем виде. Просто тех, кто давал тебе задание, я знаю достаточно. Рано или поздно, он вырвался бы на свободу. Если не силой, так хитростью, или подкупил бы кого. Да и знает он многое. Не один и не двое в городе были вовсе не так уж заинтересованы в поимке Голта, как хотели бы показать.

Она помолчала.

— А потом бы он начал мстить.

— Тебе?

— Пф-ф! Что может мне сделать этот мальчишка?! Нет, он бы постарался достать тебя. Или — выместить зло на тех, кто не в состоянии от него защититься. Раз уж я решила действовать, надо было довести дело до конца.

— Но ты уверена, что он погиб?

— Там пороги, Конан. Волны, острые камни. На протяжении лиги. Я успела наложить на Голта заклятье, не позволяющее изменять облик. Вряд ли он сумел выбраться.

— Вряд ли?

— Я уверена в этом, Конан.

В дверь постучали.

Кешт улыбнулась вошедшей — невысокой девушке с русой косой, падающей на грудь:

— Принесла? Умница, Ари. Знакомьтесь. Конан, охотник, воин и следопыт. Ариниона, моя ученица.

Девушка вскинула на меня серьезные серые глаза. Я вежливо наклонил голову.

В руках Ари держала меч. Тот самый, выбитый мною из рук Голтаргона в лесу. На темном рубине, украшающем навершие, играли пурпурные блики.

— Твой трофей, — улыбнулась Кешт. — Возьми этот меч себе, право же, он того стоит.

Ари отдала мне клинок и вышла.

Кешт поднялась, поставила бокал с недопитым вином на стол, не спеша приблизилась ко мне.

— Как ты себя чувствуешь, Конан?

— После твоего лечения — великолепно. Как новенький.

В вырезе ее платья поблескивал изумруд на серебряной цепочке.

— Могу хоть сегодня пуститься в путь, — сказал я, в глубине души отчаянно ища повод задержаться.

— Так быстро? — Кешт присела на подлокотник моего кресла. Зеленые глаза ее оказались почти вровень с моими. — Какая в этом нужда?

— Я мог бы...

Тонкий пальчик лег на мои губы, заставляя умолкнуть.

— Ты мог бы остаться, Конан. И я буду рада, если ты задержишься здесь, охотник. Столько, сколько захочешь.

Что ж, меня не требовалось упрашивать. В моей жизни было полно дорог и впереди их оставалось не меньше. Дороги могут и подождать. Куда они денутся, дороги?

* * *

Я подлюбовался игрой бликов на клинке и убрал меч в ножны. Откинулся на спину, заложив руки за голову и глядя в небо. Там, наверху, разгулялся ветер, гнал серые облака, яростно рвал их в клочья, и в прорехах то тут, то там, выглядывали холодные звезды.

До Арнамагелля оставалось полдня пути. Завтра, после многих лет войн и скитаний, я снова увижу Кешт.

* * *

Замок был пуст. Я почувствовал это сердцем прежде, чем спешился во дворе, прежде, чем торопливо зашагал по гулким, выстуженным коридорам, заглядывая во все двери.

— Кешт!

Ни звука в ответ. Замок не был разрушен — казалось, хозяева оставили его лишь ненадолго. Но в уютных комнатах и больших залах поселились холод и липкая, тревожная тишина.

Люди покинули это место. И покинули не вчера.

Я медленно вышел за ворота, ведя коня в поводу. Я понятия не имел, что делать. Я не знал, что случилось здесь и где искать Кешт. Я был уверен только в одном: с рыжей волшебницей случилась беда.

* * *

Где же мне искать тебя, Кешт? Сказал ли я это вслух или только подумал, а только мне внезапно ответили. Невдалеке мяукнула кошка. Ничего особенного, казалось бы, но мне отчего-то вдруг нестерпимо захотелось увидеть эту кошку. Я поднялся и отошел от обрыва, на краю которого сидел, глядя на катящиеся внизу тяжелые волны реки. Мяуканье повторилось. Ближе. Я шагнул было к деревьям, из-за которых оно раздавалось, но мне навстречу уже метнулась рыжая молния, острые коготки вцепились в одежду — миг, и кошка оказалась у меня на плече, ткнулась острой мордочкой в щеку и замурлыкала.

Следом за ней из-за деревьев показалась Ари. Бледная, с растрепавшейся косой и остановившимся взглядом.

— Ариниона.

Она повернула голову и посмотрела на меня, словно не узнавая.

— Ари, — я подошел ближе. — Ари, где Кештиора?

Губы девушки дрогнули, серые глаза наполнились слезами. Ари ткнулась носом мне в плечо и заревела в голос.

* * *

Мне пришлось немало повозиться, прежде, чем Ариниона перестала рыдать. Я обнял девушку за тонкие плечи, на которые была накинута моя куртка, и осторожно забрал у нее из рук фляжку с вином, к которой она то и дело прикладывалась.

— Ари, — сказал я как можно мягче, — расскажи мне, что произошло.

Она всхлипнула было, но тут рыжая кошка, смирно лежавшая у костра, внезапно вскочила, выгнула спину, вздыбила рыжую шерсть и сердито зашипела на девушку.

— Да, да, — торопливо сказала Ари. — Я все рас...скажу. Прости, наставница.

Наставница? Похоже, девушка заговаривалась. Знать бы еще, что ее довело до такого состояния.

Кошка фыркнула и принялась энергично умываться. Ари внезапно успокоилась.

— Все случилось еще в начале весны, — она вытерла щеки ладонями и уставилась в огонь. — Явился какой-то маг, молоденький, никому не известный, белобрысый такой. Звали его... Нар-

вад, кажется. Или Норволд. Как-то так. Ездил по всей округе, силой свой похвалялся и говорил, что приехал, мол, избавить людей от рыжей ведьмы, наславшей моровое поветрие.

Кошка оторвалась от своего занятия и снова фыркнула, сверкнув изумрудными глазами.

Ари вздохнула:

— А поветрие было на самом деле, только госпожа Кештиора здесь не при чем. Она-то как раз остановила его, не пустила дальше. И больным мы с ней помогали, кое-кого даже и выходить удалось. Да ведь, если беда приходит, люди всегда виноватых ищут. А госпожа Кештиора — она ж на виду. И на них не похожа. Умерли тогда многие. Вот... так все и вышло.

— Постой, постой, ничего не понял. Что вышло-то? Куда подевалась твоя наставница? Она хотя бы жива?

Ари молча показала глазами на кошку. Та лежала, аккуратно поджав лапки, и шевелила острыми ушами. Словно к разговору прислушивалась.

Я вздохнул, но почел за лучшее промолчать. В конце концов, если рассказ Ари что-нибудь прояснит, и я сумею найти Кешт, та, быть может, сумеет помочь ученице.

— Она здесь, — очень тихо сказала девушка. — Я не сумасшедшая, господин Конан. Просто... госпожа Кештиора не может превратиться обратно.

Кошка повернула к нам голову, наострив уши.

— Но почему ты не позвала на помощь? Этих ваших... из Ордена?

— Кештиора Арнамагелльская исключена из Ордена Рубинового Трезубца. За поединок и убийство себе подобного.

— Этого, белобрысого? — прищурился я.

— Да... Слухи расходились все шире... кажется, госпожа говорила с ним, но, видимо, безуспешно. Пыталась выяснить, откуда он взялся, но о нем никто прежде не слышал. А потом он явился в Арнамагелль во главе огромной толпы. И бросил госпоже вызов.

Она опустила голову.

— И...?

— Ну, ты же знаешь госпожу Кештиору. Она рассердилась, просто в ярость пришла. Я, говорит, сейчас проучу этого зарвавшегося щенка, он у меня узнает, что такое настоящее волшебство, будет помнить Кештиору Арнамагелльскую.

Я понимающе кивнул. Да-а, моя Кешт всегда отличалась завидным темпераментом.

Губы девушки задрожали, и я поспешно сунул ей флажку в надежде избежать нового приступа рыданий. Помогло.

— Выскочила она за ворота — там эта толпа. Кто с кольями, кто с камнями. Я хотела остановить ее, они же словно обезумели, да только разве госпожу Кештиору удержишь, если уж она что решила. Я думала — убьют ее на месте.

— Убьют? Волшебницу такого уровня?

— Ну... Понимаешь, это, в общем, непросто, но если пара сотен разом навалится...

— Н-да. И что было дальше?

Девушка сконфузилась:

— Я из окна смотрела, наружу не вышла. Я же учусь только, что бы я против них смогла? А она... госпожа Кештиора только появилась в воротах — и все замолчали. А потом...

Она внезапно покраснела и прыснула в кулачок.

— Потом она наложила заклятие распада.

— На людей?

— Нет. На их одежду. И знаешь, они как-то сразу забыли о своих претензиях к ней. Я давно не видела, чтобы кто-нибудь бежал так быстро.

Кошка мурлыкнула и облизнулась с таким видом, будто только что полакомилась изрядной порцией сметаны. Несмотря на всю серьезность положения, я засмеялся. Кешт была верна себе.

— А белобрысый?

— Белобрысый остался один. На него-то, ясное дело, ничего не подействовало. Маг ведь. И вот тут-то госпожа Кештиора говорит, мол, сейчас я на тебе, голубчик, новое заклятие испытаю. Сам, говорит, напросился.

— Что за заклятие? — спросил я без особой охоты. Терпеть не могу всех этих магических штучек, одни беды от них.

— Я не знаю, господин Конан. Новое оно было, неопробованное.

— Так Кештиора ошиблась?

— Нет! — горячо вступилась за наставницу Ари. — Она никогда не ошибается. Просто — в последний момент этот тип вытащил Зеркало.

Я уставился на нее в изумлении, не вполне понимая, зачем волшебнику в разгар магической схватки понадобилось смотреться в зеркало.

— Зеркало госпожи Кештиоры. Оно обращает любое заклинание на того, кто его творит.

— Но откуда оно у него оказалось?

— Она его потеряла. Тогда, в лесу, когда тебя встретила. Вы бежали, она его выронила, да так оно и пропало.

Я еле успел прикусить язык, чтобы не высказать все, что я думаю о растяхах, которые таскают с собой по лесу ценные магические предметы, да еще умудряются их терять.

— Так она хотела превратить белобрысого в кошку, что ли?

— Не знаю, в кого или во что. Думаю, она успела в последний момент изменить заклятие, когда сообразила, что происходит. Кошка, вообще-то, ее любимый облик. Только вот она теперь не может превратиться обратно. И магией пользоваться не может.

— А белобрысый?

— Зеркало убило его. Видишь ли, все творения госпожи Кештиоры сделаны так, что уничтожают на месте того, кто использует их против создательницы. И только она сама может остановить это. Но она-то как раз в тот момент и лишилась силы.

— И что?

— Зеркало разлетелось вдребезги. От белобрысого осталась лишь кучка пепла.

— Ей бы следовало делать свои игрушки таки-

ми, чтобы они не действовали на нее, — проворчал я. — Вместо того, чтобы фейерверки устраивать. Хотя фейерверки, конечно, впечатляют сильнее. Если зрители остаются живы.

Кошка обиженно фыркнула и демонстративно повернулась ко мне хвостом.

— Замок пуст, — сказал я. — Почему вы ушли оттуда?

— Искали способ снять с госпожи Кештиоры это заклятие. Кое-кто из ее старых друзей пытался помочь, да все без толку. Заклятие новое, а госпоже всегда удавалось придумывать нечто такое, в чем никто, кроме нее, разобраться не мог. Вот и теперь не сумели.

— А почему они не явились к вам в замок? Почему вам пришлось отправиться к ним?

— Боятся. Госпожа Кештиора теперь вроде как вне закона, помогать ей никто из волшебников не вправе. Сражения между магами строжайше запрещены.

— Но разве не белобрысый начал вражду?

— Неважно, кто первый начал. В таких случаях вне закона объявляют обоих. Или — того, кто остается в живых. Наверное, поэтому, подобные поединки случались за последние семь столетий всего раза три.

— Но в замке прежде жили люди. Теперь же он словно вымер.

— Люди боятся жить в замке, хозяйка которого утратила силу. Они считают, что там поселилось зло. Они ушли на следующий же день после того, как случилась беда.

— Ясно.

Я помолчал, соображая, как можно помочь Кешт. На первый взгляд, все возможности были уже исчерпаны. И все же...

— Скажи, Ари, как ты объясняешься с Кештиорой?

— Знаками, — спокойно ответила девушка.

Словно в подтверждение ее слов, кошка поднялась, отряхнулась, подошла ко мне и, задрав мордочку, коротко, но очень требовательно мяукнула. Я вопросительно посмотрел на Ари.

— Она хочет, чтобы мы следовали за ней, — сказала девушка.

Что ж, я не особенно сомневался, что рыжая волшебница знает, что нужно делать. Вот только сумеет ли она объяснить это нам?

* * *

Кошка быстро бежала по пустым коридорам замка. Мы с Ари едва поспевали за ней. Поворот, лестница вниз, дверь, еще поворот, короткая анфилада комнат, лестница вверх. Перед последней дверью кошка остановилась, словно в нерешительности, и уселась, обернув лапки пушистым хвостом.

— Дверь в ее личную мастерскую, — пояснила мне Ари. — Закрыта заклятием. Нам не войти.

Я критически осмотрел преграду.

— Пожалуй, я смогу ее выломать. Надеюсь, ты не обидишься, Кешт?

Кошка фыркнула и мотнула головой.

— Не выломаешь ее, — Ари вздохнула. — Магия не позволит. Тут в двери окошко есть, и я, скорее всего, сумею его открыть, да только, кроме госпожи Кештиоры туда никто не пролезет.

Кошка утвердительно мурлыкнула.

С окном Ари возилась не менее получаса. Мы с Кешт терпеливо ждали. Наконец, в двери появилась едва заметная щель, углубилась, очерченный ею квадрат стал прозрачным и, наконец, растаял. Отверстие оказалось примерно на уровне моей груди. Оно было явно рассчитано на рост хозяйки.

Я поднял Кешт с пола и помог ей забраться в окно. С той стороны двери раздался мягкий удар лап об пол. Нам с Ари оставалось только ждать.

* * *

Кешт ныряла в окошко трижды. Сначала вытаскивала в зубах небольшой полотняный мешочек, потом кусок древесной коры с продетым через него кожаным шнурком и наконец, маленькую металлическую коробочку. Мешочек и амулет я повесил на шею, коробочку засунул в поясной кошелек.

Мы отправились в путь сразу: задерживаться в покинутом доме никому из нас не хотелось.

Замок, казалось, тревожно смотрел нам вслед темными провалами окон. Впрочем, кроме меня, увидеть это было некому. Ни Кешт, ни Ари оглядываться не стали.

* * *

Добравшись до перекрестка, я спрыгнул с коня и опустил на землю кошку, которая ехала, сидя на седле впереди меня.

— Куда теперь, Кешт?

Вместо того, чтобы показать дорогу, как я ожидал, кошка быстро вскарабкалась на меня, цепляясь когтями за одежду. И потянула зубами за мешочек, висящий у меня на груди.

Я снял его, развязал, но заглядывать внутрь не спешил.

— Что это, Ари?

— Земля, — ответила девушка. — Земля, собранная у входа в Каменную Пасть.

Если бы не многолетняя выдержка, я бы вздрогнул.

— Кому, ради всех богов, понадобилось подходить близко к Пасте? Это же самоубийство. Ари!

— Единственное место, где госпожа Кештиора может вернуть себе облик и силу, это Каменная Пасть, — тихо сказала девушка. — Волшебник становится волшебником, лишь пройдя через Пасть. Правда, не все выходят оттуда живыми. Только трое или четверо из десяти.

— А... ты?

— Я пока не волшебница. Но когда закончу учиться, я тоже должна буду туда отправиться.

— Но как вы его находите? Он же вечно меняет расположение?

Не раз и не два случалось, что люди вынуждены были покидать обжитые места, если поблизо-

сти оказывалась Каменная Пасть. Такое селение было обречено: в нем переставали рождаться дети, болел скот и бесплодной становилась земля. Те, кто уходили сразу, обычно в конце концов приживались на новом месте. Но чем дольше человек задерживался поблизости от Пасты, не решаясь бросить свой дом, тем меньше было у него шансов остаться в живых. Нет, его не поражала никакая хворь, с ним не происходило несчастного случая, он просто медленно угасал, словно что-то высасывало из него жизнь. Из тех же, кто пытался подобраться к Пасте ближе, не вернулся никто.

— Волшебник, обретший силу, набирает у входа в Пасть три горсти земли. Потом она помогает его ученикам найти это место.

— Или ему самому?

— Насколько я знаю, никто из волшебников ни разу не пробовал возвращаться туда. И никто никогда не рассказывал о том, что там увидел.

— И — Кешт?

— Госпожа Кештиора тоже молчала.

Я осторожно высыпал немного земли из мешочка в сложенную ковшиком ладонь и вздрогнул от непонятного отвращения. Растер сухие комочки в пыль. И тихо ахнул, когда невесомые крупинки серо-коричневым облачком взлетели с руки, словно подхваченные легким порывом ветра, закружились в воздухе, вытянулись в линию и через мгновение скрылись вдали.

Теперь мы знали направление. Юго-восток.

* * *

Мы не мешкали, но и не торопились. Провал — не то место, где хочется оказаться. Я многое повидал в этом мире и не раз смотрел в лицо смерти, я никогда не был трусом, но больше всего на свете мне хотелось повернуть назад. И я повернул бы, если бы не Кешт.

Мы почти не взяли с собой припасов — в замке почти ничего не осталось. Но после нескольких лун походов в рядах Ночной Стражи, с которой я провел очень множество запоминающихся дней, деньги у меня водились. Мы ночевали в трактирах, иной раз задерживаясь даже на пару дней для отдыха, а в последнем селении основательно запаслись провизией впрок. Впереди на многие лиги простирался лес, и ни один из местных охотников не мог похвастаться, что знает его весь.

Проводник, которого я нанял, распрощался с нами через четверо суток и повернул назад. Рубеж, до которого он нас довел, не удавалось преодолеть никому из их селения. Серые топи. Гиблое болото, перейти которое не удавалось еще никому. Ни перейти, ни обогнуть: оно тянулось полосой от одного края леса до другого, перекрывая путь. А по сторонам леса — горы непроходимые.

Я остановился на краю трясины и снова отсыпал в горсть земли из мешочка и растер в пыль, втайне надеясь, что Каменная Пасть снова переместилась, и не придется нам лезть в эту топь.

Но облачко, поднявшееся с ладони, улетело туда, где вспухали пузыри на поверхности голубовато-серой вонючей жижи. И ошибиться тут было невозможно.

Я молча вырубил два посоха, отмахиваясь от полчищ кровососов, накинувшихся на нас, и протянул один Ари.

— Твоя магия как-нибудь может помочь нам?

Девушка молча покачала головой, отвела взгляд. Коней своих мы оставили в селении на краю леса: здесь им все равно не пройти.

— Что ж, девочка. Понадеемся на удачу. Больше нам рассчитывать не на что.

Я потерял виски — казалось, голову сжимает ледяной обруч. Глубоко вздохнул и приготовился сделать первый шаг по трясине. И тут кошка с мяуканьем метнулась мне наперерез.

— Чего она хочет? — спросил я Ари.

— Похоже, — девушка напряженно сдвинула брови, — она хочет идти впереди.

Медленно, шаг за шагом, мы продвигались вглубь Топей. Тучи насекомых вились над нами, забивались в нос и в рот, лезли в глаза — вскоре на нас не осталось живого места. Я не смотрел назад, я не смотрел вперед, я не смотрел под ноги. Я не чувствовал времени, а вскоре перестал ощущать и укусы насекомых, и чудовищное зловоние, царившее вокруг. Мир исчез — остались только узенькая холодная ладошка Ари в одной руке и шершавая кора неоструганного посоха в другой. И впереди — рыжее пятнышко, единственная наша надежда.

Я не сразу заметил, что ступаю уже по твердой земле. А когда заметил, не сразу поверил в это. Качнулось перед глазами бледное, измученное личико Ари — я еле успел подхватить ее, она готова была упасть. Я опустил девушку на траву и уселся рядом, глядя ее по голове, а по щекам ее неудержимо катились слезы.

— Ну, будет, будет, — шептал я. — Ведь мы прошли. Мы живы, мы совершили невозможное, мы победили, Ари.

Кешт прищурила изумрудные глаза, отряхнулась и принялась невозмутимо вылизывать лапки.

— Что же нам теперь делать? — Голосок Ари звучал почти умоляюще. — Как мы переберемся на ту сторону?

— Вероятно, нам придется срочно отрастить себе крылья, — съехидничал я и тут же пожалел об этом, потому что губы девушки жалобно дрогнули и глаза наполнились слезами. Впрочем, утешать ее мне было некогда. Я действительно не представлял, как нам преодолеть эту реку.

Кешт подошла к самому краю обрыва, припала к земле и осторожно заглянула вниз, туда, где ревели и бесновалось жидкое пламя. Огненная река. Слишком широкая, чтобы перепрыгнуть. И не из чего соорудить мост. Единственное дерево

— на том берегу. Кряжистый дуб, наполовину опаленный жаром реки, но все еще живой, все еще тянущий над потоком кривые ветви.

Ветви. Я достал из мешка веревку. Ветви достаточно толстые и с зелеными листьями. Не сломаются, выдержат. И веревка выдержит. Одного.

— Ты хочешь прыгать? — губы Аринионы побелели.

Я сделал на конце веревки скользящую петлю и подошел ближе к краю обрыва, примериваясь.

— Но ведь веревка может загореться. Смочить бы ее.

Я обернулся к девушке:

— Чем смачивать? Уже больше недели ни реки, ни ручья. Воды по полфляги осталось. Истратим — а ну, как на той стороне такая же сушь? Ты можешь наколдовать воду?

— Попробую...

Кешт, прижав уши, задом попятилась от края обрыва. Похоже, здесь она ничего не могла поделать. Оставалось надеяться, что у Ари хватит умения.

Я уселся на землю, посадил кошку к себе на колени и почесал за ухом. Оставалось ждать.

— Не получается, — с отчаянием сказала, наконец, Ари. — Я никогда еще не пробовала этого делать. Только в книгах читала.

— Ясно, — вздохнул я. — Что ж, значит, рискованно. Все равно иного выхода у нас нету.

Петля туго затянулась на ветви дуба.

— Ари, давай! Я за тобою.

— Нет, — она покачала головой. — У нас толь-

ко один амулет. Поверхность реки слишком близко, жар даже здесь чувствуется. Без амулета ты сгоришь, прежде, чем коснешься противоположного берега. Кому-то придется остаться.

Я потянул ремешок с шеи:

— Прыгнешь сначала ты. Потом привяжешь амулет к камню и перебросишь сюда.

— Не получится. Посмотри.

Я проследил за ее взглядом: веревка дымилась.

— Прыгайте, месьор Конан. Вы еще успеете... может быть. Я — нет.

Я быстро пожал ее маленькую ладонь. Забросил на плечи мешок, самым непочтительным образом сунув туда Кешт. Впрочем, она ничего не имела против.

Покрепче ухватился за веревку, изо всех сил оттолкнулся ногами от края обрыва.

Может быть...

Я летел сквозь огонь — то ли несколько мгновений, то ли вечность. Вокруг с треском неслись вверх искры, и языки пламени лизали мои подошвы.

...А потом я с размаху грохнулся на сухую бесплодную почву. Невредимый, если не считать локтя, которым я хорошо приложился об камень. Поднялся. Повертел в руках и отбросил обгоревший кусок веревки.

Успел.

— Прощайте, господин Конан! — донеслось с того берега.

— До встречи, Ари!

* * *

Лес. Наконец-то, вокруг был нормальный лес. С поющими птицами. С родниками. С травой и спелыми ягодами. Я почти наслаждался — когда удавалось забыть о цели нашего путешествия. Кешт тоже приободрилась и, кажется, пыталась ловить мышей.

Как-то там Ари? Удалось ли ей выбраться или так и сгинула в пустошах вокруг той проклятой реки? Чему только Кешт учила эту девчонку? Та же ничего не умеет!

Та-ак, а где Кешт?

Я завертел головой, но кошки нигде не было видно. Висков словно коснулись холодные пальцы.

— Кешт?

Откуда-то сверху раздалось мяукание.

— Слезай. Полон лес мышей, уж птиц-то можно оставить в покое?

— Мя-ау! — и шорох когтей по коре.

Я задрал голову. Рыжая примостилась на ветке и слезать явно не собиралась.

— Кешт, не глупи. Что тебе там понадобилось? Спускайся! — я сказал это резче, чем собирался. Виски начало покалывать, вдоль хребта пополз озноб.

Новый жалобный вопль — и кошка полезла выше.

— Кешт! Ке-ешт! Кештиора Арнамагелльская!

Выше.

— Ты ведешь себя, как... последняя кошка!

Я плюнул с досады и полез за ней.

Внизу зашелестели кусты.

Я глянул туда, и холодный пот выступил по всему телу, когда я понял, от чего спасла меня Кешт.

Желтые муравьи. Земля под деревом в один миг покрылась шевелящимся и шуршащим ковром.

Крупные — длиною в ладонь, — они строили муравейники в два-три человеческих роста. И горе было тому человеку или зверю, который осмеливался приблизиться к этой постройке. За считанные секунды от него оставался обглоданный скелет.

Хуже всего было то, что раз в десятилетие, а иной раз и чаще эти твари сходили с ума. Бросали свой муравейник и мчались, уничтожая на своем пути все живое, пока не встречалась на их пути река или озеро. Останавливаться они не умели. Мне рассказывали, что потом вся поверхность воды бывала покрыта их скрюченными трупами. Впрочем, маги и деревенские знахари научились использовать эти останки для приготовления зелий и амулетов и по несколько дней после происшествия плавали на лодках, собирая муравьиные трупы в мешки.

Кое-кто сообразил даже окружать муравейники рвами с водой — на почтительном расстоянии, разумеется. Но здесь водоема не было. Меня отделяли от смерти лишь пять-шесть локтей древесного ствола внизу.

Если эти твари меня почуют...

Кешт замерла где-то у меня над головой. Она ли коснулась меня своей мыслью, спасло ли меня чутье, которое развивается у всякого воина и путешественника, но только я, неожиданно для себя самого, потянул из ножен меч. Изогнулся и приложил его поперек к стволу пониже той ветви, на которой я примостился, поджав ноги. Один из муравьев пополз вверх, ощупывая усиками кору, за ним другой, третий. Я стиснул зубы.

Усики коснулись металла и отдернулись. Муравей попятился от меча и упал вниз, на спины своих сородичей. Его место немедленно занял следующий. И тоже свалился. Отпугивал ли их меч или лишал способности двигаться, я так и не понял. Во всяком случае, когда все закончилось, и я обессиленно сполз с дерева, внизу не оказалось ни одного насекомого.

Я привалился к стволу, и почувствовал, как на плечо мне мягко соскользнула кошка. Потерлась мордочкой о мое ухо и тихо мурлыкнула.

* * *

Казалось, мои виски вот-вот покроются инеем. С каждым шагом холодный обруч вокруг головы сжимался все туже. Впервые я почти сожалел о своем даре: сейчас он только мешал. Я и без него знал, что до Каменной Пасти осталось недалеко.

Ничего живого вокруг — лишь желтовато-серые скалы, и те крошились, словно зубы старика. По дну ущелья, правда, тек слабенький ручеек,

но пить из него я не рискнул, хотя воды во флаге осталось немного, и приходилось ее беречь. Кешт, правда, тронула воду лапой и потом долго с отвращением отряхивалась. Выглядела она, откровенно говоря, неважно. Блестящая прежде шерстка потускнела и свалилась, бока ввалились, и только зеленые глаза горели прежней решимостью. Впрочем, я, скорее всего, смотрелся не лучше.

Я обогнул очередной выступ и замер. Впереди оказалась стена.

Проклятие! На возвращение придется затратить несколько дней, а пища и вода на исходе.

Я развернулся, готовясь идти обратно: отдыхать здесь почему-то не хотелось. Сзади раздавалось требовательное мяуканье. Я оглянулся. Кошка уселась у стены, перекрывшей дорогу и явно не собиралась двигаться с места.

— В чем дело, Кешт?

Я возвратился. Со вздохом вытряхнул немного земли из мешочка на ладонь. Растер. Облачко пыли взметнулось — и осело на камне стены.

«Это ветер, — хотелось сказать мне. — Здесь невозможно пройти». Но ветра не было.

— Кешт, — я присел на корточки, — если ты знаешь, как здесь можно пройти, самое время поделиться этим со мной.

Она поднялась на задние лапы и коснулась носом кошеля у меня на поясе. Я медленно развязал его и достал коробочку, которую мы прихватили из замка.

— Я должен это открыть?

В коробочке оказались какие-то семена. Я недоуменно повертел одно из них в пальцах.

— Ну, и что мне с ним делать?

Кошка ткнула носом в камни у самой стены.

— Кешт, ты уверена? Я, конечно, мало что смыслю в растениях, но ни трава, ни дерево не может расти на голом камне. Тем более, в таком месте. И потом — чем это нам-то поможет?

Кошка терпеливо ждала. Я пожал плечами и осторожно положил зернышко возле стены.

И не поверил глазам: темная кожура лопнула, из-под нее белым червяком вывернулся тоненький корешок и проткнул камень с такой легкостью, с какой игла прокалывает тонкую ткань. Через пару мгновений появился красновато-бу-рый росток, потянулся вверх — почка на его конце словно взорвалась, выбрасывая блестящие и узкие, похожие на клинки, листья. Я отступил на пару шагов: странное растение не внушало мне никакого доверия.

Корень начал ветвиться — по камню побежали трещины. Росток на глазах превратился в молодое деревце с листьями цвета запекшейся крови. Корни становились все длиннее и толще, оплетая и пронизывая камни. Трещины углубились. Я отошел еще дальше, уже догадываясь, что сейчас будет.

И вовремя. Раздался треск — и земля провалилась, словно под ней была пустота. Внушительный обломок скалы вместе с укоренившимся на нем деревом обрушился вниз. На его месте зиял теперь провал в темноту.

Каменная Пасть.

Кешт подошла к краю провала и вопросительно поглядела на меня.

Я мешкал, делая вид, что высматриваю место, где легче спуститься.

Кошка коротко мяукнула и скользнула в провал. Мне ничего не оставалось, как поспешить за ней.

* * *

Я повис на руках. Подо мной была темнота, и я не знал, сколько лететь до дна пропасти. Снизу донесся кошачий крик, но эхо подхватило его, разбивая о стены, и не понять было, зов ли это или вопль боли. И далеко ли моя спутница, я тоже не смог разобрать.

Я разжал пальцы.

Темнота стремительно рванулась навстречу, сердце ухнуло куда-то вниз, но сразу вслед за тем ступни согнутых ног ударились о невидимую землю, я упал на бок, перекатился и тут же вскочил на ноги, на всякий случай выхватив меч.

И замер. Вокруг извивались змеи. Сотни, тысячи змей, еле видимых в слабом свете, достигающем дна провала. Кешт неподвижно стояла в двух шагах от меня. Она не выглядела испуганной или растерянной, но и не делала ничего. Словно ждала чего-то.

Одна из тварей подняла голову и зашипела, другая обвилась вокруг моего сапога. Положение становилось отчаянным. «Муравьи! — молнией

пронеслось в голове. — Желтые муравьи испугались моего меча. Что если...»

Я опустил клинок вниз и коснулся им тела змеи, ползущей по ноге. Тварь тут же разжала кольца, упала на землю и уползла. Ее сородичи тоже подались в стороны. Я осторожно перевел дух.

И тут Кешт прыгнула. Мгновенно, с места. Острые коготки вцепились в куртку у меня на груди. Кошка едва не соскользнула вниз, но удержалась и вскарабкалась мне на плечо прежде, чем я протянул свободную руку, чтобы помочь ей.

Я выставил меч перед собой, опустив его почти до земли, и медленно пошел к проходу, который виднелся на противоположной стороне подземелья. Змеи нехотя расползались, уступая мне путь. Возможно, они преследовали меня — я не видел. Я не хотел оглядываться. Я ни о чем не думал.

Я просто шел вперед.

* * *

Дальше была темнота. Полная, без единого проблеска света.

Я двигался ощупью. В мешке у меня лежало несколько факелов, которые я заготовил на всякий случай еще в лесу, но я не решался зажечь их. Мне казалось, что свет потревожит покой того неведомого, что дремлет здесь, под землей. А я привык доверять чутью. И не имел ни малейшей

охоты встречаться с другими здешними обитателями. Мне более, чем хватило змей.

Кешт смирно сидела у меня на плече. Я осторожно вел одной рукой по стене, другой на всякий случай сжимая обнаженный меч.

Несколько раз я падал, споткнувшись о невидимые в темноте выступы, и мы с Кешт летели кубарем. Тогда, прежде, чем она снова забиралась ко мне на плечо, я успевал разглядеть светящиеся в темноте глаза кошки и на короткое время избавлялся от пугающего ощущения слепоты.

Один раз я чудом обогнул провал в бездну, пройдя по выступу шириной в ладонь. Я шел прижимаясь к стене, и смерть дышала холодом мне в лицо. Это был единственный раз, когда Кешт слезла с меня и пошла впереди сама.

Я давно потерял счет времени, но не чувствовал ни голода, ни жажды, ни усталости даже. Порой я сомневался, что еще жив.

А потом я услышал впереди шум воды. И увидел еле заметные лиловые отблески на стенах каменного коридора.

Кажется, мы пришли.

* * *

Странный лиловый свет был слабым, но после кромешной темноты, в которой мы провели последние несколько часов — или дней? — едва не резал глаза. Наконец, я смог оглядеться.

Перед нами было озеро. Из пролома в проти-

воположной стороне пещеры в него падала вода. Я не видел ни реки, ни ручья, берущих начало в озере. Должно быть, отверстие, в которое уходила вода, находилось ниже поверхности озера.

Я остановился и вопросительно посмотрел на Кешт. Говорить не хотелось. Я без особого удивления подумал, что молчал все время пребывания под землей. И кошка не издала ни звука с тех пор, как мы покинули пещеру змей. Что ж, наверное, голоса в Каменной Пасти были столь же неуместны, как и факелы. И столь же опасны.

Кешт подошла к кромке воды. Посмотрела на меня, потом на водопад, потом снова на меня.

Нам туда, понял я. На ту сторону.

Мочить одежду мне не хотелось. Оставлять вещи на берегу хотелось и того меньше. Я разделся и аккуратно сложил все в мешок. Факелы, правда, пришлось выложить, но почему-то я был уверен, что они нам не понадобятся. Я поднял мешок над головой и вошел в обжигающую холодом воду.

Кошка осталась на берегу. Мне показалось, что спина моя вот-вот задымится под обвиняющим взглядом ее изумрудных глаз. Я собирался вернуться за ней, но вдруг почувствовал, что не могу оставить ее одну. И еще — что ей почему-то нельзя плыть самой.

Я вернулся. Достал из мешка пояс и крепко связал факелы, соорудив из них крошечный плот. Мешок и кошку он бы не выдержал, а вот одну кошку...

Кешт прыгнула на плот, и я осторожно

спустил его на воду. Некоторое время я шел, толкая его перед собою и с трудом удерживая равновесие на скользких камнях.

Но дно постепенно уходило вглубь, и в конце концов я поплыл, держа одной рукой мешок и подталкивая вперед плот с кошкой когда другой рукой, а когда подбородком и очень стараясь не наглотаться воды.

Вот в чем я точно был уверен, так это в том, что мне не следует пить из озера.

Водопад приближался.

Кешт прыгнула на один из больших камней, выступающих из воды рядом с ним. Перебралась на соседний, потом еще на один — и оказалась прямо под водопадом.

Тут я отвлекся — мне нестерпимо хотелось выбраться из воды. Вскарабкавшись на обломок скалы, я снова взглянул на Кешт.

Она стояла неподвижно, как статуя, и струи воды стекали по ее телу в озеро.

Не кошка.

Женщина.

Волшебница Кештиора Арнамагелльская.

* * *

— Как теперь выбираться? — я прижался губами к уху Кешт, чтобы она могла разобрать еле слышный шепот.

— Тем же путем, — ответила она так же тихо.

— Он один здесь.

— Ты сможешь плыть?

Она кивнула.

Добравшись до берега, я набросил на плечи Кешт свой плащ. Иной одежды для нее не было. Та, что мы взяли, осталась в мешке Аринионы.

Обратный путь оказался легче, хотя мне по-прежнему казалось, что на плечи давит незримая тяжесть, и камни над головой вот-вот обрушатся вниз. Хозяева подземелья не любили гостей.

И все-таки дорога была не такой тяжелой. Потому ли, что меня окрыляла радость или потому, что Кешт уверенно шла впереди, и я сжимал в руке ее крепкую горячую ладонь.

Змеи расползлись прочь от меча, открывая проход. Вот только, как мы выберемся теперь наверх. Я поднял голову, оценивая обстановку и едва не вскрикнул от радости. Сверху свисал побег с узкими багровыми листьями. Неправдоподобно длинный. Я сроду не видел таких ветвей у деревьев.

— Ключ-дерево, — шепнула мне волшебница. — Что ты рот-то раскрыл? Мы используем это растение уже сотни лет. Подсади-ка меня лучше. Не достаю.

Я поднял ее, Кешт ухватилась за ветвь, подтянулась и ловко полезла наверх.

Я дождался, пока она выбралась. Подпрыгнул, вцепился в побег ключ-дерева левой рукой, и только потом убрал в ножны меч: змеи были настороже.

* * *

— Вот мы и встретились, колдунья, — раздался наверху знакомый голос, когда я был примерно на полпути к поверхности. — Я ж говорил: сочтемся.

— Голтаргон, — с ледяным презрением отозвалась Кешт. — Как это тебе удалось уцелеть?

Я полез быстрее.

— Повезло, — сквозь зубы процедил оборотень. — Твое заклятие не сработало. Я сменил облик.

— Вот как! — насмешливо бросила волшебница. — Что ж, действительно, повезло. С тех пор, как я завершила учебу, такое случилось впервые. Не поделишься... впечатлениями?

Острые листья в кровь резали руки — я не замечал этого. До поверхности оставалось не более трех локтей.

— Короткая же у тебя память, колдунья! — я не увидел, но почувствовал, как он ослабилась. — С моим братом у тебя ведь тоже ничего не вышло.

— С твоим... братом?

— Нарвальд, которого ты убила, был моим братом, — с ненавистью выдохнул он.

— Так значит, это ты его подослал! — голос волшебницы зазвенел от ярости. — Что ж, Голтаргон, воистину, нам есть о чем побеседовать. Только вот, здесь не лучшее место, чтобы выяснять отношения. Давай отойдем хотя бы на лигу, и там я буду всецело к твоим услугам.

Я сделал последний рывок и высунул голову. Голтаргон стоял ко мне спиной: умница Кешт позаботилась об этом.

Оборотень расхохотался:

— Ну, нет, колдунья! Я сверну тебе шею здесь и сейчас. Думаешь, я не знаю, что рядом с Каменной Пастью ты не станешь использовать магию? Кое-чему я все же успел научиться.

Так вот почему Голтаргон меня не почуял! Но какая выдержка у Кешт! Этот оборотень вдвое больше нее, а у нее даже нет оружия.

Волшебница, между тем, сделала испуганное лицо и попятилась. Как раз настолько, чтобы Голтаргон, сделав несколько шагов за нею, освободил место, и я сумел выбраться из провала.

— Почтенная Кештиора Арнамагелльская, — вежливо сказал я, доставая меч. — Не будешь ли ты возражать, если с твоим собеседником сначала поговорю я, ибо в прошлый раз я не успел обсудить с ним кое-какие существенные вопросы?

Оборотень мгновенно развернулся и выхватил из ножен клинок.

— Пожалуйста, достославный Конан, — столь же церемонно отозвалась волшебница. — На сей раз я не стану тебе мешать.

Мечи со звоном скрестились.

Мой противник умел сражаться, и сейчас я вновь убедился в этом. Пару раз я чудом не оступился и не полетел в бездну. Кешт молча следила за нашим боем, скрестив на груди тонкие руки.

Мой противник умел сражаться, но все-таки я

был опытнее. И быстрее. Мой меч с силой ударил по кончику его клинка — оружие вылетело из руки Голтаргона и исчезло в черном провале.

Оборотень изменил облик мгновенно. Я не ожидал этого, ведь он сам сказал, что нельзя творить волшебство рядом с Каменной Пастью.

Волк, раза в полтора превосходящий размерами обычных лесных охотников, прыгнул ко мне на грудь, сбивая с ног. Мы покатались по земле, каждое мгновение рискуя сорваться в бездну. Зубы лязгнули у самого горла, я увернулся, вцепился левой рукой в горло врага. И ударил мечом почти наугад, надеясь попасть в бок зверя. Клинок попал по чему-то мягкому, оборотень дернулся и хрипло завыл. Места для нормального замаха у меня не было, рана не могла быть серьезной. И все же ее хватило, чтобы отвлечь моего врага. В юности, когда я осваивал воинское искусство, нас специально учили терпеть боль. Сколько раз впоследствии это умение спасало мне жизнь, и я благословлял своих наставников. Голтаргон терпеть не умел. Он отвлекся совсем ненадолго, но мне хватило.

Усилием, от которого, казалось, вот-вот лопнут мышцы, я сбросил с себя врага. Я сумел вскочить лишь на мгновение раньше: несмотря на весь мой опыт, я был только человеком. Но все-таки я опередил оборотня — это и решило исход схватки. Он успел прыгнуть, но не успел уклониться от удара. Голова Голтаргона отлетела в сторону и ударилась о скалу. Тело рухнуло на меня, окатив струей горячей крови. Я едва не

упал, но удержал равновесие, балансируя на самом краю пропасти. И тут земля дрогнула у меня под ногами и начала оседать вниз.

— Меч! — закричала Кешт. — Воткни меч в землю!

Я сделал это, не задумываясь, и кусок скалы, который сползал в бездну, увлекая меня за собой, остановился.

— Уходим! Скорее, Конан!

Я выдернул меч из трещины в камне и прыгнул. Скала, остановленная было силой моего клинка, с грохотом рухнула вниз. Волшебница оказалась рядом и дернула меня за рукав:

— Бежим!

Мы мчались изо всех сил, а земля дрожала под нами — похоже, под нами была пустота, прикрытая каменным сводом. И теперь этот свод распадался. То тут, то там, огромные куски его обваливались внутрь — пару раз мы чудом успели метнуться в сторону.

А потом, когда ноги уже почти не держали нас, и легкие горели огнем, все закончилось. Мы без сил опустились на землю, и Кешт разрыдалась, уткнувшись мне в грудь. Я не стал ее утешать, просто гладил по растрепанным рыжим волосам, давая выплакаться.

* * *

— Так что там произошло?

Я впервые решился спросить об этом. Прошло несколько дней, мы давно уже выбрались из

ущелья, и вокруг были поросшие соснами невысокие горы.

Кешт ответила не сразу: она пила из родника. Это было такое невероятное счастье — снова почувствовать вкус воды. Живой. Настоящей.

Наконец, волшебница выпрямилась и вытерла ладонью губы.

— Голтаргон сказал, что рядом с Каменной Пастью невозможно использовать магию. А как же он...

Она покачала головой.

— Не невозможно. Просто никто в здравом уме не стал бы этого делать. То, что нам с тобой удалось убежать — чудо. Знаешь, я до сих пор не могу поверить, что мы остались в живых. Правда, — она помрачнела, — еще неизвестно, какой будет наша жизнь и чем придется платить за то, что мы потревожили духов камня.

— Не мы.

— Да. Возможно, именно поэтому нам и позволили уйти.

— Но почему Голтаргон сделал это? Ведь он — знал.

— Хотел уничтожить нас. Пусть даже ценой собственной жизни. Между прочим, ты оказал ему огромную услугу, Конан. Даровал легкую смерть.

— Сомневаюсь, что он оценил это.

Волшебница хмыкнула.

— Кстати, а что это за меч?

— Меч этот редкостный, таких на весь мир существует десятка два. Их куют в Замке Единоро-

га, и каждый мастер может создать лишь один подобный меч за всю свою жизнь. А закаляют их в воде подземного озера.

— Того самого?

Она кивнула.

— Но как он попал к Голтаргону?

Кештиора вздохнула:

— Волшебники далеко не всегда ладят между собой. Голтаргон присоединился к одному из враждующих магов, а когда тот с его помощью уничтожил противника, потребовал в награду этот меч.

— А мне ты зачем отдала клинок?

Она долго не отвечала. Наконец, посмотрела мне в глаза:

— Сама не знаю. Просто почувствовала, что он должен быть у тебя.

Я окунул руку в источник и медленно провел влажной ладонью по лицу.

— Я вот никак в толк не возьму, почему твоя магия не подействовала на оборотня? Тогда, в лесу.

— Сама ломаю над этим голову. Понимаешь, я не могла ошибиться. Заклятие было сплетено, как надо. Оно не могло не сработать.

— И усыпляющее снадобье не подействовало тоже. Даже усиленное магией.

Кешт вскочила на ноги и уставилась на меня так, словно у меня отросла вторая голова.

— Усиленное — чем? На этой игле, которую ты всадил в Голтаргона, было что-то еще, кроме мази из трав? Да знаю я, знаю, чем наемники мажут свое оружие! — она досадливо махнула ру-

кой. — И яды знаю, и зелья. Но ведь ты говорил, что не любишь магии.

— Ну... — я поморщился, — одна старуха предложила наложить заклятие. В благодарность за то, что я вызволил ее младшего сына из плена. А я не хотел ее обижать.

— Пф-ф-ф! Стало быть, два заклятия наложились и лишили друг друга силы! — почти радостно воскликнула Кешт. — Только и всего!

Я невольно усмехнулся. Мы едва не погибли из-за этой ненадежной магии, а Кештиору, похоже, волнует лишь то, что это не было ее личным промахом. Волшебницы!..

И я мысленно дал себе слово никогда больше не пользоваться чародейскими штуками. Хватит с меня!

— Отдохнула? — спросил я. — Тогда пора идти дальше. Иначе мы и за год не доберемся до Арнамагелля. Пешком-то!

— Пешком? — Кешт подняла светлые брови. — Это еще зачем?

Словно в ответ на ее слова с неба камнем упал сокол и уселся ей на плечо. Волшебница осторожно сняла что-то привязанное к лапе птицы.

Серебряный браслет.

— Ари уже дома, — сказала Кешт. — И ждет нас там.

Поймала мой изумленный взгляд и звонко рассмеялась:

— Птицы сказали, кто же еще!

Из воздуха рядом с нами соткалась полупрозрачная дверь.

— Добро пожаловать в Арнамагелль, Конан-охотник.

* * *

— Нет, меч я оставляю тебе, — я почти сердился. — Я же говорил, что не люблю волшебство. Да и не умею я пользоваться магическими клинками, так что тебе от него будет больше проку. Я же предпочитаю честную сталь.

— Что ж, — Кешт пожала плечами, — как хочешь.

Она встала на цыпочки и прижалась носом к моей щеке.

— Когда тебя ждать теперь?

Я проглотил комок в горле.

— Может быть, через месяц. Может быть, через год. А может быть, через десять лет. Никогда не знаешь наверняка, сколько продлится дорога и куда она приведет.

Кешт уткнулась мне в плечо.

— Я буду ждать тебя, Конан-охотник. Смотри же, не рискуй головой больше, чем это необходимо. Я буду следить за тобою, имей в виду. Я буду посылать птиц.

Она чуть отстранилась и заглянула мне в глаза:

— Ты вернешься ко мне живым? Обещаешь?

— Обещаю. Если ты тоже пообещаешь мне кое-что, Кешт.

— Чего же ты хочешь?

— Когда надумаешь снова отправиться в лес, оставляй зеркальце дома!

СОДЕРЖАНИЕ

ТВЕРДЫНЯ ПОЛУНОЧИ

Керк Монро

Глава первая.....	7
Глава вторая.....	39
Глава третья.....	72
Глава четвертая.....	105
Глава пятая.....	139
Эпилог.....	181

ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ

Ник Орли. Легенда Лемурии.....	187
Керк Монро. Ночная Тигрица.....	335
Керк Монро, Арт Потар. Гробница Скелоса.....	292
Джесс Эвейл. Рыжая Кошка.....	343

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Капнина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

**Книги издательской группы АСТ
вы сможете заказать
и получить по почте
в любом уголке России. Пишите:**

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ
по низким издательским ценам
в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «ХЛ», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Литературно-художественное издание

**Монро Керк, Орли Ник,
Потар Арт, Эвейл Джесс**

**КОНАН
И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ**

Руководитель проекта: *Дмитрий Ивахнов*

Составитель: *Наталья Баулина*.

Художественный редактор: *Игорь Богданов*.

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*.

Обложка: *Владимир Савватеев*

Верстка: *Ирина Федорова*.

Технический редактор: *Валентин Успенский*.

Корректор: *Светлана Митина*.

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение № 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс». Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

conan@sp.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32

от 27.08.02. РБ, 220013, Минск, ул. Кульман,

д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

Открытое акционерное общество
«Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».

220600, Минск, ул. Красная, 23.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И ПОДЗЕМНЫЙ ОГОНЬ 49	КОНАН И МЯТЕЖ ЧЕТЫРЕХ 50	КОНАН И КАБИМО ЗМЕЯ 51	КОНАН И ХОЗЯИН ОКЕАНА 52	КОНАН И КОРОНА МИРА 53	КОНАН И ПОСЛАНИЕ СВЕТА 54	КОНАН И СПЯЩЕЕ ЗАО 55	КОНАН И ЗВЕЗДЫ ШААДУБАРА 56
КОНАН И СКАЛЕП ХАОСА 57	КОНАН И ЖРЕЦ ТАРИМА 58	КОНАН И СВЕТИЛИЩЕ ПИКТОВ 59	КОНАН И ПОВЕЛИТЕЛЬ МОАНИИ 60	КОНАН И ТИГРЫ ХАЙБОРИИ 61	КОНАН И ВЛАДЫКИ БУРИ 62	КОНАН И СЛЕД ИСПОМИНА 63	КОНАН И САУТА ТУМАНА 64
КОНАН И ЛЮК ЗВЕРИ 65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ 66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ 67	КОНАН И ЗАКАТ АРГОСА 68	КОНАН И АЛЛА ПЕЧАТЬ 69	КОНАН И ТАНЕЦ ПУСТОТЫ 70	КОНАН И ПОСЛАНИЕ МРАКА 71	КОНАН И ГОЛОС КРОВИ 72
КОНАН И ТЕНЬ ВЕТРА 73	КОНАН И ПРИНЦ ЗИНГАРЫ 74	КОНАН И ЖЕМЧУЖИНА ПУСТЫНИ 75	КОНАН И ДУХИ ГОР 76	КОНАН И СОКРОВИЩА ТАРАНТИИ 77	КОНАН И НЕФРИТОВЫЙ КУБОК 78	КОНАН И УБИЙЦЫ ЧУДОВИЩ 79	КОНАН И СТРАННИКИ МОРЕЙ 80
КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ 81	КОНАН И ВЛАДЫКА ЛЕСА 82	КОНАН И НАТРАДА НАЕМНИКА 83	КОНАН И ЛЕГИОН ЗАРИ 84	КОНАН И ПЛАМЯ ВОЗМЕДИЯ 85	КОНАН И ТРОН ВЕДЬМЫ 86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ 87	КОНАН И МЕСТЬ БЕЛА 88
КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИИ 89	КОНАН И ВОЛЧЬЯ БАШНЯ 90	КОНАН И КЛЕТВА ВАРВАРА 91	КОНАН И СКИПЕТР МАТА 92	КОНАН И ЗОЛОТАЯ ПАНТЕРА 93	КОНАН И ЛЕГЕНДА ЛЕМУРИИ 94		

ISBN 5-17-021061-2

9 785170 210619